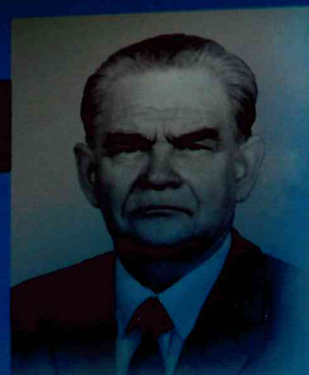

ISBN 978-5-6042058-0-8

9 785604 205808

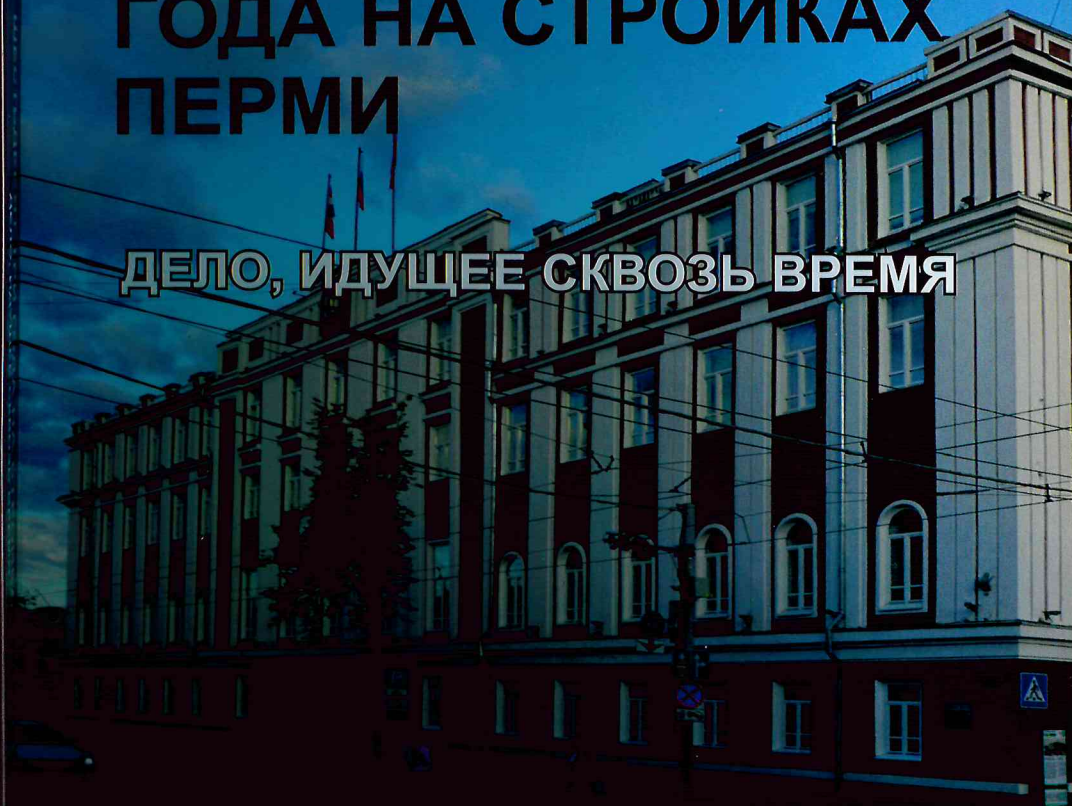

К 300-летию города Перми

МИХАИЛ
ПЛЕХАНОВ

ШЕСТЬДЕСЯТ ТРИ ГОДА НА СТРОЙКАХ ПЕРМИ

ДЕЛО, ИДУЩЕЕ СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Автобиография
Очерки

К 300-летию города Перми

МИХАИЛ
ПЛЕХАНОВ

**ШЕСТЬДЕСЯТ ТРИ ГОДА
НА СТРОЙКАХ ПЕРМИ**
ДЕЛО, ИДУЩЕЕ СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Автобиография
Очерки

УДК 82-94
ББК 60.526
П385

Книга издана при поддержке Администрации города Перми и
муниципального бюджетного учреждения
«Архив города Перми»

Плеханов Михаил Сергеевич

П385 Шестьдесят три года на стройках Перми.

Дело, идущее сквозь время / Автор-составитель

М. С. Плеханов. – Пермь, 2018. – 236 с.; илл.

ISBN 978-5-6042058-0-8

УДК 82-94
ББК 60.526

ISBN 978-5-6042058-0-8

© М. С. Плеханов, 2018

Плеханов Михаил Сергеевич родился в 1929 году в городе Родники Ивановской области.

Начал трудиться в 1944 году, имеет трудовой стаж 74 года, продолжает работать в Пермском национальном исследовательском политехническом университете до настоящего времени.

За время трудовой деятельности получил звание и награжден:

- Заслуженный строитель Российской Федерации. 1994 г.;*
- Медаль «ВETERАН ТРУДА». 1985 г.;*
- Медаль «За доблестный труд». 1970 г.;*
- Юбилейные медали «30, 40, 60, 65, 70 лет Победы в ВОВ 1941-1945 г.г.»;*
- Почетный знак города Перми «За заслуги перед городом Пермь». 2018 г.;*
- Почетный знак «60 лет Пермский шлюз. 1954-2014»;*
- Знак «Почетный строитель» Минрегионразвития РФ;*
- Почетный знак «Строительная слава». 2008 г.;*
- Почетный член Ассоциации «Пермские строители». 2007 г.;*
- Знак «Ветеран строительного комплекса Пермского края» 2009 г.;*
- Благодарственное письмо Исполкома Пермского совета народных депутатов;*
- «За активный многолетний труд и активное участие в работе городского совета». 1989 г.*
- Благодарственное письмо Администрации Свердловского района г. Перми. 2016 г.*
- Член градостроительного Совета Администрации г. Перми. 2017 г.*
- Член Общественного Совета Министерства строительства и архитектуры Пермского края 2018. Советник Главы города Перми 2006-2011г.г., 2017 г. - до н.с.в.*

Я очень благодарен за помощь, которая оказана мне при составлении этой книги очерков о личном участии в строительстве нашего краевого центра с 1954 по 2018 годы и высказываю самые добрые отношения и уважение работникам Администрации, которые помогли мне в этой работе. Главе города - Дмитрию Ивановичу Самойлову; руководителю аппарата Администрации Елене Леонидовне Анисимовой; заместителю главы администрации города Королевой Лидии Владимировне; помощникам руководителей города - Евгению Александровичу Горбушину, Анне Алексеевне Водолевой, Евгении Сергеевне Денисовой и всем тем, с кем мне приходилось работать.

ОТ АВТОРА

За годы, когда я начал осознанно встречаться с людьми, а это было начало тридцатых годов прошлого века, я очень благодарен им за то, что они встретились на моем жизненном пути.

Я помню Киев 1931 года. Мы жили в коммунальной квартире, а рядом в комнате жили соседи, у которых была собака породы бульдог. Мы с ней очень дружили, я катался на ней верхом, трепал ей мордочку. Если очень надоедал – она забиралась под кровать, где я достать ее не мог. За все время пока мы жили в Киеве, эта страшная на вид собака ни разу не только не укусила, но и даже не зарычала на своего «мучителя». Соседи были довольны, что соседский мальчик играет с их любимицей.

Учеба в школе, первые годы работы до института, учеба в институте – это годы моего становления: командир – капитан Михаил Андреевич Егоров, староста группы Леонид Рябушко, Александр Иванов. На стройках Камской и Воткинской ГЭС: прораб Я.В. Савоев, начальник СМУ И. Бондаренко и многим, многим с кем мне пришлось работать мастером на этих, крупнейших стройках страны.

Я очень благодарен тем, с кем судьба меня сводила на стройках города, с начала, когда я работал прорабом, а затем заказчиком по проектированию и строительству объектов города. Без их участия и понимания складывающихся ситуаций было бы невозможно осуществлять возведение уникальных сооружений, которые украшают улицы, площади и парки нашего, теперь уже родного города. Новые микрорайоны, возведенные в семидесятые и восьмидесятые годы, до настоящего времени востребованы жителями, как благоустроенные территории со школами и детскими садами.

Сегодня в Ассоциации «Пермские строители» в совете ветеранов, средний возраст которых достиг восьмидесяти лет, собрались те, кто отдал строительству свои лучшие годы, и об этом никто из них не жалеет.

Мы, ветераны, гордимся тем, что возводили наш Уральский город в послевоенное время. Вместо бараков возводили кирпичные и панельные дома, объекты культуры, просвещения, здравоохранения, торговли, инженерной инфраструктуры. В этой работе есть доля моего труда.

ОТЗЫВЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЙ

2003 год

Управление здравоохранения.

Зам начальника управления А.М. Аликин.

Личный вклад Михаила Сергеевича в развитие материально-технической базы здравоохранения г. Перми и области за его период работы с 1970 по 1992 годы – огромен. Как главный инженер УКСа Пермского горисполкома он принимал активное участие в разработке проектов, их согласовании со службами и организациями города. Участвовал в оперативных совещаниях по строительству и обеспечению ввода в эксплуатацию объектов здравоохранения:

- комплекс зданий областной клинической больницы – хирургического и глазного корпусов, пищеблока, общежития для работников больницы, реконструкции поликлиники;

- комплекс зданий областного противотуберкулезного клинического диспансера «Фтизиопульмонология»;

- комплексы зданий: областной СЭС и СЭС Кировского района; детской клинической больницы; первой очереди онкологического диспансера; автобазы скорой медицинской помощи; психиатрической больницы п. «Банная Гора»; детских санаториев «Лесной уголок» и «Малыш»;

- здания: станции переливания крови, главный корпус и пищеблок клинической больницы №2, детских больниц №3, №13, №18, медсанчасти №9 – родильного, гинекологического отделений, инженерного корпуса; родильный дом в Кировском районе.

- другие учреждения здравоохранения.

*Главное управление внутренних дел Пермской области.
Полковник М.И. Седенин*

Главное УВД Пермской области информирует о личном вкладе Михаила Сергеевича, как главного инженера УКСа Пермского горисполкома, в развитие материально-технической базы ГУВД в 1970-1992 годы. С его участием введены в эксплуатацию в областном центре здания и сооружения:

- комплексы: областной ГАИ по ул. Бульвар Гагарина; батальона милиции в микрорайоне Загарье; пожарные депо в микрорайоне Парковый, в Кировском районе и на Гайве; для полка патрульно-постовой службы на правом берегу реки Кама; гаража УВД по ул. Героев Хасана;

- здания: городского управления УВД, Ленинского и Мотовилихинского районных отделов милиции; размещения служб УВД по ул. Чернышевского, поста ГИБДД УВД у моста через реку Кама.

*Департамент культуры и искусства Пермской области.
Председатель О.П. Ильиных*

Михаил Сергеевич лично участвовал в разработке проектной документации, строительстве и вводе в эксплуатацию объектов культуры:

- здания: Пермского драматического театра, театра юного зрителя (реконструкция), театра кукол (реконструкция), Пермского хореографического училища;

- памятников: «Тыл-фронту», «Скорбящая», «Добровольческому танковому корпусу» (реконструкция), бюст «Вождю революции».

Комитет строительства, архитектуры и градостроительства Пермской области
Председатель комитета Ю.Н. Чадов.

Благодаря инициативе Плеханова Михаила Сергеевича получило развитие высотное домостроение, построены знаковые для Перми градостроительные объекты, отнесенные к архитектурно-историческим памятникам: Пермский цирк, драматический театр, Дворец пионеров, Ледовый дворец спорта и другие, отмеченные премиями Правительства РСФСР. При его непосредственном участии возводились, начиная с отвода земельных площадок, проектирования и строительства под «ключ» более 2300 различных социальных объектов. В том числе:

- новые жилые микрорайоны: Юбилейный, Садовый, Парковый, Волгодонской, Гайва VII-IX, по улице Попова и другие здания в районах города;

- значительное количество комплексов и отдельных зданий объектов здравоохранения;

- более шестидесяти школ и детских садов, объекты для Главного управления УВД Пермской области и ряд уникальных городских сооружений.

Муниципальное управление капитального строительства
Начальник управления А.В. Голдобин

Заслуженный строитель России Михаил Сергеевич Плеханов проработал в УКСе 20 лет в должности главного инженера. В этот период лично руководил работой технического, сметного и производственного отделов управления. При его личном участии и контроле выполнялись работы 15 институтами города и России. Лично подписал в производство работ более чем по двум тысячам трехстам городским объектам (более миллиона листов

рабочей документации). Организовывал работу производственного отдела УКСа, принимал объекты рабочими комиссиями и участвовал в работе государственных комиссий по вводу в эксплуатацию городских объектов:

- жилищное строительство: введено в эксплуатацию три миллиона четыреста сорок тысяч квадратных метров жилых домов (73 тысяч квартир), в которые заселено более двухсот двадцати тысяч жителей города;

- здравоохранение и социальное обеспечение: всего более семидесяти зданий и сооружений, в том числе: протезный завод, здание по начислению пенсий по ул. Пушкина, завод и здания «Медтехники», здание городской дезинфекционной станции, для инвалидов труда в микрорайоне Верхняя Курья и Гайва;

- объекты Главного управления внутренних дел Пермской области – четыре комплекса и шесть зданий;

- объекты просвещения и культуры: восемнадцать общеобразовательных школ по тысяче ста семидесяти шести школьных мест, школы специального назначения и 42 детских сада на одиннадцать тысяч мест, здание Пермского драмтеатра, ТЮЗа, хореографического училища, Ледовый дворец по ул. Сибирской, клуб и мастерские для общества слепых, памятники: «Тыл – фронту», «Уральскому добровольческому танковому корпусу», Дворец пионеров, реконструкция стадиона для школьников и т.д.

- объекты жилищно-коммунального хозяйства: строительство систем водоснабжения – первая, вторая, третья очереди и водоотведения – первая и вторая очереди; реконструкция трамвайных путей, строительство троллейбусных линий, реконструкция плотины Мотовилихинского пруда и многие другие объекты и сооружения;

- объекты транспорта и связи: здания АТС в Парковом и по ул. Куйбышева, первая реконструкция автотрасса Пермь – аэропорт «Большое Савино», автодороги: на Чусовские очистные сооружения, к микрорайону Парковый, в Кировский район, Бахаревка – Осенцы и т.д.

- объекты торговли и разные городские объекты: магазины на ул. Борчанинова, на ЧОС, на ул. Самарканской, бани в Мотовилихе и на ул. Газеты Звезда, городской колумбарий и Центральный навильон на Центральном колхозном рынке.

ОТЗЫВЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.

2018 год

*Благотворительный фонд «ПЕРВОГОРОД»
Президент фонда В.А.Вожеников*

Мы знаем Михаила Сергеевича Плеханова, как высококлассного специалиста, более двадцати лет возглавлявшего, как заказчик, строительство жилых домов, объектов культуры, связи и объектов городской инфраструктуры.

Все объекты по титулу Пермского горисполкома, проектная документация выполнялись под личным контролем Михаила Сергеевича, и он не только контролировал проектирование всех городских объектов, но и курировал строительство этих объектов, как председатель рабочей комиссии принимал и сдавал их Государственной комиссии.

ООО «ВЕРТИКАЛЬ»

Генеральный директор М.А. Опарин

В 1993-м году получил лицензию на выполнение работ по капитальному ремонту, реконструкции гидротехнических сооружений и строительству новых. Наши работники знают Михаила Сергеевича по строительным работам 1970-1992 годов.

В 1976 году Михаил Сергеевич получил задание от руководства города по восстановлению Мотовилихинского пруда, который долгие годы стоял без воды. Специализированные институты России отказались выполнять этот заказ, и тогда Михаил Сергеевич предложил институту «Пермгражданпроект» выполнить проект восстановления водосбросных сооружений, ограждающей дамбы, нового быстротока для отвода сбрасываемой из пруда воды по его личным эскизам.

Институт выполнил проект реконструкции Мотовилихинского пруда по эскизам Михаила Сергеевича, рабочие чертежи были составлены, подписаны в производство, и в течение

двух лет восстановительные работы по гидротехническим сооружениям были закончены. Отреставрированный в семидесятые годы водосбросный тракт и гидротехнические сооружения Мотовилихинского пруда проработали более четверти века без текущего и капитального ремонта.

Михаил Сергеевич, как инженер гидротехник, активно помогал ООО «ВЕРТИКАЛЬ» по возведению многих гидросооружений в Пермском крае, в том числе береговых укреплений в городе Кунгур.

ООО «ПЕРМПРОМПРОЕКТ»

Директор В.В. Коркодинов

Наш институт в семидесятые, восьмидесятые годы прошлого века специализировался по проектированию промышленных и социальных объектов города, возводимых по титулу УКСа Пермского горисполкома, где в то время главным инженером работал Михаил Сергеевич. УКС ежегодно заказывал институту проект капитальной реконструкции и строительства трамвайных путей в количестве от одного до полутора километров. Работа кропотливая, но институт справлялся с поставленными задачами, и, если возникали трудности с согласованием проекта со службами города, то Михаил Сергеевич эти вопросы всегда оперативно решал.

Четвертьвековая, бесперебойная работа городского транспорта, обеспечила своевременную доставку работников на предприятия города, в этом была и заслуга М.С. Плеханова.

ОАО «ВерхнекамТИСИЗ»

Заместитель генерального директора В.Ф. Флотский

Как единственный заказчик, УКС Пермского горисполкома, выполнял строительство всех городских объектов и в этом была определенная трудность в формировании годового плана изыскательских, проектных, строительных работ. На наш взгляд, с этой задачей, Михаил Сергеевич Плеханов, как главный инженер УКСа, справлялся блестяще.

После обрушения части дома в Мотовилихе, построенного на старинных горных выработках медистого песчаника, стал вопрос, как дальше выполнять изыскательские работы в городе. Всю ответственность Михаил Сергеевич взял на себя. Одновременно по его инициативе в архиве геологического музея в Ленинграде был найден план горных выработок, составленный в 1728 году. Это позволило доказать в ГОССТРОЕ России необходимость выполнять на каждом городском объекте дополнительных изыскательских скважин глубиной не менее шестидесяти метров.

Внедрение в практику изыскательских работ для строительства и бурения разведочных скважин на площадке одной из школ в микрорайоне Садовый позволило обнаружить под пятном будущей школы залегание купола растворимых горных пород и принять соответствующее решение по возведению фундамента и несущих конструкций здания, и в этом большая личная заслуга Михаила Сергеевича.

ООО «УРАЛ-12»

Генеральный директор А.Л. Липатов

Впервые производственная деятельность свела меня с Михаилом Сергеевичем Плехановым в 1978 году на строительстве Сылвенской бройлерной птицефабрики. Я прораб, он заместитель управляющего трестом №12. Михаил Сергеевич отлично справился с задачами строительства птицефабрики, и у руководства области, которое ежемесячно проводило на объекте оперативное совещание, вопросов к нему не возникало. За полгода до ввода в эксплуатацию птицефабрики руководство города поставило вопрос о возвращении Михаила Сергеевича в УКС горисполкома, где за его отсутствие значительно ухудшилась производственная деятельность управления.

В 1981 году тресту №12 было поручено строительство троллейбусной линии «Комсомольская площадь – площадь дружбы и тяговой подстанции». Уже первое бурение отверстий для установки опор контактной сети выявило отсутствие на согласованных рабочих чертежах некоторых подземных коммуникаций, принадлежащих спецслужбам.

Михаил Сергеевич, как главный инженер УКСа, принял правильное решение, лично со службами города, сдавал тресту каждую точку сверления под отверстия для установки опор по всей трассе. Благодаря такому решению, трест своевременно ввел в эксплуатацию указанную трассу городского транспорта.

ООО «ПЕРМГРАДПРОЕКТ»

Директор В.А. Вотнинова

Многие сотрудники, ООО «ПЕРМГРАДПРОЕКТ», в семидесятые годы прошлого века работали в институте «Пермгражданпроект» и знали Михаила Сергеевича, как главного инженера УКСа Пермского горисполкома, который очень оперативно решал все текущие вопросы по подготовке и созданию проектной документации по объектам жилья, школ, детских домов и объектов соцкультбыта.

Благодаря его деятельности УКС Пермского горисполкома ежегодно вводил запланированное количество жилых домов, школ и детских садов. За время своей работы главным инженером Михаил Сергеевич ни разу не сорвал представление исходных данных для разработки проектно-сметной документации.

ООО «НОВОГОР-Прикамье»

Главный управляющий директор В.В. Глазков

Михаил Сергеевич обеспечивал ввод в эксплуатацию 1-й и 2-й очереди Чусовских очистных сооружений (ЧОС), 1-й очереди станции биологической очистки городских стоков (БОС) магистральных и городских сетей водоснабжения и водоотведения. Как главный инженер УКСа Пермского горисполкома, он активно работал над проектированием 3-й очереди ЧОС и 2-й очереди БОС, в том числе Главного разгрузочного коллектора левобережной части города (ГРК) протяженностью семь километров триста метров, выполненных методом горной проходки.

В процессе работы главным инженером, он создал действующие системы водоснабжения и водоотведения краевого центра Западного Урала, которые действуют более полувека, выполняя

свои функции по обеспечению жителей водой и отведя городские стоки на очистные сооружения.

Михаил Сергеевич оказал значительную помощь в завершении работ по 3-й очереди ЧОС и прокладке второй очереди ГРК.

*Закрытое акционерное общество мобильное
проектно-строительное объединение
«Шахтоспецстрой»*

Начальник Пермского управления Н.Н. Хрисанов

Коллектив МПСО «Шахтоспецстрой» благодарит Плеханова Михаила Сергеевича за тот вклад, который он вложил в строительство уникального для города сооружения – Главного разгрузочного коллектора (ГРК). ГРК - особо опасный производственный объект, который был запроектирован, рассмотрен ГОС-СТРОЕМ РФ в 1985 году, в то время Михаил Сергеевич был главным инженером УКСа Пермского горисполкома и принимал активное участие в его проектировании и строительстве. К 1992 году было выполнено три с половиной километра ГРУ из семи с половиной по проекту. В 1993 году работы по ГРК были приостановлены.

В 2006 году руководство города приняло решение о возобновлении строительстве ГРК, как очень значимого городского объекта. Благодаря усилиям Михаила Сергеевича стройка ГРК была обеспечена финансированием, что позволило МПСО «Шахтоспецстрой» завершить строительство ГРК до расчетной точки и сдать его заказчику в 2013 году.

ООО «СтроНеГ»

Генеральный директор С.В. Кудымов

Группа компаний, последователи строительного треста №15, имеют опыт тесного сотрудничества с Управлением капитального строительства Пермского горисполкома. Наиболее плотное взаимодействие между нашими организациями существовало в период, когда главным инженером в УКСе трудился Михаил Сергеевич Плеханов, при активной застрой-

ке микрорайона Н.Островского на пересечении улиц Тихая, Овражская, Веселая, Народовольческая, Революции.

Михаил Сергеевич всегда отличался четким пониманием производственного процесса, благодаря его усилиям и высокому профессионализму застройка района получила обеспечение магистральными городскими сетями водоснабжения и водоотведения.

Группа компаний, в моем лице, выражает глубокую уверенность в том, что такой профессионал своего дела, как Михаил Сергеевич, своим отношением к истории родного города, укреплением традиции взаимодействия городской администрации со строительными организациями внес значительный вклад в развитие краевой столицы.

Ассоциация «ПЕРМСКИЕ СТРОИТЕЛИ»

Председатель совета ветеранов В.Я. Гладких

Совет Ветеранов «Ассоциации Пермские строители» знают Михаила Сергеевича с 1958 года, который как прораб, начальник строительного участка треста «Спецстрой» выполнял работы по вводу в эксплуатацию объектов качественно и в установленный срок. Вводил в эксплуатацию завод «Камкабель», Головановский бумажный комбинат, строил железнодорожную ветку Ярино - Добрянка и запускал в работу Добрянский деревообрабатывающий завод, а затем был первым строителем Ново-Лядовского промышленного узла с новым поселком Новые Ляды.

Когда Михаила Сергеевича назначили работать главным инженером УКСа Пермского горисполкома, он всегда решал технические вопросы в соответствии с установленными техническими регламентами и ни когда не подводил подрядчиков и субподрядчиков. Все объекты, которые строились и своевременно вводились УКСом Пермского горисполкома в эксплуатацию, в первую очередь были заслугой Михаила Сергеевича Плеханова, главного инженера, который руководил сметным, техническим и производственным отделами управления.

ПОСВЯЩЕНИЕ

*РОДИНЕ РОССИИ, жителям города Пермь,
родителям: Плехановым Александре Петровне
и Сергею Михайловичу*

Памяти тех, кто не на фронтах, а в тылу ковал победу нашей Армии над захватчиками, посвящаются эти воспоминания. Тем, кто помнит военный город Предуралья, его оборонные заводы и тружеников тыла.

Как-то раз, рассматривая старые пожелтевшие листы рукописи своего отца Сергея Михайловича Плеханова, Михаил нашел его рассказ о том, как в 1942 году происходила попытка начать строительство небольшой гидроэлектростанции на реке Чусовая, недалеко от города Чусовой Пермской области. Эти записи передала Михаилу его сестра в начале 2000-го года. Они пролежали у него 15 лет не востребованные.

В 2012 году Михаил выпустил книгу очерков «Плотина. Вахта длиною в жизнь» о производственной деятельности за время трудового стажа. И это стало для него началом написания и издания в последующие пять лет пяти учебников для высшего профессионального образования, выпущенных в свет издательством Пермского национального исследовательского политехнического университета, и книги воспоминаний о военных годах, прожитых в Перми, «Урал, годы эвакуации».

Михаил, которому в 1941-м было 12 лет, хорошо помнил тот период, поэтому писать пришлось не долго, всего два месяца, но это были воспоминания времен войны, которую сегодняшнее поколение знает по рассказам дедушек и бабушек. В фильмах той эпохи не всегда объективно изображаются жизненные ситуации, да и не каждый понимает их с позиции автора.

Довольно сложно рассказать, как воспринял наш народ начало войны, которую никто, кроме узкого круга высшей элиты, не предполагал. В газетах, радио о грядущей войне писали и говорили своеобразно, хотя готовились к ней, начиная с 30-х годов.

В Ленинграде почти в каждом доме уже в 1938 году были созданы группы «самообороны». Матушка Михаила состояла в одной из них. Каждая женщина этой группы имела противогаз, нарукавную повязку и специальные рукавицы, которыми можно было тушить зажигательные бомбы.

Несколько раз в месяц группы «самообороны» проходили учебные занятия и учебные дежурства на крышах домов, на носилках выносили «раненых». Учились перевязывать, оказывать помощь пострадавшим при ожогах. Михаил, как и другие дети во дворе, старался присутствовать на этих занятиях, проводившихся в холле первого подъезда или на чердаках дома.

В группе учили, как правильно крест-накрест произвести оклейку оконных стекол, чтобы осколки не разлетались при взрывах, от колебания воздуха при недалеких разрывах снарядов или бомб и оставались целыми при далеких взрывах.

Сегодня мало кто помнит, каким был город Молотов в 1941 году, как он принимал тысячи эвакуированных работников, вывезенных с западных территорий СССР, с оборонных предприятий, как срочно строились первые жилые дома барачного типа, как создавалась трудовая гвардия закрытого для иностранных туристов «Города на Каме».

В послевоенные годы некоторая часть эвакуированных специалистов возвратилась на довоенные места жительства, но многие остались в Уральском городе. Заводы, где трудились эвакуированные во время войны, постарались обеспечить их жильем. Так возникли новые жилые микрорайоны.

На месте «Коноваловских пашен» завод им. Ленина возвел для бывших эвакуированных специалистов, которые

решили остаться в городе, пару сотен одноэтажных шлакоблочных домиков, каждый площадью тридцать – сорок квадратных метров, с усадьбами по двенадцать – четырнадцать соток земли, выносными туалетами и печным отоплением. Теперь эта территория после сноса «шлакоблоков» называется микрорайон «Садовый».

Часть I

СОЮЗ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПЯТЬ ЛЕТ ДО ЮБИЛЕЯ. 300 ЛЕТ ПЕРМИ

Пермь — город уникального развития. Когда-то он был первым городом на востоке Руси. До Второй мировой войны был закрытым городом, на предприятиях которого производились с давних времен пушки, а затем авиационные моторы. В годы ВОВ Пермь, тогда Молотов, стала убежищем многих эвакуированных с западных районов страны военных предприятий. Город Молотов стал «закрытым городом».

Мое поколение помнит город 40-х – начала 50-х годов, когда я еще не принимал участия в его строительстве.

После 1954 года и особенно после 1958-го я активно участвовал в преобразовании вида многих районов, жилые дома которых были построены в довоенные и послевоенные времена.

В 70-х годах было проведено изучение пассажиропотоков городского автобусного, трамвайного и троллейбусного транспорта города для формирования обоснования строительства скоростного трамвая, а затем метрополитена.

Анализ полученных данных по пассажиропотокам четко выявил тенденцию к созданию так называемых крупных «спальных микрорайонов»: Николая Островского, Паркового, Садового, Юбилейного и более мелких: Краснова, Ераничи и других, расположенных относительно недалеко от промышленных предприятий города, в которых граждане имели рабочие места.

После распада СССР и создания современного государства большинство государственных предприятий изменили свой статус и производственные мощности, в результате город Пермь в третьем тысячелетии имеет своеобразную структуру.

Многие промышленные предприятия после приватизации сокращают выпуск своей продукции или переходят к созданию производств на окраинах города.

Думается, в настоящее время мало кто сможет определить, какой будет промышленность нашего города через сорок – пятьдесят лет, и где будут концентрироваться жилые микрорайоны.

Ясно только одно — через пять лет Перми исполнится триста лет с момента ее признания городом. Это событие произошло в 1723 году.

Строительство Перми в третьем тысячелетии

В начале 50-х годов прошлого века в Перми развернулось массовое строительство жилых домов, объектов здравоохранения, соцкультбыта, школ.

Возводили объекты по довоенной технологии: стены — из кирпича, перекрытия — из деревоплиты, лестничные марши — из отдельных бетонных ступеней, укладываемых на металлические прогоны, перегородки — деревянные с обшивкой «дранкой», отделка — штукатурка с последующей побелкой или оклейкой обоями.

Жилые дома строили не выше пяти этажей, лифты отсутствовали.

В каждой квартире устраивалась кухонная плита, а в ваннных комнатах монтировалась колонка, топившаяся дровами, и во дворе обязательно устраивались дровяники для хранения дров, даже возле домов, строившихся на Комсомольском проспекте в Перми.

В каждом жилом доме имелись встроенные котельные, работавшие на каменном угле, отчего снег во дворах был повсеместно покрыт черным пеплом.

Как правило, все жилые дома создавались по «индивидуальным проектам» строительными организациями, которые имели небольшие производственные базы. Строительный раствор и бетон зачастую готовились непосредственно на строительной площадке или доставлялись автомашинами-самосвалами со стационарных БРУ (бетоно-растворных узлов).

В течение того времени были построены многие дома по Комсомольскому проспекту, улице Ленина между улицами Толмачева и Борчанинова.

Новых микрорайонов не возводили, а строительство велось исключительно на строительных площадках, образованных при сносе ветхих и аварийных домов.

Тогда же стали возникать производственные базы строительных трестов и заводов строительной индустрии: появились заводы железобетонных конструкций ЖБК-1 по улице Героев Хасана, ЖБК-2 в Осенцах, ЖБК-3 в Кировском районе и другие, на которых осваивали в массовом порядке выпуск сборного железобетона: плит перекрытий, лестничных маршей, колонн, свай.

Начало 60-х годов характеризуется созданием в России нового направления в строительстве, особенно в возведении жилых домов, — панельного домостроения.

Первое строительное-монтажное управление по возведению панельных домов, впоследствии преобразованное в трест КПД, а затем — в ППСО, было создано на

базе одного из СМУ треста № 14. Первые такие дома были в нашем городе смонтированы в Ленинском районе (двухэтажный) и в Мотовилихинском (четырёхэтажный на два подъезда). На этих домах отрабатывались не только методики монтажа, но и технология изготовления стеновых панелей.

Практически с этих строек началась в Перми эра крупнопанельного домостроения. Внедрение его технологий позволило в кратчайшие сроки создать новые крупные жилые микрорайоны: Бахаревку, Парковый, Садовый, Юбилейный и многие другие.

В период, когда город остро нуждался в новом жилье, в первую очередь, для сноса ветхого, аварийного жилья и барачков, оставшихся с довоенных и военных годов, возведение панельных домов было технической находкой.

Тогда жители города прощали проектировщикам и строителям небольшие размеры кухонь, совмещенные санузлы и другие особенности крупнопанельного домостроения, в том числе однообразные фасады.

Проектировщики и строители в 80-е годы пытались совершенствовать внутриквартирные планировки, вводили новые серии домов КПД (серия 97 и ЭП-600), но эра панельного домостроения практически сошла на нет уже к 2000 году.

В настоящее время повсеместно возводятся дома с монолитным каркасом, в которых применяется свободная планировка квартир по усмотрению будущего владельца.

Монолитные железобетонные несущие конструкции зданий позволяют возводить сооружения двадцати и выше этажей, с индивидуальными фасадами, что делает дома более привлекательными для создания архитектурных ансамблей. Внедрение в строительную практику современных технологий и применение новых материалов дало возможность нашим архитекторам создавать современные архитектурные шедевры, достойные третьего тысячелетия.

Панорама Перми будет пополняться рядом красивых жилых комплексов высотного исполнения не только в центральных районах города, но и на его окраинах.

Одна из характерных особенностей возведения жилых домов на современном этапе — обязательное размещение в подвальной части дома гаражей для стоянки автомашин владельцев квартир. Количество машиномест в подземных и наземных стоянках должно соответствовать количеству квартир дома.

Такое требование администрации города вызвано тем, что с увеличением общего количества личного автотранспорта жители «высоток» вынуждены оставлять свои авто на прилегающей территории, а это создает определенные неудобства для жителей как «высоток», так и соседних домов.

Пермь — столица Пермского края, и ее внешний облик должен создаваться не только жилыми и общественными зданиями, но и ухоженными парками, скверами, площадями. Это относится также и к транспортной проблеме.

Современные городские автомагистрали, возводимые в последние годы, значительно отличаются от дорог, построенных тридцать – сорок лет назад. Сегодня это широкие скоростные транспортные магистрали.

Введенный в эксплуатацию транспортный переход от улицы Стахановской до улицы Чкалова, а затем и Старцева, намного сократил путь из Индустриального и Дзержинского районов в Свердловский и Мотовилихинский.

Следует отметить, что традиционный строительный материал для возведения домов, кирпич, и сегодня не утратил своей значимости. Здания из кирпича как жилые, так и общественного назначения, в нашем городе продолжают возводиться и вносят свою лепту в создание городского архитектурного ансамбля.

Сегодня архитекторы Перми получили возможность создавать интересные фасады новых зданий, исключить из

своего арсенала такое понятие как «типовой проект» и не задумываться над вопросом, а пропустят ли их проект федеральные власти.

Вопросы строительства в городе рассматривает градостроительный совет под председательством главы города.

Совет решает проблемы строительства и архитектурного облика не только для каждого нового здания, но и в целом кварталов и новых микрорайонов, что положительно сказывается на всех аспектах городской застройки.

Город и экология

С уверенностью можно отметить факт озабоченности городской и краевой администраций создавшимся положением с развитием инженерной инфраструктуры, обеспечением нормальной экологической обстановки в нашем регионе, на водохранилищах Воткинской и Камской ГЭС, а также борьбой с нарастающими негативными явлениями, ухудшающими экологическую обстановку в городской черте Перми.

В памяти многих жителей сохранились еще времена, когда в малых речках, протекающих по территории города, где-то в 40-х годах прошлого века водились пескари и окуньки. В настоящее время эти речки превращены в сточные канавы промышленных отходов, а берега — в свалку городского хлама. В связи с этим следует заметить, что некоторые вопросы практической деятельности по оздоровлению экологической обстановки решаются крайне медленно.

Достаточно напомнить, что в черте города имеют место так называемые сбросы неочищенных городских стоков, включая сбросы условно чистых стоков промышленных предприятий.

Технический проект реконструкции канализации Перми (вторая очередь), разработанный ЗАО «Водопроект», рассмотренный экспертизой Госстроя России (заключение

№ 10/551 от 11.06.85) и утвержденный распоряжением Совета Министров РФ (№1838-р от 26.12.85), уже устарел, и в настоящее время необходима его корректировка по современным требованиям.

Ранее объекты развития системы канализации города Перми входили в единую российскую программу улучшения экологии Волго-Камского бассейна и финансировались по титулам Совмина, как целевые программы без права расходования выделенных ассигнований на другие цели.

Наверное, пришло время перспективного решения проблемы с водоотведением (канализацией) правобережной и левобережной частей города.

Экономический эффект от выполнения работ по реконструкции левобережной канализационной системы миллионного города неоспорим.

Для этого необходимо в соответствии с утвержденным Генеральным планом развития Перми разработать и утвердить законодательными собраниями города и Пермского края директивный график строительства систем водоотведения на 2019 – 2023 годы.

Директивный график должен быть руководящим документом для формирования финансирования планируемого объема строительства к юбилею Перми.

До празднования 300-летия города осталось всего пять лет, и их надо прожить так, чтобы наш город достойно встретил гостей на этом празднике.

Существует историческое понятие: «есть вода, есть работа — город живет».

Проблемы с водоснабжением Перми жители почувствовали в начале 50-х годов прошлого века, когда в системе водоснабжения, а точнее на водоразборных колонках, установленных на перекрестках улиц, в час пик начали выстраиваться очереди для получения воды.

Для решения этой нарастающей проблемы тогда было начато проектирование системы водоснабжения с горной реки Чусовая.

В середине 60-х годов начато строительство первой очереди Чусовских очистных сооружений.

Сейчас город не испытывает недостатка в питьевой воде из городских систем водоснабжения, но вопросы чистой воды остались, и они требуют взвешенного решения.

Согласно схеме гидрогеологического районирования Пермь находится в Восточно-Русском сложном бассейне пластовых вод. Граница города с Предуральским сложным бассейном блоково проходит несколько восточнее.

Восточная окраина Восточно-Русского артезианского бассейна в пределах территории Пермского края имеет очень сложную гидрогеологическую ситуацию, в которой выделено десять водоносных комплексов, начиная от аллювиальных речных отложений и заканчивая кембрия-бавлинской свитой, и десять водоносных горизонтов, в том числе нижнеуфимского подъяруса соликамской и иренской свит, артино-кунгурского, башкирского и визейского ярусов и так далее.

Поэтому вопросы по обеспечению жителей города чистой водой из подземных источников возникали еще в 70-е, особенно в 80-е годы прошлого века.

Даже было принято решение Совмином России, что после ввода в эксплуатацию третьей очереди системы водоснабжения города чусовской водой будет погашен Большекамский водозабор на Городских Горках.

С тех пор прошло более тридцати лет. Третья очередь системы водоснабжения еще полностью не завершена, осталось «немного» — новая фильтровальная установка и насосная второго подъема, четвертая нитка магистральных водоводов и насосная станция «Южная-2».

Ресурсы Пермского края и территории города Перми по запасам пресных подземных вод достаточно подробно описа-

ны в энциклопедии «Минерально-сырьевые ресурсы Пермского края», выпущенной департаментом промышленности и природопользования администрации Пермского края в 2006 году.

Решение вопросов по развитию систем водоснабжения и водоотведения города действительно было бы подарком к 300-летию юбилею города.

Часть II СТРОЙКИ УРАЛА

ГЛАВА ПЕРВАЯ Мастер. Стройки ГЭС: 1955 – 1958

Навигация 1955 года. Камский шлюз

Навигация 1955 года для Камского шлюза началась не совсем удачно: выявились дефекты проекта, да и строительные работы еще не были закончены.

Необходимо отметить, что шлюзы Камской ГЭС — уникальное гидротехническое сооружение. Шлюзов подобной конструкции в России в то время не было. Этот шлюз называли «лестницей гигантов», и предназначался он в основном для шлюзования плотов, идущих с верхней Камы в центр России.

«Действительно впечатляет общая протяженность шлюзовых соединений — она составляет один километр двести метров.

Шлюз состоит из верхних и нижних пал, двенадцати камер, расположенных в два ряда, которые перекрываются семью шлюзовыми воротами. Перед первыми шлюзовыми воротами располагаются аварийные ворота, которые, в отличие от шлюзовых, могут закрываться при движении потока воды через шлюзовые камеры.

В 1955 году на верхнем бьефе гидросооружений скопилось более двенадцати миллионов кубометров плотов, которые было необходимо шлюзовать.

Процесс шлюзования каждого плота занимал от двух до трех часов. Начальник шлюза А. Овчинников каждый день докладывал руководству строительства ГЭС и Министерству строительства гидроэлектростанций, сколько шлюзований плотов было произведено в прошедшие сутки на этом уникальном гидротехническом сооружении.

Долгое время я вел наблюдение за работой ворот, чтобы выяснить, в чем дело. Ответ был очень простым.

Оказалось, все четырнадцать ворот работали вразнобой: у каждой системы были свои режимы открытия — закрытия и время открытия — закрытия специальных устройств — клинкетов для пропуска воды в нижерасположенную камеру шлюза. Такая несогласованность напоминала несыгранный духовой оркестр.

В результате удавалось выполнять не более двадцати — двадцати пяти шлюзований в сутки, и это считалось достижением. Кроме того, в операциях по проводке участвовали еще две организации: диспетчерская служба порта Левшино и катера Камлесосплава.

Для ускорения шлюзования необходимо было отрегулировать работу механизмов ворот по еди-

Камский шлюз 1955 года.
Инженер ПТО М. С. Плеханов
производит хронометраж работы
механизмов шлюзовых ворот

ному регламенту выполнения отдельных операций. Это техническое решение, подкрепленное организационными мероприятиями, позволило значительно сократить общий цикл шлюзования и прогнозировать (выполнять) до сорока четырех шлюзований в сутки вместо двадцати пяти, реже – тридцати пяти.

Инициативная группа по решению этой проблемы создавалась спонтанно. В нее вошел я, инженер-гидротехник Михаил Плеханов, решавший вопросы по работе механизмов ворот, механик Федор Кондратьев, диспетчеры Станислав Гмызов, Борис Янкин, занимавшиеся согласованием работ со смежниками, и машинист электровоза Андрей Васильев, помогавший в практической реализации плана ускоренного шлюзования судов и плотов при помощи электровозной тяги.

В результате почти двухмесячной работы нашей группой был отработан комплексный график шлюзования, в котором реально было заложено сорок четыре и более шлюзований в сутки.

На 1955 год это было серьезным достижением в эксплуатации шлюза и решало основную проблему — пропуск через шлюз плотов с верхнего в нижний бьеф гидроузла Камской ГЭС.

Рождение Воткинской ГЭС

«С чего начинается Родина?» - слова знаменитой песни напоминают мне далекий 1955 год. Осенью этого года — молодой специалист - прибыл переводом с КамГЭССтроя на строительство тогда еще малоизвестной Воткинской гидроэлектростанции.

Молодой инженер-гидротехник, я приехал в эти места поздней осенью из областного центра, где остались родители и сестра-школьница, младше меня на четырнадцать лет. Приехал, как тогда говорили, по зову партии, по путевке на комсомольско-молодежную стройку.

Для начала меня назначили мастером – начальником бетоно-растворного узла.

Передо мной поставили задачу реконструировать узел, который состоял из десятка вкопанных столбов, на которых был устроен настил со смонтированными тремя бетономешалками и двумя мешалками для раствора, и приготовить его к работам в зимних условиях.

После завершения работ по созданию утепленного бетоно-растворного узла, мне предложили остаться его руководителем, но я категорически отказался и пошел работать мастером на участок «Промстрой» - строить объекты промышленной зоны будущей гидроэлектростанции.

На тот момент в поселке, где размещались первые строители Воткинской ГЭС, были возведены только пять из шестнадцати запроектированных щитовых барачков, остальные находились в стадии строительства.

Отдельно стояли четыре «юрты» - первые строения поселка.

«Юрта» представляла собой круглое здание диаметром 8,6 метра, с круглой «шатровой» кровлей и входом, как правило, с южной стороны. В центре «юрты» находилась круглая общая прихожая-кухня, двери из которой вели в шесть комнат. Все комнаты были площадью по четырнадцать

Поселок строителей ВГЭС

квадратных метров и имели форму сегмента. Внешняя, наиболее протяженная стена комнаты обогревалась небольшими электрическими печками.

Строительно-монтажное управление располагалось во временном щитовом домике, а руководство проживало в бараке, именуемом «гостиницей». Причем в одной половине барака находилась «гостиница», в другой - столовая.

Медпункт разместили в небольшом бревенчатом срубе (будущем морге), а на месте корпуса будущей больницы был вырыт котлован, в котором устанавливали опалубку фундамента.

На ручье с названием «Мутнушка» возвели наибольшую плотину, построили насосную станцию и проложили первые несколько сот метров водопровода. В весеннее время, после таяния снегов, вода из кранов напоминала «кофейный напиток» - настолько она была насыщена растворенной глиной.

В уже построенных строениях размещались контора стройки, три общежития и деревянная баня, работавшая по принципу: день – мужской, день – женский.

Строители Воткинской ГЭС

Все «благоустройство» барачных и конторных помещений располагалось во дворе.

Дети строителей школьного возраста учились в сельской школе. Детский сад был открыт в двух комнатах жилого барака.

Почтовая корреспонденция для строителей шла по адресу: село Сайгатка, ВГЭС.

Свой досуг первые строители коротали в сельском клубе, где «крутили» кино, а перед сеансами в фойе устраивали танцы.

Строительные работы по созданию промышленной базы стройки были развернуты в начале января 1956 года.

Для решения этой задачи - 1 января 1956 года в СМУ «ВоткинскийГЭСстрой» было создано два строительных участка: «Жилстрой» и «Промстрой»

К тому времени в СМУ «ВоткинскийГЭСстрой» сложился относительно небольшой, но дружный коллектив инженерно-технических работников.

Мастерами работали молодые специалисты, приехавшие на стройку по направлениям из институтов. Прорабами были специалисты, прошедшие школу Широковской ГЭС (недалеко от г. Губахи) и КамГЭСстроя.

Руководителем молодежного коллектива был избран А.А. Автух, который был первым мастером по строительству жилья в поселке.

Мне поручили возводить базовый бетонный завод, районную котельную, объекты автобазы на триста автомашин, устройство постоянных автодорог с бетонным покрытием.

Начались трудовые будни мастера. В восемь утра – пятнадцатиминутная оперативка, в шестнадцать часов – решение вопросов на следующий день.

У меня в составе мастерского участка было задействовано пять бригад, каждая 25 – 30 работников. Из них две бригады – разнорабочих, две – монтажников каменных и бе-

тонных конструкций, одна маляров-отделочников, стекольщиков, кровельщиков.

Каждую бригаду было необходимо обеспечить фронтом работ, получением необходимых строительных материалов, выписать наряд на работу и проконтролировать его исполнение.

Рабочий день мастера начинался в семь часов утра и заканчивался в шесть – семь вечера.

И так, все рабочие недели.

С тех пор, когда я работал мастером, прошло более шестидесяти лет, но мне запомнились случаи, по какой причине они произошли, я не могу объяснить и сейчас.

Ранняя весна 1956 года. Погода стояла прекрасная, ярко светило солнце, но было очень ветрено. Бригада разнорабочих-женщин выполняла работу по зачистке дна котлована на глубине три метра для укладки бетона.

Котлован предназначался для устройства в нем бетонного резервуара для хранения запаса воды на случай возникновения пожара.

Экскаваторщик при разработке котлована весь грунт высыпал на северную сторону участка. С южной стороны – была установлена лестница, по которой можно было спускаться в котлован для производства работ.

Бригада разнорабочих в обеденный перерыв уселась принять пищу вдоль северной стороны котлована, которая хорошо обогревалась солнечными лучами.

Я, проходя мимо, увидел на дне котлована прекрасную картину – бригада обедает на безветрии и греется солнечными лучами.

Когда я отошел от котлована на двести – триста метров, что-то заставило меня, остановится и бегом броситься обратно к котловану.

Я потребовал немедленно вылезать из котлована, бригадир возражала. Когда последняя работница поднималась по лестнице, северный откос рухнул на то место, где они обедали.

Второй случай произошел поздней весной 1958 года.

Мне для забивки свай для устройства небольшого моста через речку «Мутнушка» потребовался сваебойный агрегат, который находился в поселке Кварса, расположен на правом берегу реки Кама.

Агрегат состоял из дизель-молота и двенадцати метрового стального шпунта. Перевозить его необходимо было на автомашине Зис-5 с деревянной кабиной и оборудованной полуприцепом для перевозки длинномерных грузов.

Зис -5 (Зис -585) был на стройке уникальной машиной с газогенераторной установкой (их пришло на стройку в 1957 году 50 штук). Эта модель грузовика имела газогенераторную систему топлива – работала на сухих березовых чурках размером не более 10x10x10 см.

Для получения горючего газа в кузове автомашины у стенки кабины было установлено два вертикальных баллона – один оборудован как печка для сжигания березовых чурок и получения газа, а второй оборудован фильтрами для очистки получаемого газа и подачи газа в двигатель автомашины.

Между бункерами расстояние около метра.

Погрузка агрегата была выполнена быстро, так как агрегат перевозился на этой автомашине регулярно к новому месту работ: дизель-молот (установленный и закрепленный на шпунте) на платформу автомашины, а шпунтовую часть на полуприцеп.

Когда стали переезжать по льду реку Каму, то шофер не смог с первого раза выбраться на правый берег по обледенелому береговому склону, и ему пришлось медленно (задним ходом) скатываться на лед реки.

Для удобства шофер открыл дверцу кабины, встал одной ногой на подножку, развернулся корпусом на 180 градусов и медленно двигал машину по обледенелому склону вниз.

Я сделал то же самое.

Неожиданно раздался скрежет, затем звук ломающиеся досок и брусочков кабины.

Машина остановилась. Оглядываемся и видим, что в кабину на уровне плеч сидящего шофера и пассажира продвинулся шпунт и улегся на капот двигателя.

Если бы мы с шофером не смотрели назад с подножек автомашины, а оставались бы на своих местах в кабине – то шпунт, возможно, просто раздавил обоим грудные клетки.

Как мы выяснили с шофером, при движении вниз по склону шпунт уперся в лед Камы и выдвинулся в кабину. Остатки от разбитой кабинки мы погрузили в кузов и с «ветерком» отправились к месту разгрузки.

Когда машина проезжала по улицам, встречные строители радостно махали нам шапками – такого «поезда» они еще не встречали.

Время шло, и в 1958 году на рисберме первый бетонный блок, объемом до 80 кубометров был готов к приему бетона.

В акте государственной комиссии о принятии опалубки первого блока и разрешении на укладку бетона в блок имеется моя подпись, тогда инженера технического отдела СМУ УОС (Управления основных сооружений) ВоткинскГЭСстроя.

Начальником СМУ УОС был утвержден В.Э. Гергерт – активный участник строительства трех гидроэлектростанций на западном Урале: Широковской, Камской и Воткинской ГЭС, впоследствии написавший, о немцах Поволжья правдивую книгу – «Мечта и грешная и земля».

День укладки первого «большого» бетона был действительно знаменательным днем для строителей ГЭС – с этого момента начинались будни «непрерывного бетона».

Как на праздник, в котловане к месту укладки бетона собрались строители, первый самосвал привел лучший водитель – победитель соревнования за право выполнить этот рейс.

Ответственные работники Управления основных сооружений (УОС) ВГЭС и технической дирекции стройки подписали акт сдачи – приемку опалубки первого блока рисбер-

мы Воткинского гидроузла, в этом акте имеется и моя подпись, как инженера технического отдела УОС.

Начальник строительства А.К. Икамасов открыл торжественный многотысячный митинг, а потом по вековой традиции бросил в бетон горсть «белых» монет, за ним все участники митинга – так что в первом кубометре бетона много монет «на счастье».

В 1962 году указом Президиума Верховного Совета РСФСР постоянному поселку эксплуатационников ГЭС был присвоен статус города и дано название «Чайковский».

В настоящее время город Чайковский – культурно-деловой центр на западной границе Пермского края.

В память о работе в техническом отделе УОС, я меня остался случай, который во многом повлиял на мое отношение к проектной документации. В начале зимы 1957 года приказом по УОС меня перевели инженером технического отдела, в связи с отсутствием в кадрах инженеров гидротехников. На одном из производственных совещаний главный инженер стройки поручил мне выполнить расчет фундаментных балок для монтажа порталного крана, грузоподъемностью сорок тонн и вылетом стрелы пятьдесят метров, который должны был установлен на возводимой дамбе ограждающей котлован будущей стройки.

Расчет фундаментных балок, необходимо было выполнить на «мягком» грунтовом основании. Проектные институты и заказчик отказались выполнить данные расчеты. Мне пришлось согласиться. В течение недели расчеты были у меня готовы, утверждены главным инженером и сразу начато строительство фундаментных балок, а монтаж крана начат был рядом на вспомогательной площадке. К весне все было готово, оставалось передвинуть собранный на вспомогательной площадке портал крана на фундаментные блоки.

Начался обычный рабочий день и вдруг в кабинет тех-

нического отдела врывается бухгалтер и с криком «Убийца» набрасывается на меня. Все в шоке, никто не понимает в чем дело. Оказывается утром, в восемь часов, муж бухгалтерши, бригадир монтажников крана, начал передвигать двумя лебедками с электродвигателями готовый портал на постоянное место работы на фундаментные балки. Во время движения портала случилась авария со смертельным исходом, портал лебедками разорвало на части, и одна «нога», весом в десять тонн, «втоптала» бригадира в грунтовое основание. Все подумали, что фундаментные блоки не выдержали нагрузки, и виновником должен был быть я, как выполнивший расчеты по их установке.

Дальнейшая проверка установила, фундаментные блоки в аварии не причем. За сутки до аварии бригадир отдал в ремонт электродвигатель одной из лебедок в ремонт. После ремонта он установил двигатель на место. Проверка установила – после ремонта электродвигатель стал давать вместо 1400 оборотов в минуту, только 1300, и это привело к аварийной ситуации. Портал был «разорван» лебедками, бригадир погиб из-за своей доверчивости. Бухгалтерша извинилась передо мной, но я запомнил, что мелочей в стройке не бывает.

ГЛАВА ВТОРАЯ Прораб. 1958 – 1964. Стройки города Пермь

После рождения сына я весной 1958 года по настоятельной просьбе жены вернулся в Пермь и устроился на работу начальником ПТО в машинно-дорожный отряд (МДО-98) треста «Спецстрой», который вел спецработы в Орджоникидзевском районе города. Но уже через два месяца понял, что мое настоящее место на производстве — прорабом.

Так началась моя жизнь по строительству в городе Перми в должности начальника участка треста «Спецстрой».

Первыми заданиями которые были мне поручены были работы по вводу в эксплуатацию завода «Камкабель» и Головановского бумажного комбината, начало строительства автотрассы Гайва – Сосновый бор.

Дашь «Камкабель»! Дорога Дружбы

В конце 50-х годов прошлого века постановлением правительства было принято решение о строительстве в Пермской области крупнейшего центра по производству электротехнической продукции, изоляторов и трансформаторов.

«Первенцем» в этой серии должен был стать крупнейший в России кабельный завод — «Камкабель», возводить который было поручено коллективу строителей «КамГЭС-строя», у которого имелись достаточная производственная база и опытные кадры руководителей строительного процесса. Тем более, работы по строительству Камской ГЭС завершались.

Строительная площадка была определена на севере микрорайона Гайва на болотистой местности, занятой лесом, с высоким стоянием грунтовых вод.

К концу 1958 года строительные работы на стройплощадке были в самом разгаре: возведены несущие конструкции основного корпуса № 3/5, строились вспомогательные цеха и здание заводской столовой, прокладывали инженерные сети.

Вернувшись весной 1958-го со строительства Воткинской ГЭС, я работал в машинно-дорожном отряде № 98, который входил в состав треста № 4 (будущий трест «Спецстрой»), в должности начальника строительного участка. В его задачу входило строительство сетей водоснабжения, канализации, дренажа, «ливневки» и автодорог.

Строительная площадка находилась на отшибе от сетей микрорайона Гайва, поэтому пришлось срочно выполнять строительство магистральных коммуникаций к заводу. В первую очередь, для ввода в эксплуатацию заводской ТЭЦ.

Но и на основной стройплощадке надо было торопиться, так как не за горами просматривался пуск первой очереди завода. Тем более, «Камкабель» уже начал выпускать простейшую кабельную продукцию, приспособив для временного производства помещение гаража.

Строительство дорог в микрорайоне Гайва также необходимо было форсировать, потому что с наступлением холодов, как правило, дорожное строительство прекращалось.

Подъездная автодорога к заводу «Камкабель» начиналась у мини-рынка, располагавшегося напротив здания строительства «КамГЭССтроя» (ныне в здании размещается районный отдел УВД), и проходила по улице Гайвинской.

Особенно трудным в строительстве был участок дороги при пересечении небольшой, но глубокой долины Гремячьего лога рядом со строительной площадкой, так как другой объездной дороги просто не было.

Приходилось пропускать строительный и транзитный автотранспорт, укладывать водопропускную трубу, выполнять насыпь и одновременно готовить дорожное основание на подходах к логу для укладки бетонных дорожных плит. Работы закончены до наступления морозов — такая задача была поставлена руководителями строительства.

Одновременно выполнялось строительство инженерных сетей водоснабжения, фекальной и ливневой канализации-корпуса № 3/5. Размеры корпуса были огромны: длина более пятисот метров, а ширина двести метров.

Внутри него необходимо было уложить около трех километров труб различного диаметра. Из землеройных механизмов у меня на вооружении имелись только экскаваторы-драглайн, которыми в условиях строительной площадки много «не намашешься». Поэтому ряд траншей для укладки труб

приходилось выкапывать вручную с устройством креплений стенок траншей досками. Работали дружно.

На оперативках старались не подставлять коллег-субподрядчиков, а наоборот все вопросы решать в рабочем порядке. Да и генподрядчик с нами считался — в недалеком прошлом все мы были «камгэсстроевцами».

На строительство внутризаводских дорог нам необходимо было получать от генподрядчика дорожный бортовой камень. Генподрядчик (Михаил Двейрин) попросил меня по старой памяти «камгэсстроевцев» помочь построить летний полигон для изготовления дорожного бортового камня. Для этого нужно было спланировать территорию, подсыпать ее гравмассой, щебнем, укатать катком и сделать подъездную автодорогу со щебеночным покрытием.

Все эти работы не были предусмотрены сметой и планом. Но из солидарности со старым сослуживцем я их выполнил.

Так было положено начало создания на Гайве нового завода по выпуску железобетонных конструкций. Теперь на этом участке находится один из крупнейших в городе бетонных заводов «ЖБК-7».

На строительстве «Камкабеля» у меня произошло два случая, запомнившиеся надолго. В преддверии зимы я поручил одному бригадиру построить для бригады передвижную бытовку на санях, выполненных из обрезков стальных труб.

Бытовка получилась отличная: просторная, светлая, хорошо утепленная, с печкой и приспособлением для сушки рабочей одежды. При первой же непогоде бригада в составе двенадцати человек уселась там обедать.

Когда я зашел после обеда в бытовку, увидел, что стекла в окнах выбиты, трубы нет, бригадир ходит угрюмый. Начал разбираться, что произошло. Оказалось, он поленился принести со склада новую асбестовую трубу для дымохода, как

я распорядился, а подобрал лежащую рядом в луже. Ее и поставил в дымоход. Когда бригада обедала, печь затопили, влажная асбестовая труба сильно накалилась, и ее просто разорвало. Осколки с острыми краями, некоторые величиной с ладонь, разлетелись по всей бытовке, многие застряли в деревянной обшивке помещения.

До сих пор я помню, как при полной бытовке рабочих при взрыве асбестовой трубы диаметром сто пятьдесят миллиметров никто не пострадал, не был даже ранен или контужен. Правда, у бригадира было оцарапано ухо, а в стене за его спиной торчал значительный осколок этой злополучной трубы.

Трест «Спецстрой» завершал свои работы и ждал приближения окончания строительства завода.

На одной из оперативок заказчик, что называется, «упал в ноги» подрядчику с дополнительными работами, которые необходимо было обязательно выполнить до нового года. Оказывается, дело было в том, что полученный заказчиком какой-то импортный «главный» пресс должен был иметь фундамент, заглубленный ниже фундаментов колонн здания цеха, установленных и нагруженных перекрытиями.

Кроме того, через весь цех, от фундамента прессы нужно было уложить дренажную трубу, для откачки грунтовых вод на глубине около пяти метров. А это почти сто пятьдесят метров траншеи, которую предстояло выкопать вручную.

Учитывая сложность производства работ в уже практически построенном цехе, начиненном технологическим оборудованием, управляющий трестом № 4 В.А. Карабанов не приказал, а попросил меня сделать эту работу в срок. От ее завершения зависело начало монтажа прессы, выполнявшегося заводом-изготовителем.

Пришлось организовать трехсменную работу бригад и, чтобы не терять время на дорогу в город, поставил дополнительно в цех еще одну передвижную бытовку, в которой я ночевал почти две недели, пока не завершились работы 31 декабря 1958 года.

Заказчик принял их с оценкой «хорошо».

Сегодня завод «Камкабель» — одно из крупнейших предприятий в отрасли и в городе.

За своевременное выполнение работ по дренажу внутри корпуса № 3/5, строительство автодорог к заводу по территории микрорайона Гайва, ввод в эксплуатацию участка автодороги Дружбы, Гайва – Верхняя Курья, мне, как начальнику участка, была объявлена благодарность начальником десятого управления Совнархоза Почтаревым В.И. (будущим первым управляющим трестом № 14).

Поселок гидростроителей Гайва в конце 50-х – начале 60-х годов стал приобретать статус микрорайона города Перми.

Возводились корпуса завода «Камкабель», мастерские субподрядной организации превратились в крупнейший на Урале завод гидротехнических конструкций «Гидростальконструкция».

Но хороших транспортных связей микрорайона Гайва с центральными районами Перми в то время не было.

Между речным вокзалом «Пермь –1» и Гайвой регулярно «бегали» речные трамвайчики. На электричке необходимо было доехать до остановки «Камгэс» или «Кислотный», а затем на автобусах переехать на правый берег до здания треста «КамГЭСстрой» (ныне здание УВД микрорайона).

Грузовой транспорт двигался через плотину и далее по разбитому Соликамскому тракту. По этому маршруту до центра города ходили автобусы. Прямого транспортного сообщения по правобережной части города между микрорайоном Гайва и Закамском (ныне Кировский район Перми) не существовало. Имелся только проезд по лесной проселочной дороге между Гайвой и Верхней Курьей, которым и приходилось пользоваться в случае необходимости.

В конце декабря 1958 года в Орджоникидзевском райисполкоме собрались директора ведущих предприятий и начальники строительных организаций района, которые приняли

решение о строительстве новой автотрассы по правому берегу Камы от устья речки Гайвы до урочища Сосновый бор (ныне остановка «Сосновый бор») «на общественных началах». Всем надоело ездить по проселочным дорогам правого берега.

Автотрассу решили строить вдоль будущей железнодорожной ветки Камская ГЭС – Пролетарка.

Трест «Спецстрой» начальником строительства «на общественных началах» назначил меня, прораба.

Прокладывать автотрассу пришлось, что называется, по целине, так как сосновый бор стоял сплошной стеной, а единственной транспортной артерией по правобережной части в этом районе была железнодорожная ветка, построенная перед войной, к створу будущей Камской ГЭС, и в ту пору еще неразобранная.

Эта железнодорожная ветка проходила от камского железнодорожного моста и шла вдоль берега, а затем уходила на пойму речки Гайвы и заканчивалась у створа ГЭС.

По этой ветке, построенной еще в довоенное время, обеспечивали подачу строительных материалов на стройплощадку гидростанции.

Проект автодороги «на общественных началах» выполнил институт «Ураллесбумпром». Лес на трассе будущей автомагистрали вырубил «по просьбе жителей» Пермский участок Пермского леспромхоза.

Директора предприятий района выполнили свои обещания и на строительство дороги, которая в первый год не была включена в титул работ, выделили несколько бульдозеров марки «С-100» и другой техники для расчистки трассы от оставшихся пеньков и кустарников.

Выполнение работ «на общественных началах» поручили тресту «Спецстрой», который разделил трассу автодороги между своими подразделениями СМУ-1 и МДО-98.

МДО-98 было поручено строительство дороги от устья речки Гайвы до отворота на поселок Верхняя Курья, а СМУ-1 — от отворота на Верхнюю Курью до Соснового бора.

Руководителем работ назначили меня параллельно с работами по реконструкции инженерных сетей на заводе имени Орджоникидзе, который в народе называли «Кислотный», и комбината «Камкабель».

Начало работ, да еще в условиях «на общественных началах», в первое время было сумбурным: бульдозеры то придут, то руководители предприятий их заберут для выполнения своих работ.

Но как только строительство дороги включили в план треста «Спецстрой», работа, что называется, закипела. Был организован строительный участок, выделен мастер, и началась планомерная «атака» на трассу.

Земляные работы на ней было легко выполнять в связи с тем, что дорожное полотно отсыпали из качественного «горного» песка, так как трасса проходила по второй надпойменной террасе Камы.

Параллельно с очисткой трассы от завалов пеньков началось возведение земляного полотна и создание резервов материалов для устройства дорожной одежды.

В первую очередь начали вести заготовку брусчатки, которую изготавливал Лысьвенский металлургический комбинат.

Да-да, первое покрытие этой транспортной автомагистрали дороги Дружбы было выполнено вручную из брусчатки очень прочной, но не предназначенной для движения транспорта на гусеницах.

Участок автодороги от устья речки Гайвы до отворота в поселок Верхняя Курья был построен и сдан в эксплуатацию МДО-98 практически за два года.

Что касается участка дороги от Соснового бора до отворота на Верхнюю Курью, там работы шли со значительным отставанием от графика. Поэтому руководством было принято решение выйти на существующие автодороги Верхней Курьи как временный вариант. Так была устроена ав-

тодорожная перемычка между дорогами Верхней Курьи и дорогой Дружбы.

Далее по существующей дороге, проложенной по улице Борцов Революции, можно было добраться до городских паромных переправ, располагавшихся вблизи строившегося коммунального автодорожного моста через Воткинское водохранилище.

С вводом в эксплуатацию коммунального автодорожного моста значение дороги Дружбы приобрело первостепенную важность в транспортной схеме города и позволило связать отдаленный микрорайон Гайва с центральной частью Перми.

В последующие годы дорога Дружбы неоднократно подвергалась реконструкции, вдоль нее проложили водовод, по которому подают воду в Кировский район города.

Сегодня горожане, проживающие в микрорайоне Гайва или направляющиеся из Свердловского и Ленинского районов на отдых на север Пермского края, не мыслят себя без поездок по автодороге Дружбы, которая значительно сокращает время нахождения в пути из центральных районов. Так автодорога Дружбы, строительство которой было в далеком 1958 году по инициативе руководителей предприятий Орджоникидзевского района, в настоящее время является востребованным транспортным сооружением.

На ее трассе построен путепровод через железнодорожные пути. Причем он пересекает их не под прямым углом к трассе автодороги, а под острым, и водителю для того, чтобы въехать на него и съехать, приходится выполнять два поворота на сто двадцать пять – сто тридцать градусов каждый.

Кто-то предполагает, что это ошибка строителей, перепутавших проектное расположение осей сооружения на местности, которую обнаружили только тогда, когда строительство путепровода было закончено. Кто-то считает, что установка путепровода планировалась с учетом строительства второго автодорожного моста, который должен был находиться в Мотовилихе для создания скоростной автострады.

Во всяком случае, сегодня водители очень внимательно проходят этот путепровод, как наиболее опасный участок трассы.

Школа в Голованово. Командировка в Добрянку

В конце лета готовили к вводу в эксплуатацию первую школу в поселке Голованово.

Куратор заказчика, солидной организации, в которой я спустя 10 лет проработаю почти четверть века, упрямил выполнить строительство канализационного коллектора длиной в полкилометра. В откосе траншеи оказался пропущенный проектом действующий водопровод.

Что делать? Проектировщики исправили свою ошибку и дали чертеж на вынос водопровода, что значительно усложнило положение заказчика, потому что перенос водопровода и укладка канализации сорвет сроки ввода школы. Причем, по вине заказчика.

А сроки ввода школы в эксплуатацию изменить невозможно, она должна быть сдана к новому учебному году. Поверив куратору, что он ради ввода школы в срок заплатит за временный вынос водопровода, я, рискуя не только сорвать ввод школы, но и надолго оставить поселок без воды, умудрился уложить канализацию без выноса водопровода. А когда пришел подписывать документацию за выполненные работы, куратор просто «забыл» о своих обещаниях и клятвах.

Мне пришлось обращаться к его руководству и доказывать, что я «не верблюд»... Этот урок наглядно показал цену обещаниям. Я надолго его запомнил и никогда не отказывался от данных обещаний, как бы трудно ни было их выполнить.

Позднее, когда я работал в системе заказчика, строители уже знали эту «дотошность» главного инженера УКСа

Пермского горисполкома — если я на оперативке что-то пообещал, то свое обещание обязательно выполню, но если сказал: «Нет», то обращаться ко мне уже бесполезно.

В связи с создавшейся критической ситуацией по вводу в эксплуатацию Добрянского деревообрабатывающего комбината решением десятого управления Пермского Совнархоза строительный участок МДО-98 был направлен в командировку в Добрянку для выполнения работ по строительству железнодорожной ветки Ярино – Добрянка и монтажа технологического оборудования нового комбината.

В задачу участка входило смонтировать восемь поточных линий по обработке древесины, выполнить земляные работы и водопропускные трубы на будущей железнодорожной ветке Ярино – Добрянка.

Участку было передано из резерва Совнархо за шесть экскаваторов, восемнадцать бульдозеров и сто сорок самосвалов марки «Зис-150».

Протяженность железнодорожной ветки двадцать восемь километров, с двадцатью шестью водопропускными трубами и земляными насыпями – выемками это порядка четырех миллионов кубометров. Срок исполнения — первый квартал 1959 года.

Руководители Добрянки были крайне заинтересованы в скорейшем выполнении перечисленных работ, так как в городе после затопления Камским морем Добрянского металлургического завода не стало достаточного количества рабочих мест для проживающих в городе бывших заводских рабочих.

Работы велись практически круглосуточно, особенно на участках выполнения земляных работ.

Я, будучи начальником участка, работал по двенадцать — шестнадцать часов в сутки для обеспечения выполнения в установленный срок поставленных задач.

С земляными работами сложности не было, механизаторы и самосвалы четко выполняли работы, предусмотренные графиком. А вот с монтажом оборудования возникли непредвиденные ситуации.

Согласно графикам работ цех полностью подготовили к монтажу импортного оборудования в установленные сроки, а оборудования все нет. Когда оно пришло, все ахнули: оно еле-еле проходило в существующие монтажные отверстия, расположенные в одном торце цеха.

Как быть, решали на оперативном совещании.

В воскресенье я с бригадой монтажников разобрал в середине цеха готовую кровлю, убрал башенным краном две три плиты перекрытия и в течение суток этим же башенным краном «забросил» все импортное оборудование внутрь цеха, восстановил плиты покрытия и кровлю. Об этой «выходке» начальника участка потом часто вспоминали на оперативных совещаниях.

«Особо секретный объект»

Неожиданно меня вызвали в трест «Спецстрой» на совещание по вопросу строительства нового объекта, где сообщили, что я назначен начальником участка на строительстве объекта под кодовым названием «Нефтегаз», место расположения которого предполагалось где-то в районе железнодорожной станции Ляды.

Мне срочно приказали перебраться с мастерами и несколькими механизмами на станцию Ляды и занять освобожденную базу местного лесного хозяйства, которая состояла из небольшого жилого дома с конторой, гаража для ремонта гусеничной техники и открытой площадки для хранения техники.

Начался 1959 год.

Станция Ляды представляла собой небольшой поселок железнодорожников с котельной, паровозным депо и

железнодорожным вокзалом. Кругом леса, поля и бездорожье.

Ранним январским утром я и «караван» в составе груженого бензовоза, передвижной бытовки для рабочих и трех бульдозеров отправились через Мотовилиху в Ляды по старой грунтовой дороге. Она шла через Сылву, затем в село Троица и проходила мимо железнодорожной станции Ляды.

Дорога до речки Васильевка была хоть и грунтовая, но в проезжем состоянии, так как ею пользовались жители совхоза «Мотовилихинский».

Первая неожиданность поджидала «караван» в Васильевском логу. Трактор с бытовкой прошел нормально, а бензовоз проломил ветхий настил деревянного мостика через речку и провалился задними колесами. Пришлось вытаскивать его двумя тракторами. Сорвали задний мост с колесами и вытащили автомашину на передних колесах, без заднего моста и рамных швеллеров.

Что делать? Ремонтить автомашину на дороге или тащить ее в аварийном состоянии на базу в Ляды, а это без малого двадцать километров.

Решили тащить.

Первым двинулся бульдозер с аварийным бензовозом, за ним второй бульдозер, который буксировал задний мост с колесами от бензовоза, а третьим шел бульдозер с бытовкой. Дорога была безлюдная, и нашему «каравану» никто не мешал медленно продвигаться.

На подъезде к Лядам пришлось еще раз пройтись по грязевым потокам, но уже не речки, а сильно заболоченной ложбине.

К вечеру «караван» добрался до места и захал на отведенную базу.

Так прошел для меня первый день работы по созданию, как принято сейчас называть, «Новых Лядов».

Передо мной были поставлены три первоочередные задачи.

Первая — сделать проезжим Сылвенский тракт, который начинался в Мотовилихинском районе у поселка Запруд и заканчивался в поселке Сылва.

Вторая — «пробить» по лесу автодорогу длиной около километра от Сылвенского тракта до стройплощадки, где начиналось строительство «Нефтегаза».

Третья — выполнить «прокол» под насыпью железнодорожного пути Пермь-Кизел диаметром трубы два с половиной метра и длиной около тридцати метров для прокладки инженерных коммуникаций на строительную площадку нового жилого микрорайона Новые Ляды для будущих работников предприятия «Нефтегаз».

Но основная цель строительного участка треста «Спецстрой» заключалась в обеспечении стройки инженерной инфраструктурой на период строительства и последующей работы «Нефтегаза».

Руководством стройки основные работы по реконструкции Сылвенского тракта были отложены до летнего периода, а строительство дороги к стройплощадке надо было выполнить немедленно.

Работу по возведению автодороги я организовал так: первыми шли вальщики леса, с ними бульдозер и трактор-тралевочник, которые чистили трассу от спиленных стволов и пеньков. За ними двигался экскаватор, долбивший мерзлый грунт и выгребавший «корыто» для устройства дорожной одежды, а следом работала бригада дорожников. Она укладывала гравийную и щебеночную «подушки» дорожного основания. Затем десятитонный каток уплотнял «одежду». Далее бригада насыпала сверху по укатанному щебню двадцатисантиметровый слой гравийной массы, по которому бригада мостовщиков, стоя на коленках, укладывала брусчатку.

У мостовщиков дежурил свой каток, который по команде бригадира производил первичную укатку брусчатки после засыпки швов песчаной массой.

Работы на трассе велись в две смены. За световой день удавалось уложить брусчатку до двадцати погонных метров дороги шириной в шесть метров.

Подъездную дорогу к строительной площадке сдали к Первому мая. После этого мостовщиков-дорожников полностью переключили на реконструкцию Сылвинского тракта.

Стройка была секретной. Каждую неделю проводились производственные оперативные совещания, оперативки, в бытовке прорабов стройки, которые проводил лично председатель Пермского Совнархоза или его первый заместитель.

Оперативки велись довольно оригинальным способом. За рабочий стол в первый ряд усаживали прорабов генподрядчика и субподрядчиков, за ними — управляющих трестами и начальников субподрядных управлений. Если у прорабов что-то не получалось, спрос шел с управляющих трестами и начальников субподрядных управлений.

Все работающие на стройке рабочие, ИТР, снабженцы числились как в командировке и ежедневно ездили в Ляды на работу на специальной электричке, которая ожидала их на запасном, срочно построенном пути, а затем на ней же возвращались в Пермь.

Всего ежедневно отправлялось на работу со станции «КамГЭС» семьсот–восемьсот рабочих. Многие ИТР садились на эту электричку на станции «Пермь – 1». Она отправлялась в шесть утра от «Перми – 2» и возвращалась в отстой вечером. По воскресеньям не ходила.

Еще с того времени, когда я работал мастером, у меня выработалось мнение, что коллегам надо помогать и относиться к ним наилучшим образом.

Для строительства автодороги Пермь–Ляды протяженностью двадцать восемь километров необходимо было уложить более ста семидесяти тысяч квадратных метров покрытия из брусчатки.

Работы велись двумя мастерскими участками: один — со стороны Лядов, другой — со стороны Перми.

Первым объектом на этом участке было устройство водопропускной трубы на речке Васильевка, следующим — объектом насыпь через лог высотой до восьми метров. С этой задачей отлично справилась бригада трубоукладчиков Александра Стальнова.

К слову, этот самый сложный участок дороги Пермь–Ляды просуществовал почти 60 лет, и только недавно его заменили объездной дорогой с менее крутым спуском и подъемом в Васильевском логу.

Всего на стройку автодороги необходимо было перебросить с порта Левшино и железнодорожного тупика на станции Ляды: щебень — сто двадцать пять тысяч кубометров, гравийной массы — сорок пять тысяч кубометров, горного песка — двести кубометров и шлаколитой брусчатки с металлургического комбината из города Лысьвы — двадцать пять тысяч кубометров. И все это общим весом порядка четырехсот тысяч тонн.

Возить материалы для строительства автодороги со стороны Лядов было значительно проще, чем из порта Левшино. Прямой дороги на стройку от Левшино не было. Весь автотранспорт, груженный щебнем, гравием, брусчаткой, двигался по городским дорогам Орджоникидзевского, Мотовилихинского районов и Запруды.

Как-то в разговоре с бывшими друзьями по строительству «КамГЭСа» я выяснил, что при строительстве линии ЛЭП «ГЭС – Свердловск» еще в начале 50-х годов был проложен зимник вдоль вырубленной трассы. По нему на трассу доставляли отдельные конструкции опор высоковольтной линии и проводов.

После пуска в эксплуатацию линии зимник забросили.

Я этим сообщением заинтересовался, так как появлялся прямой путь Левшино – стройка автотрассы Пермь – Ляды, который был значительно короче езды через город, и на нем не было городского движения.

Первая поездка вдоль высоковольтной линии показала, что организовать новую трассу для подвоза материалов на

стройку автодороги возможно. Необходимо было только в логах проложить водопропускные трубы, срезать крутые склоны логов и по трассе немного подсыпать камской смеси.

Для выполнения этих работ потребовалась всего неделя с небольшим, но после ее «обкатки» бульдозером груженные автомашины быстрее повезли на стройку автодороги Пермь – Ляды строительные материалы значительно укороченным путем быстрее.

В настоящее время этот участок старой временной строительной автодороги преобразован в автотрассу от улицы Веденеева до отворота на Новые Ляды в обход города с восточной стороны.

Реконструкция автодороги выполнялась по трассе старого Сылвенского тракта. Автодорога считалась технологической автомагистралью для перевозки только продукции завода им. Свердлова, поэтому у нее незначительная ширина проезжей части и довольно крутые повороты. Она не предназначалась для общегородского автобусного движения.

Укладку брусчатки выполняли три бригады. Каждая состояла из четырех мостовщиков и двенадцати подсобников, которые под отметку планировали верхний слой гравийной массы, подавали брусчатку и потом засыпали швы песком.

Работы по строительству автодороги Пермь – Ляды велись три года и были закончены одновременно с окончанием строительства «Нефтегаза».

На этой стройке происходили случаи, которые могли коренным образом изменить мою жизнь, поэтому запомнились надолго.

Первый такой случай произошел на втором месяце моей работы в Лядах. Случай, который невозможно забыть, хотя с той поры прошло более полувека.

Бригада трубоукладчиков с бригадиром Николаем Болотинным выполняла строительство водопровода к бетонному заводу на промышленной базе Ляды. Проходя мимо передвижной бытовки бригады, я убедился, что все в по-

рядке: бригада из восьми человек села обедать, а экскаваторщик Александр Афонин с помощником, братом Николаем, что-то возится у ковша экскаватора-драглайн.

Александр был очень дисциплинированным, ответственным, опытным экскаваторщиком-виртуозом, и я ему полностью доверял.

На обратном пути что-то заставило меня еще раз подойти к бытовке, и вдруг я не узнал Афонина. Он был «в доску» пьян. Рядом валялась пустая бутылка из-под водки, а вокруг молча стояла бригада трубоукладчиков.

Никогда в течение всех лет работы с ним я не видел Александра не то что пьяным или выпившим, а даже просто с похмелья.

Спросил, что произошло. Оказалось, когда бригада ушла в бытовку обедать, Афонин решил подготовить «захватку» траншеи для укладки труб, чтобы, пока все после обеда будут укладывать трубы в новую «захватку», пообедать самому.

Все правильно, но чтобы выкопать траншею, необходимо было разрыхлить верхний мерзлый слой грунта клин-бабой весом в две с половиной тонны.

Александр сменил ковш на клин-бабу, что за смену проделывал десяток раз, и понес ее над бытовкой к месту работы. Когда клин-баба находилась над бытовкой, трос лопнул. Клин-баба, пробив крышу и потолок бытовки, затем середину стола, за которым обедала бригада, вонзилась в пол и грунт под бытовкой.

Никто из бригады не пострадал, но все были в шоке. Саша, увидев, какой опасности подверг друзей и прораба, послал брата в магазин за водкой.

Афонин был истинным мастером своего дела.

Надо было срочно уложить водовод диаметром двести семьдесят три миллиметра от временной насосной станции на промстройплощадку «Нефтегаза». Насосная расположе-

на в глубоком овраге с уклоном откосов до тридцати — сорока градусов.

Проектировщики согласно требованиям СНиПа предусмотрели вручную копать траншеи в мерзлом грунте более четырехсот метров. По времени на эту работу ушло бы не менее двух — трех недель.

Строительная площадка требовала тепла, а чтобы запустить котельную, требовалась вода. На меня смотрела вся стройка, я был «именинником» на оперативках.

Стояли сорокаградусные морозы, что еще больше усложняло ситуацию. Афонин предложил простой способ — каждую гусеницу экскаватора на тросах подцепили к бульдозеру, а поворотную платформу — к стреле трубоукладчика. Такая «черепаха», как называли этот «караван», за четыре дня прошла четыреста метров откоса и выкопала траншею для укладки труб. В общем, вода в котельную была подана значительно раньше установленного оперативкой срока, и в этом была заслуга Александра Афонина.

Стояла осенняя пора.

Очередной объект готовили к сдаче в эксплуатацию. Уже заводские производственники приняли некоторые системы цеха и практически начали, как тогда говорили, «временную эксплуатацию».

Необходимо было выполнить ввод в эксплуатацию постоянного водопровода, уложенного по стройплощадке, вместо временного, протянутого по воздуху. Врезку нужно было выполнить в колодце, расположенном в отдалении от основной строительной площадки. К нему вела дорога, по которой проходили только трактора, так как на ее пути было два глубоких сухих оврага.

Заводчане разрешили выполнять врезку только в ночное время, когда производство останавливали, и была возможность осушить временный водопровод.

Я в первую смену отправил к колодцу врезки необходимое оборудование, договорился с бригадой рабочих, кото-

рые будут делать врезку, о работе в ночную смену и занялся в прорабской оформлением текущей документации.

В бригаде все были опытные рабочие: сантехники, да и бригадир Саша Стальной выполнил уже не один десяток врезок, так что беспокойства за правильность работ у меня не было.

Когда стемнело, часов в восемь вечера я решил, что пора сходить проверить, как идут дела по врезке. Уже подходя к колодцу, увидел пламя костра и поднимающегося в гору бригадира, который сказал мне, что привезенный днем на тракторе баллон с кислородом оказался почти пустым, и со склада необходимо доставать новый полный.

Тракторов во вторую смену не было. Решение пришло само собой. Бригадира отправил назад к бригаде, а сам вернулся за баллоном. И хотя вес баллона с кислородом около семидесяти килограммов, меня, как бывшего спортсмена, это не смутило. Приходилось поднимать и не такое. Взвалив на плечи баллон, предварительно подложив ватник, я двинулся к колодцу. Времени дорога заняла немного, и вот впереди уже виден огонь костра и рассеявшиеся вокруг него на бревнах рабочие.

Передав баллон бригадиру, я устало опустился на бревно рядом с костром сбоку от люка колодца. Посидели, поговорили, и вдруг боковым зрением я увидел, что склонившийся над открытым люком сварщик начинает медленно падать вниз головой в колодец.

Машинально броском всего теля отшвырнул сварщика от люка на землю, и мы вместе немного прокатились по осенней траве. Сварщик непонимающе смотрел на меня и судорожно хватал открытым ртом воздух...

Только когда все сидящие рядом пришли в себя, а сварщик оклемался, бригадир рассказал, в чем дело. Выполняя «врезку», сварщик заправлял в колодце бензорез, что категорически запрещено техникой безопасности, и пролил не-

много бензина в железобетонный колодец, а затем решил его выжечь огнем. Вылез из колодца, бросил в него горящую щепку и стал ждать, когда выгорит бензин и потухнет огонь.

Огонь потух незадолго до моего прихода, и «сварной» решил проверить, можно ли начинать дальнейшие работы, забыв, что обязан был провентилировать колодец и для контроля опустить в него горящую щепку. Если щепка горит, можно работать, если нет, значит, там нет кислорода, он выгорел, и работать в таком колодце категорически запрещено.

В те годы за несчастный случай со смертельным исходом на производстве не только снимали с работы, но и отдавали под суд со всеми вытекающими последствиями. То, что этот инцидент обошелся благополучно, — совершенная случайность, но она привела меня к осознанию того, что мелочей в строительном производстве быть не должно.

Пятилетняя практика прораба многому меня научила. И надо сказать, научила тому, чему, к сожалению, в наших вузах и техникумах не учат, — взаимоотношениям с людьми.

Но все же основной задачей участка, который я возглавлял, было проведение инженерных коммуникаций непосредственно на стройплощадке «Нефтегаз» и нового жилого микрорайона Новые Ляды.

Всего за четыре года работы на объектах «Нефтегаза» было уложено более тридцати километров трубопроводов различного диаметра, как магистральных, так и внутривозвездных.

Сегодня Ляды — часть Перми с жилым микрорайоном и производственными мощностями. В свое время из-за этой стройки я был «невъездным», и мне не разрешили командировку в Египет на строительство Асуанской плотины.

После завершения строительных работ на объектах «Нефтегаза» я был переведен на работу городских объектов.

Прорабская работа, да и производственная тоже, завершилась у меня неожиданно просто, даже, можно сказать, банально. Меня вызвал к себе управляющий трестом «Спецстрой» Шихман Я.И. и предложил ехать в Ижевск в должности главного инженера, чтобы организовать СМУ по выполнению инженерных коммуникаций на только начатом строительстве Ижевского автомобильного завода.

Но по семейным обстоятельствам мне пришлось отказаться от этого предложения и даже уйти из треста «Спецстрой» во вновь созданный трест «Оргтехстрой», с управляющим которого Л.Н. Будриным я был знаком с ним еще до времен строительства объектов в поселке Новые Ляды.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Специалист – строитель: 1964 – 1970

Трест «Оргтехстрой»

С этого момента начался новый виток моей жизни, но я всегда с благодарностью вспоминал то время, когда работал прорабом и видел итоги своего труда, воплощенного в сданных в эксплуатацию и реально действующих объектах.

Работа в тресте «Оргтехстрой» началась для меня с должности заместителя начальника технического отдела, в котором я проработал всего несколько месяцев.

Запомнилась она по одному курьезному случаю.

Главный инженер треста Б.И. Пеккер вызвал меня и предложил рассмотреть научную работу аспиранта Пермского политехнического института А.А. Бартоломея, будущего ректора ППИ.

Тема называлась «Крестообразные сваи», в которой предполагалось внедрить «висячие» сваи, состоящие из двух взаимно перпендикулярных железобетонных пластин, соединяемых крест-накрест на строительной площадке и

имеющих увеличенную поверхность сцепления с грунтовым основанием.

Монография состояла из пары сотен страниц технического текста и весома доказывала возможность применения данной конструкции в производстве.

Однако анализ приведенных в монографии доводов, по которым якобы было возможно уменьшить вес забиваемых крестообразных свай по сравнению с традиционными квадратными, тем самым уменьшая вес ударной части сваебойного агрегата, и соответственно получить значительный экономический эффект, оказался технической ошибкой.

О чем мне и пришлось доложить начальнику технического управления «Главзападуралстрой» — техническому руководителю аспиранта. В результате тема крестообразных свай была закрыта.

В тресте «Оргтехстрой» началась совершенно другая производственная ситуация. Там не было рабочих, но трест напрямую влиял на действия производственных коллективов созданного «Главзападуралстроя», в состав которого входило достаточное количество подрядных трестов, разбросанных по всей Пермской области.

При каждом подрядном тресте «Главзападуралстроя» было сформировано большое или малое подразделение субподрядных работ для выполнения специализированных работ по электроснабжению, водоснабжению, канализации, связи, монтажу технологического оборудования, строительству автомобильных и железнодорожных подъездных путей и так далее.

Меня назначили начальником восьмого отдела, которому была вменена обязанность внедрять в производство новейшие технологии работ в подрядные тресты.

На практике это сводилось к командировкам в подрядные тресты и участию работников отдела дублерами линейного персонала строительного монтажного управления треста при вводе строящихся объектов в эксплуатацию.

Так я, имея хороший производственный опыт, был отправлен на месяц в трест № 6/29, базирующийся в Кировском районе города, и назначен дублером к старшему прорабу Юзефовичу для гарантированного обеспечения ввода в эксплуатацию одного из цехов Пермского оборонного завода в установленные правительством сроки.

Когда «Главзападуралстрой» начал осваивать крупнопанельное домостроение, то для монтажа трех жилых домов в центре Перми по сетевому графику работ была создана бригада поддержки из работников треста.

Работники этой бригады были распределены по автомашинам, которые согласно срокам сетевого графика работ, привозили в зону монтажа с точностью до тридцати секунд крупнопанельные детали домов. Это позволило выполнить монтаж каждого дома при двухсменной работе монтажного крана и завершить в течение одной недели.

Этот по тем временам рекорд монтажа в крупнопанельном домостроении стал передовым методом труда, на который впоследствии было ориентировано все производство подобного вида строек в Пермской области.

Инструктор

Но, как бывает, судьба сделала крутой поворот, и я был приглашен на работу в строительный отдел Пермского ГК КПСС инструктором.

Передо мной встали совершенно новые требования к трудовой деятельности и задачи, которые необходимо было решать.

Инструктор обязан быть в курсе дел закрепленных за ним строительных организаций, оказывать помощь в решении производственных задач и подборе руководящих кадров, а также присутствовать на партийных собраниях и заседаниях партийных комитетов.

При строительстве стадиона «Ленинский комсомолец» договорился с ректорами медицинского и педагогического институтов о привлечении студентов для оказания помощи СМУ (начальник А. Москвин) в очистке территории и подготовке ее к выполнению благоустройства.

Когда необходимо было начинать чистовые отделочные работы по строительству кинотеатра «Россия», расположенного на улице Ленина, в помощь СМУ (начальник М.А. Омельчак, будущий начальник «Главзападуралстроя») вышли студенты государственного университета и политехнического института.

Они очистили от строительного мусора не только здание кинотеатра, но и прилегающую территорию, чем значительно помогли коллективу СМУ выполнить поставленную задачу по вводу кинотеатра в эксплуатацию.

Мне, как инженеру, прошедшему школу производственников строительного дела, было поручено выполнять контроль перехода строителей области и города на создание производственной базы крупнопанельного домостроения.

Первая производственная база завода КПД (крупнопанельного домостроения) создавалась на территории бывшего кирпичного завода, располагавшегося в Свердловском районе. На этой базе предполагали организовать выпуск керамзита, а затем наладить выпуск стеновых керамзитовых панелей и железобетонных изделий для домов КПД.

Генеральным подрядчиком этой базы был трест №12, руководство которого прекрасно понимало необходимость перехода на новый вид строительства жилых домов, и поэтому строительство производственных корпусов выполнялось в соответствии с утвержденными графиками работ.

Несколько другая обстановка складывалась на строительстве производственной базы будущего Пермского завода силикатных панелей — ПЗСП. Руководство генерального подрядчика, треста № 6/29, не считалось с необхо-

димостью срочного строительства предприятия, размещенного на территории бывших песчаных карьеров в целях развития строительной отрасли не только города, но и области.

Для обеспечения выполнения сроков ввода объектов нового строительного предприятия мне приходилось присутствовать на еженедельных оперативных совещаниях по строительству заводских корпусов, котельной и в жесткой форме заставлять генподрядчика выполнять принятые обязательства по срокам строительства объектов ПЗСП.

Особенно это касалось заводской котельной, которая должна была сменить временную котельную, устроенную из списанного паровоза и работающего на «последнем издыхании».

Работа, как тогда говорили, в «горкомпарте» многое дала мне.

Мой непосредственный руководитель В.А. Петров, будущий секретарь обкома и председатель облисполкома, коллеги по работе Б. Волков и Н. Степанов во многом повлияли на становление меня как руководителя.

И опять поворот в судьбе — я был назначен главным инженером Управления капитального строительства Пермского горисполкома (УКСа) — тогда единого заказчика по строительству городских объектов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Единый заказчик строек города – УКС

Управление капитального строительства Пермского горисполкома

Более 60-ти лет назад, в 1954 году, в Перми было создано Управление капитального строительства (УКС) Пермского горисполкома.

На следующий год ему исполнилось бы 65 лет.

УКС создавался для осуществления функций заказчика по объектам, строящимся по титулу местных советов. Со временем он стал единым заказчиком Пермского горисполкома и объединил капиталовложения многих организаций города, не имеющих своих специалистов-строителей и выступающих дольщиками при строительстве жилого фонда.

Годовая программа УКСа составляла в среднем не менее ста шестидесяти миллионов рублей (шестнадцать миллиардов рублей настоящего исчисления), что позволяло выполнять работы практически по всем отраслям народного хозяйства города.

Генподрядчиками по заказам УКСа выступали строительные тресты «Главзападуралстроя» № 6, 7, 9, 12, 14 («Пермжилстрой»), ППСО, а также трест «Пермгорремстрой», СМУ УВД и специализированные субподрядные организации.

Коллектив УКСа, 1989 г.
(из личного фотоархива автора)

Генеральными проектировщиками по заказам УКСа были многие проектные институты города и России. Работникам управления приходилось работать с двумя десятками проектных организаций разного профиля.

При годовом планировании работ соблюдалась определенная пропорция капиталовложений в комплексное развитие как жилищного строительства, так и объектов здравоохранения, просвещения, культуры, торговли, бытового обслуживания населения. Но в первую очередь, конечно же, решались вопросы инженерного обеспечения: водоснабжения и водоотведения (канализации), объектов связи и транспорта, включая капитальный ремонт трамвайных путей.

Ежегодно по титулу УКСа вводилось в эксплуатацию не менее ста пятидесяти – ста восьмидесяти тысяч квадратных метров жилой площади. Для того, чтобы обеспечить ежегодный ввод такого количества жилья, необходимо было осуществлять комплексную застройку крупных жилых микрорайонов на территориях, освобождаемых от существующих ветхих и малоэтажных домов.

Так возникли микрорайоны Парковый и Садовый, Юбилейный и Карпинского, жилые дома по улице Попова, Коммунистической и многие другие.

В новых микрорайонах обязательно возводились школы по типовым проектам на тысячу сто семьдесят шесть учащихся. УКС ввел в эксплуатацию до 1992 года тридцать восемь школ и пятьдесят два детских сада.

Структура жилой застройки имела три основных вида направленности: кооперативное жилье, жилье дольщиков (предприятия города вносили определенную долю в строительство одной или нескольких квартир), жилье для очередников местных советов и для тех, кого расселяли из аварийного и ветхого жилого фонда.

С увеличением жилого фонда численность проживающих в городе возрастала. Соответственно необходимо было увеличивать количество медицинских учреждений.

За прошедшие годы УКСом были построены такие серьезные объекты здравоохранения, как туберкулезный диспансер в районе ипподрома, психоневрологическая больница на территории микрорайона Банная гора, ряд объектов областной больницы — хирургический и глазной корпуса, корпуса городских больниц № 2 и 7 (в том числе родильное отделение), здание стоматологии в Мотовилихинском районе на Городских Горках. В общей сложности было введено в эксплуатацию объектов здравоохранения (больниц, поликлиник) более девяноста позиций, в том числе автобаза для автомашин скорой помощи на улице Героев Хасана и завод «Медтехники» в Балатово.

Не были забыты и престарелые жители города. Для них были построены Дома ветеранов на Гайве и в Верхней Курье.

Объекты торговли, как правило, располагались на первых или цокольных этажах жилых домов: знаменитый магазин «Стометровка» (ныне «Строгановский») по улице Ленина или «Спорт» и «Океан» по Комсомольскому проспекту. Возводились и отдельно стоящие магазины, например, «Универсам» по улице Борчанинова и ряд других.

Но это было так называемое рядовое строительство.

УКСу же поручалось строительство уникальных сооружений, которые до сих пор украшают городские улицы: здание Пермского драматического театра, Пермского цирка, планетария, троллейбусного и трамвайного депо, ВРЗ (ныне ликвидированного), швейной фабрики на улице Лодыгина, эспланады по улице Ленина и памятника «Тыл — фронту», а также памятника Добровольческому танковому корпусу по улице Сибирской, зданий для размещения городских АТС в Индустриальном, Дзержинском, Свердловском, Ленинском районах города.

Были построены здания для Управления внутренних дел: городского УВД по улице Сибирской, Ленинского и Мото-

вилихинского районных отделов милиции, а также для размещения областного управления ГАИ на бульваре Гагарина, ряд объектов специального назначения.

Важнейшими объектами УКСа были объекты развития городских систем водоснабжения и, в первую очередь, развития головных мощностей по водоснабжению (Чусовские очистные сооружения) и канализации, как сейчас принято говорить, водоотведению (Гляденовские очистные сооружения биологической очистки городских стоков), а также транспортные магистральные сети.

УКС предметно занимался перспективными сооружениями, влияющими на развитие городской инфраструктуры и города в целом. По ряду причин не были построены, хотя имелась рабочая документация, важные сооружения Перми:

- автодорожный мост через Каму в Мотовилихе;
- новый аэропорт «Софроны», способный принимать любые воздушные суда, даже самые «тяжелые»;
- Пермский метрополитен протяженностью более четырнадцати километров. Его трасса должна была проходить от микрорайона Паркового до здания ЦУМа на Комсомольском проспекте и далее до проходных завода им. Свердлова, с перспективой строительства метрополитена до железнодорожной станции Бахаревка и сада Свердлова в Мотовилихинском районе и в Кировский район;
- 24-этажной гостиницы на тысячу мест в Ленинском районе;

К 1992 году было закончено проектирование следующих объектов:

- телевизионной башни высотой триста пятьдесят девять метров с рестораном на уровне ста двадцати метров;
- автомобильного путепровода в шесть полос через железнодорожные пути Транссибирской магистрали на Липовой горе;
- Пермского зоопарка в Черняевском лесу;

- Пермской художественной галереи в доме по улице Монастырской;

- пристроя к зданию Театра оперы и балета.

Коллектив УКСа формировался как специалистами узкого профиля, так и общестроительного направления, и насчитывал до сорока работников, многие из которых имели непрерывный трудовой стаж в этом коллективе 25 – 35 лет.

В УКСе были следующие отделы:

- под руководством начальника УКСа — плановый, снабжения, бухгалтерии;

- под руководством главного инженера — производственный, технический, сметный.

При отделе снабжения имелась база комплектации со складом, где хранилось оборудование и материалы заказчика, поставляемые на строящиеся объекты.

В 2004 году была создана ликвидационная комиссия, которая проработала до конца 2007-го. УКС был ликвидирован как нерентабельный. Его архив и рабочая документация были отправлены, в основном, в макулатуру, частично переданы подразделениям администрации Перми.

Система строительства объектов администрации города, грамотная, четко налаженная, была разрушена.

Главный инженер УКСа Пермского горисполкома

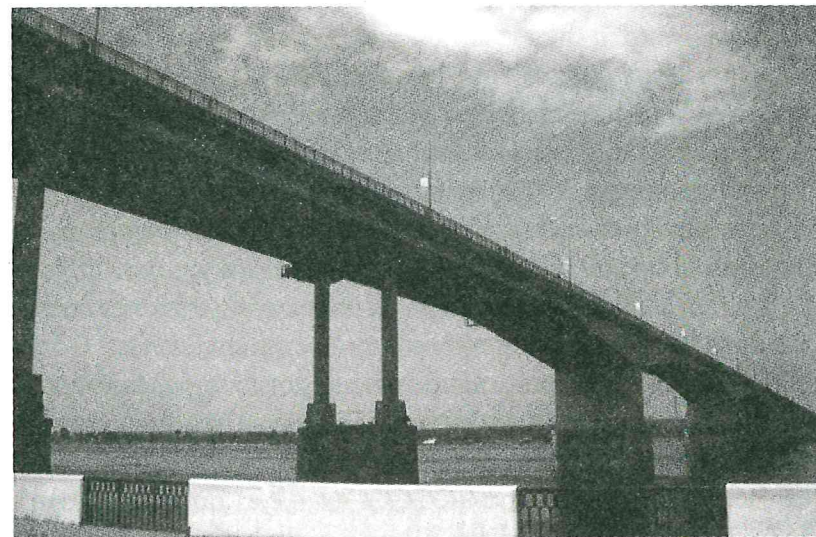
Это были годы, когда практически формировались многие новые микрорайоны города: Балатово, Парковый, Садовый, Юбилейный, Водники и другие.

Возводились объекты здравоохранения, просвещения, культуры и бытового обслуживания населения. Много внимания уделялось развитию инженерной инфраструктуры водоснабжения и водоотведения, газоснабжения и телефонной связи городских районов.

Не забывали и о развитии транспорта: о новых троллейбусных линиях, реконструкции трамвайных путей и существующих депо, строительстве новых и восстановлении старых городских автомагистралей.

Особое внимание уделялось уникальным объектам: мостам, в том числе через Каму, зданиям цирка и Пермского драматического театра, Дворцу пионеров на улице Сибирской, реконструкции ныне действующего здания Театра юного зрителя, памятникам истории «Тыл – фронту», «Добровольцам Уральского танкового корпуса», «Пермская панорама».

По статусу штатного распорядителя главный инженер решал вопросы изготовления проектно-сметной документации: ее разработки, согласования и утверждения; осуществлял контроль за производством строительных работ (курирование в процессе работ), приемки законченных строительством объектов рабочей комиссией и предъявления готовых объектов государственной комиссии.

Камский мост

Когда стройка завершена, и объект принят государственной комиссией, производилась передача затрат на строительство объекта эксплуатирующей организации.

В УКСе было строгое разграничение обязанностей между начальником и главным инженером, но это не означало принижение роли начальника УКСа, наоборот каждый знал, чем заниматься и за что нести ответственность.

Годовая программа УКСа ориентировочно составляла от ста пятидесяти до ста восьмидесяти миллионов рублей в год (в ценах 1984 года), что соответствует в ценах сегодняшнего дня пятнадцати–восемнадцати миллиардам рублей, из которых на проектные дела предусматривалось от пяти до десяти процентов стоимости строительства объекта.

Главному инженеру подчинялись:

- технический отдел, имевший деловые связи с двумя десятками проектных и изыскательских институтов, расположенных не только в Перми;

- производственный отдел, который непосредственно курировал строительство объектов, принимал объекты от генподрядчика и предъявлял, законченные строительством, государственной комиссии;

- сметный отдел проверял, корректировал, согласовывал и утверждал сметы на строительство каждого объекта.

У начальника УКСа были в подчинении:

- отдел снабжения со складом, который осуществлял поставку оборудования, вмененную заказчику;

- плановый отдел планировал работу будущих лет и контролировал выполнение программы текущего года;

- кадры, спецчасть, общее руководство управлением.

Более двух десятков лет я подписывал в производство каждый рабочий чертеж, выданный в работу генподрядчикам.

Всего за годы работ я сдал в эксплуатацию примерно более двух тысяч объектов и подписал более двухсот тысяч листов рабочей документации на их строительство.

Главный инженер обязан оперативно решать возникающие в процессе строительства объектов технические вопросы, от решения которых зависела судьба строительства и своевременного ввода объектов в эксплуатацию.

Одним из таких примеров может быть завершение строительства здания Пермского драматического театра. До установленного срока ввода театра в эксплуатацию оставались считанные месяцы, но пришло правительственное предписание заменить внутреннюю отделку зрительного зала, запроектированную из прекрасной карельской березы, на несгораемую.

Будущие владельцы здания срочно отправились в Москву в Министерство культуры с ходатайством об отмене предписания, но из этого ничего не вышло.

Пришлось сверхсрочно переделывать проект и вместо изумительного по акустике зала, отделанного натуральным деревом, получить «каменный мешок», у которого двенадцатый и тринадцатый ряды попали в акустическую «тень».

Пришлось срочно на ходу менять систему звуковещания, чтобы ликвидировать возникшую «акустическую тень».

И таких примеров было много. Наиболее яркий из них возник при строительстве путепровода через железнодорожные пути на шоссе Космонавтов в микрорайоне Данилиха.

Представитель московского проектного института вместо рабочих чертежей путепровода привез только технический проект и предписание Госстроя России о переносе на год сроков изготовления рабочих чертежей.

В решении вопроса я взял ответственность на себя и на техническом проекте сделал надпись «считать рабочими чертежами» и «приступить к изготовлению конструкций».

Этим самым путепровод на два года раньше был введен в эксплуатацию.

Были и более прозаичные случаи. Одна субподрядная организация выполняла гидравлическое испытание канали-

зационного коллектора диаметром в метр с завидным качеством работ — только на «отлично».

Этими «отличниками» я заинтересовался. Приехал на объект в момент выполнения очередного гидравлического испытания (опрессовки) трубопровода на утечку и быстро выявил всю сущность «отличных показателей».

Исполнители придумали хитроумный способ обманывать представителя заказчика и проверяющих эксплуатационников. Вместо гидравлического испытания железобетонных труб диаметром в один метр они между колодцами внутри трубы прокладывали трубы всего двенадцать с половиной миллиметров и эту тоненькую трубу испытывали на утечку.

Просто и «сердито», но «цирковой номер» с заменой труб не прошел, и пришлось им все выполнять с начала и по нормам СНиПа.

Помнится и такой случай, когда рассматривался вопрос обеспечения программы будущего года проектной документацией по строительству жилых домов.

На совещании присутствовали руководители двух проектных мастерских института «Пермгражданпроект». Я, не имея тогда опыта общения с проектировщиками, согласился с тем, что протокол совещания будет подготовлен начальником одной из мастерских. Когда получил протокол, то в нем оказалось записано то, что не обсуждалось, а срыв сроков был указан только по вине заказчика, а не исполнителей, что не соответствовало действительности.

С тех пор все протоколы технических совещаний по тематике объектов УКСа вели только работники УКСа и отражали в них только те решения, которые были приняты ведущим данное совещание ответственным работником.

Такой подход к решению производственных вопросов позволил избежать многих ошибок при производстве проектных и строительных работ.

Бурное строительство новых микрорайонов повлекло за собой и новые проблемы.

Когда в микрорайоне Садовом начинали подготовку строительных площадок на месте существующих «мичуринских» садов, их владельцы не верили в то, что через год на месте грядок и тепличек будут девятиэтажные благоустроенные жилые дома.

Когда подрядчик привез на объект бульдозер для выполнения вертикальной планировки территории, владельцы сносимых «мичуринских» участков, которым всем выплатили стоимость сносимых насаждений и построек, выставили пикет в защиту территории.

Пришлось вызвать наряд милиции, но бульдозерист отказался сесть за рычаги, и тогда я, вспомнив молодость, проложил бульдозером первую борозду, снося ветхий забор, постройки, ведь все они уже были оплачены владельцам.

Фронт работ для подрядчика был открыт, а для меня это был только небольшой эпизод из деятельности в качестве заказчика.

Особое, пристальное внимание руководства УКСа всегда было направлено на своевременный ввод объектов в эксплуатацию. Это относилось к объектам, строящимся и вводимым по титулу УКСа. При этом всегда требовалось соблюдение норм СНиПов по безопасности сооружений.

Так до ввода в эксплуатацию одной из школ города оставалась неделя, и вдруг было выявлено, что подрядчик при устройстве в зрительном зале перегородок кинобудки вместо проектного кирпича с «легким» удельным весом привез на стройку обычный, вес которого в два раза превышает проектный. Это означает, что несущие конструкции будут перегружены, а допустить этого было невозможно.

Я дал команду разобрать перегородки и уложить из легкого материала.

Школу ввели в эксплуатацию не к первому сентября, а к десятому, но с выполненными по проекту перегородками кинобудки, и это было важно.

Много внимания уделял я как главный инженер УКСа программе проектных работ и очень сожалел, что некоторые проекты не были осуществлены по ряду причин. Часть из них были начаты строительством, но не достроены.

К таким объектам относятся:

- возведение нового современного областного аэродрома с названием «Софроны»;
- мостовой переход через реку Каму в Мотовилихинском районе;
- транспортная эстакада по улице Попова через улицы Ленина и Петропавловскую;
- тоннель по улице Революции при выходе ее в Мотовилихинский район, что обеспечивало бы транспортную развязку в двух уровнях на главных улицах города;
- новое главное здание Пермской медицинской академии на улице Куйбышева;
- учебный корпус фармацевтического института у Южной дамбы.

А по некоторым объектам после выполнения проектных работ не хватило времени на осуществление — наступил 1992 год.

Так было запроектировано и начато строительство нового помещения для Пермской государственной художественной галереи. Дом на улице Орджоникидзе напротив существующего зоопарка построили, а помещение передали банку. Не была выполнена полная реконструкция здания Пермского театра оперы и балета.

Для меня всегда было задачей первой степени важности развитие инженерной инфраструктуры города — систем водоснабжения и канализации, газификации.

В 1986 году начато строительство третьей очереди системы водоснабжения и второй очереди системы канализации города, до настоящего времени еще окончательно незавершенных в полном проектом объеме.

В пуске первой очереди Чусовских очистных водозаборных сооружений (ЧОС) и Гляденовских городских сооружений биологической очистки фекальных стоков (БОС) с инженерными коммуникациями есть незримая доля моего труда, когда необходимо было принимать неординарные технические решения.

Так было с заменой труб при устройстве на БОС рассеивающего выпуска очищенных стоков в Воткинское водохранилище. По проекту и действующим инструкциям эти трубопроводы должны были быть выполнены из железобетонных труб метрового диаметра, укладываемых на пойменной части бывшей поймы Камы на очень неустойчивое грунтовое основание.

Рассмотрев последствия такого решения, добились согласия проектного института, и железобетонные трубы были заменены на стальные с весьма усиленной гидроизоляцией.

Практика последующих лет эксплуатации стальных трубопроводов рассеивающего выпуска подтвердила правильность принятого решения.

Мой уход в 1992 году в возрасте 63 лет с поста главного инженера УКСа, в должности которого я проработал почти четверть века, не сломил моего стремления работать на строительном «фронте». Но это уже другая история со своими особенностями и нюансами.

ЗА ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ

Объекты здравоохранения всегда были под моим особым вниманием как главного инженера УКСа не только в силу служебных обязанностей, но и из-за рассказов супруги, врача акушера-гинеколога, о состоянии зданий медицинских учреждений, где она проходила практику в начале 50-х годов прошлого века еще в студенческие годы.

Областная клиническая больница

Первым объектом, который пришлось достраивать и вводить в эксплуатацию мне в должности главного инженера УКСа, был хирургический корпус Областной больницы, главный врач которой Анна Яковлевна Рудакова имела массу замечаний к проекту, и все они были объективны, их пришлось устранять по ходу производства работ.

Знакомство с замечательным руководителем Областной больницы сохранилось у меня на долгие годы. По ходатайству Анны Яковлевны в память о ее первом руководителе в районе Чистякове был построен глазной корпус, возведен новый пищеблок больницы, капитально отреставрирована поликлиника, и построено девятиэтажное общежитие для работников больницы и некоторых категорий больных, прибывающих на лечение в Пермь.

Особенно запомнилось проектирование и строительство глазного корпуса Областной больницы. Дело было

Офтальмологический центр Пермской Краевой Клинической больницы

в том, что уже на стадии проектирования корпуса возникли территориальные разногласия между главным врачом Областной больницы А.Я. Рудаковой и главным врачом городской станции скорой медицинской помощи Д.В. Зингер.

Проблема заключалась в том, что при строительстве глазного корпуса, размещенного почти на границе территории станции, был затруднен проход сотрудников «скорой». Пришлось их «мирить» и делать капитальный ремонт с частичной реконструкцией здания станции городской скорой медицинской помощи. «Мир» был достигнут, обе стороны согласились «жить дружно».

В дальнейшем мной было принято правило: на стадии проектирования больниц, поликлиник привлекать для составления технологии не только главных врачей этих заведений, но и заведующих отделениями, чтобы новые здания и технологическое оборудование были современными на том этапе развития медицины.

Перечислить все здания больниц и поликлиник, построенных в 70–80-х годах прошлого века здесь невозможно, так как их было возведено более пятидесяти единиц.

Мне запомнились случаи, которые были неординарными, из практики строительства не отдельных зданий, а целых больничных комплексов.

Городской противотуберкулезный диспансер

Начало было положено при возведении комплекса городской туберкулезной больницы (ныне краевая) в лесу за территорией ранее существующего ипподрома.

Выбрали поляну достаточных размеров, определили и отметили в натуре деревья, которые необходимо было сохранить, и приступили к проектированию. Главным врачом был назна-

чен молодой врач, специалист, который во многом помог в формировании технологии корпусов больницы, а затем и в приемке в эксплуатацию зданий коммунального назначения, так как при больнице имелась своя котельная, прачечная, канализационная насосная станция, проходная и сети водоснабжения, канализации, газоснабжения, электроснабжения.

Другими словами, это был своеобразный «больничный городок», построенный в лесу на «голом» месте.

В составе городка был весь комплекс сооружений, необходимых для выявления и лечения туберкулезных больных.

В составе городского отдела здравоохранения этот «городок» просуществовал недолго, и через 5 лет был переведен рядом выше, стал объектом областного здравоохранения.

Городская психоневрологическая больница

В начале 70-х годов техническое состояние многие зданий медицинских учреждений города было крайне неудовлетворительными, а местами аварийными.

Это произошло потому, что многие здания больниц и поликлиник строились в довоенное время, а после войны «руки не доходили» до их реставраций и нового строительства.

Однажды заведующий городским отделом здравоохранения Б.Ю. Симановский пригласил меня съездить с ним посмотреть Городскую психоневрологическую больницу на Банной горе (теперь Краевая психиатрическая больница).

Название «Банная гора» пришло к нам из далеких 40-х годов, когда на этой территории располагалась воинская часть, строившая в военные годы железнодорожную ветку и мост через Чусовую, а затем производившая строительство железной дороги и нового моста для переноса железнодорожного движения с территорий, подлежащих затоплению Камским морем.

Основная база этой воинской части размещалась на правом берегу Чусовой, где находится станция «Пальники». На левом берегу был воинский госпиталь, банно-прачечный комплекс и база снабжения. С тех пор эта территория стала называться в народе «Банной горой».

С уходом воинской части с территории области освобожденные бараки госпиталя переданы городу для размещения городской психиатрической больницы.

Печальное зрелище открылось мне на Банной горе: полуразрушенные каркасно-засыпные воинские бараки, простоявшие почти 30 лет. Кровли текут, стены местами промерзают, благоустройство «во дворе», воду доставляют водозовки на конной тяге.

Больные кутаются в одеяла, врачи ходят, надевая под халаты ватники. Таким я увидел комплекс городской психиатрической больницы. Для меня это было как холодный душ, который закончился только тогда, когда были построены ныне существующие здания и снесен последний барак из наследия военного времени.

Городская больница № 7

В Свердловском районе, который насчитывал уже тогда более двухсот тысяч жителей, медицинскую помощь оказывали ведомственные медико-санитарные части при крупных промышленных предприятиях (для своих работников), городская больница № 7.

Больница № 7 размещалась в двухэтажных зданиях из шлакоблоков, построенных еще в 30-е годы, когда возводились первые цеха Пермского моторного завода.

Ей срочно нужен был корпус для лечения терапевтических больных.

В конце 60-х годов попасть в титул строительства междучреждений можно было только с разрешения Госплана и Совмина России, поэтому пришлось немного «помудрить».

Здание начали возводить по проекту как общежитие для медицинских работников. На первом этаже предполагалось разместить столовую для персонала больницы.

Ввели здание в эксплуатацию как общежитие для медицинских работников и передали на баланс больнице № 7. Через год его перевели функционально в терапевтический корпус.

В этой же больнице родильное отделение находилось в двух отдельно стоящих двухэтажных зданиях, что было неудобно медицинскому персоналу, так как приходилось во время работы подолгу службы переходить из одного корпуса в другой, в том числе и в ночное время.

По просьбе врачей между существующими корпусами было запроектировано и построено четырехэтажное здание, объединившее в единое целое не только два родильных отделения, но и здание бывшего детского сада, расположенного внутри квартала.

Таким образом, Свердловский район получил неплохой родильный дом по меркам 70-х годов.

Следующим этапом в развитии городской больницы № 7 было строительство здания новой поликлиники и кардиологического отделения вдоль улицы Героев Хасана.

Существующая поликлиника и кардиологическое отделение помещались в аварийных шлакоблочных зданиях вдоль улицы Героев Хасана. На их первых этажах было небезопасно ходить по коридорам из-за ветхости полов, которые проваливались и были неоднократно восстановлены.

Мне в конце 80-х годов удалось построить новую поликлинику и кардиологическое отделение на месте снесенных аварийных, но достроить до конца не успел, начался 1992 год.

Проект семиэтажного здания центрального корпуса больницы, расположенного также по улице Героев Хасана, был готов в 1991 году. На его месте сейчас находится сквер. Из-за отсутствия финансирования главный корпус до настоящего времени не построен.

Городская клиническая больница № 2

Много внимания я уделил реконструкции одной из старейших больниц города — второй городской клинической, расположенной на улице имени моего предка, двоюродного брата дедушки по папиной линии, Плеханова Георгия Валентиновича.

На территории, где находились больница, была размещена основная авторемонтная база, гаражи и ремонтные мастерские скорой медицинской помощи города, какие-то склады и неухоженная территория.

Чтобы освободить территорию для нового семиэтажного корпуса больницы, пришлось на улице Героев Хасана построить здание автобазы скорой помощи на триста двадцать пять автомашин и только после этого освободить строительную площадку для нового семиэтажного здания больницы с пристроенным помещением для размещения ее пищеблока. Здание больничного морга переделали для размещения трансформаторной подстанции.

Городская дезинфекционная станция

Комплекс зданий городской дезинфекционной станции решено было построить на пустыре, рядом с недавно возведенным троллейбусным депо на улице Куйбышева.

Пустырь был неслучайным. Он располагался рядом с испытательными установками завода им. Свердлова, в которых выполняли первичные испытания моторов для самолетов. При работе моторов гул разносился по всему городу на расстояние нескольких километров. Если кто попадал в эту зону при работающих моторах, то практически глух на некоторое время.

Во время ВОВ гул от них стоял круглосуточно, поэтому территория от улицы Куйбышева до речки Данилиха, протекающей недалеко, была свободна от застройки.

Выбор участка для размещения дезинфекционной станции в 1973 году я определил совместно с главным врачом станции Т.А. Жилиной после завершения в 1969 году строительства Пермского хлебозавода №2 на улице Маршрутной.

Позднее между городской дезинфекционной станцией и улицей Куйбышева завод им. Свердлова построил свой новый цех, действующий до настоящего времени.

При завершении строительства дезинфекционной станции выплыли большие затруднения с исполнением инженерных коммуникаций.

По проекту теплоноситель для отопления и горячей воды станции должен был получаться от магистральной теплотрассы к этому микрорайону. Фактически «Пермэнерго» эту магистраль только начал проектировать, и подачу теплоносителя в здание станции могли осуществить не ранее чем через два года.

Пришлось срочно запроектировать новую теплотрассу к станции и подключить ее к совершенно другой тепловой камере, находившейся в районе улицы Центральной, на рас-

стоянии почти километр от территории станции, бывшей в стадии отделочных работ.

Вопрос теплоснабжения был решен своевременно, государственная комиссия приняла корпус без замечаний к большой радости главного врача станции Т.А. Жилиной, которая много помогала УКСу в решении текущих задач.

Первые стройки Областного онкологического диспансера

Однажды меня вызвали в областное управление здравоохранения и убедительно попросили заняться строительством комплекса зданий для Областного онкологического диспансера.

Просьба была неожиданной, так как при области находился свой УКС, и он выполнял все стройки для управлений Облсполкома. В Облздраве объяснили, что надеяться на УКС Облсполкома не могут из-за постоянного срыва строек в области.

Мне пришлось согласиться.

Место для размещения поликлиники и первого лабораторного корпуса онкологического диспансера было выбрано на свободной территории, на улице Баумана.

Лабораторный корпус надо было строить по индивидуальному проекту, а поликлинику — по типовому проекту общежития. Так решили в Облздраве.

Стройку выполнял трест № 14, который умел возводить здания в установленные сроки, поэтому уже через два года медики диспансера въехали в новые помещения.

До настоящего времени приходится сожалеть, что для строительства поликлиники диспансера был применен типовый проект общежития с коридорами недостаточной ширины, и это создает определенные трудности для перемещения больных внутри здания.

Диспансер на улице Баумана и территория, где предполагалось построить училище, были обеспечены магистральными инженерными сетями.

Краевой онкологический диспансер

Решение Пермского горисполкома было выполнено в установленные сроки, и медики города стали получать в достаточном количестве специалистов со среднемедицинским образованием.

Строительство Областной СЭС на улице Куйбышева

Однажды в УКС обратился главный врач Областной СЭС В.А. Петров с просьбой выступить заказчиком по строительству для этой организации нового здания по улице Куйбышева.

Сложность этого строительства заключалась в том, что строительная площадка не была обеспечена инженерными коммуникациями, их пришлось в этот район прокладывать практически заново.

Но УКС справился с поставленной задачей, и корпус своевременно был введен в эксплуатацию, а я на долгие годы стал одним из друзей будущего генерального директора Бакинститута.

Детские лечебные учреждения

Мы с работниками УКСа всегда с большим вниманием и заботой относились к строительству детских лечебных учреждений.

Так были своевременно построены новые корпуса санаториев:

- «Подснежник» на станции «Бахаревка»,
- «Лесной уголок» по улице Кировоградской,
- «Светлана» по улице Танцорова,
- «Малыш» по улице 5-я Линия в Верхней Курье.

Особенность этих санаториев в том, что они строились для больных детей, которым необходимо было создать все условия для лечения и скорейшего выздоровления.

Там устанавливалось самое современное оборудование и мебель по специальному заказу.

Для детей было построено:

- в Ленинском районе новое здание Клинической больницы № 3 по улице Ленина,
- в Мотовилихе здание Клинической больницы № 13 по улице Лебедева,
- в Орджоникидзевском районе комплекс зданий больницы № 20.

Каждый раз, вводя в эксплуатацию очередное здание детского лечебного учреждения, я и работники УКСа помнили о том, что это делается для нашего будущего поколения.

Стоматологическая поликлиника на Городских Горках

В моей памяти осталось строительство здания Стоматологической поликлиники № 2 по улице Студенческая в Мотовилихинском районе.

Главный врач поликлиники Д.А. Марголин договорился с руководством завода им. Ленина о приобретении заво-

дом технологического оборудования для нового здания поликлиники, которое еще не было возведено.

Мне пришлось в самые кратчайшие сроки не только контролировать выполнение индивидуального проекта поликлиники, но и начать строительство, что называется «с листа».

Уже закладывали фундамент четырехэтажного здания, а проект этажей еще доделывался на столах проектировщиков, но обошлось без сбоев, и корпус поликлиники, лучшей в то время в городе, был своевременно сдан под монтаж технологического оборудования.

Родильные дома Перми

Много можно было бы написать об объектах лечебно-профилактических учреждений города, построенных единым заказчиком — УКСом Пермского горисполкома. Но родильные дома должны быть выделены в «особенную строчку».

Первое новое здание для родовспоможения я построил по просьбе своей жены, врача акушера-гинеколога, в больнице №7.

Как-то раз, зимой встречая жену с очередного ночного дежурства, я услышал жалобу о том, что ночью во время этого дежурства ей пришлось несколько раз «бегать» между отделениями больницы, расположенными в пятидесяти метрах друг от друга, и не плохо бы на этом участке построить современное здание родильного отделения.

Идея мне понравилась. Я предложил не только построить новое здание, но и соединить два рядом стоящих и детский сад, расположенный внутри квартала. Так район и город получили первый неплохой родильный дом.

Второй роддом и гинекологическое отделение были построены в Индустриальном районе при комплексе медсанчасти № 9.

Заведующий Пермским городским отделом здравоохранения Б.Ю.Симановский очень ходатайствовал перед руководством города о строительстве на базе МСЧ № 9 двух корпусов для размещения акушерского и гинекологического отделений. И такое решение было принято. Строительство поручено выполнять мне, главному инженеру УКСа. Для решения поставленного вопроса понадобилось более трех лет.

Я справился с поставленной задачей, корпуса на улице Братьев Игнатовых были построены и введены в эксплуатацию.

Прошло несколько месяцев, когда главный врач МСЧ № 9 М. Тверье начал жаловаться на периодическое заопление в акушерском корпусе цокольного этажа канализационными стоками.

Мне пришлось ехать и разбираться на месте.

При обходе здания я рядом с крышкой канализационного люка увидел выглядывающий из колодца кусок веревки, на конце которой внизу был примотан рукав от ватной курточки в виде тампона.

Все стало ясно. Рабочие больницы периодически вставляли тампон в трубу и «топили» подвал, а когда их просили прочистить трубы, тампон убирали взамен флакона спирта, применяемого в медицине.

Родильный дом в Кировском районе города, построенный УКСом горисполкома в конце 80-х годов прошлого века, был лучшим по технологии, архитектуре и месту расположения.

На его проектирование, строительство ушло более четырех лет, но это стоило того, что городское здравоохранение получило вместо барака, возведенного во время войны, как говорится, «на скорую руку», современное медицинское учреждение.

Поликлиники районов

В начале 60-х годов Пермь стала миллионным городом и начала интенсивно застраиваться новыми жилыми районами.

В 70-е годы руководители Пермского горздрава стали понимать, что развитие здравоохранения в городе возможно только при замене зданий поликлиник барачного типа, построенных еще в годы войны, на более современные.

Я тоже это понимал, как и то, что для размещения поликлиник в микрорайонах можно использовать первые этажи жилых домов, возводимых по новым проектам.

Так была построена поликлиника на улице Глеба Успенского (за кинотеатром «Кристалл»), пристроенные поликлиники в микрорайонах Болатово, Парковый.

Очень жаль, что не удалось до 1992 года начать строительство поликлиник для детей и взрослых, женской консультации в новом микрорайоне Садовый. В 1991 году был разработан проект жилого дома по улице Юрша в кирпичном исполнении, на первом этаже которого были предусмотрены эти медицинские учреждения.

Проект был передан генподрядчику — тресту «Пермжилстрой», который должен был начать в 1992 году строительство этого жилого дома.

Но к тому времени уже изменилась не только система финансирования, но и владения земельными участками.

В итоге дом построен, но без медучреждений.

Аптеки и фармацевтический завод

Я четко понимал, что развитие здравоохранения невозможно без строительства новых аптек и без мощностей по производству лекарственных препаратов.

Поэтому в каждом новом микрорайоне я всегда находил место для создания нового аптечного учреждения.

Первую полноценную аптеку построил на углу улицы Екатерининской и Комсомольский проспект. Аптека занимала цокольный и первый этажи жилого дома. В цокольном этаже была создана фармацевтическая лаборато-

рии, на первом этаже — торговый зал аптеки. Построенная аптека значилась одной из лучших в городе с порядковым номером «№1».

Строительство объектов аптечного производства

Для обеспечения аптек продукцией широкого потребления в Свердловском районе города на улице Лодыгина был возведен фармацевтический завод со складскими помещениями, ранее располагавшимися в районе Разгуляя.

Руководительница складского хозяйства фармацевтического завода до переноса емкостей спирта объемом в пять кубометров из Разгуляя на улицу Лодыгина жаловалась мне, что ежемесячно из емкостей, где хранится чистый девяносто шести градусный спирт, испаряется до десятков литров этого вещества, и очень просила после перевозки емкостей на новое место выполнить хорошую гидроизоляцию, не растворяемую спиртом.

Каково же было удивление монтажников, когда они подняли вкопанные в подвале склада спиртовые емкости. Обнаружилось, что к ним присоединены трубопроводы очень небольшого диаметра, уходившие в подвал соседнего деревянного одноэтажного жилого дома, расположенного от склада на расстоянии более тридцати метров. Дом и здание склада были соединены тоннелем шириной до шестидесяти сантиметров и высотой около полутора метров. Этим способом слива спирта пользовались, видимо, очень давно.

В прошлом веке до 1992 года существовала при Министерстве здравоохранения в Москве и филиале в Перми организация «Медтехника», которая поставляла на стройки и действующим больницам и поликлиникам медицинское оборудование и специальную медицинскую автотехнику.

Размещалась контора базы на улице Куйбышева, а сама

база была в Балатово на улице Советской Армии. Я постоянно помогал «Медтехнике», так как она обеспечивала мои строящиеся объекты здравоохранения медицинским оборудованием.

Находилась база в бараке с небольшой мастерской, в которой производился ремонт эксплуатируемого медицинского оборудования. Все поступающее оборудование в упаковках хранилось на открытой площадке с небольшим навесом.

По ходатайству руководства «Медтехники» я запроектировал и построил на территории базы хорошие складские помещения, гараж на десяток автомашин и четырехэтажное административное здание, в котором была размещена большая мастерская по ремонту и профилактике медицинского оборудования.

Объекты для СЭС

До 1992 года значимую роль в жизни города имели городская и районные санитарно-эпидемиологические станции — СЭС. В их задачу входило ведение наблюдения за проектированием и строительством всех городских объектов. Без подписи работника СЭС акты рабочих и государственных комиссий по вводу объектов в эксплуатацию считались неоформленными и не подлежали утверждению.

Поэтому когда ко мне обратился начальник СЭС области о постройке для этой организации здания на углу улиц Куйбышева и Революции, я согласился.

С того момента мы с СЭС стали хорошими «сослуживцами». Так продолжалось долгие годы не только на уровне руководства СЭС области, но и города, районов.

Однажды в мой кабинет зашел очень расстроенный начальник городской СЭС и сообщил, что на пермском самом крупном городском пляже у станции Камгэс взята на анализ

проба воды. Результаты ошеломили работников СЭС, так как вода состояла на шестьдесят процентов из канализационных отходов.

То лето было очень жаркое, пляж был практически полностью занят отдыхающими с раннего утра и до позднего вечера. Купающиеся не только располагались по коренному берегу водохранилища, но и заполняли на сотни метров по земляной плотине ГЭС.

Что делать, работники СЭС не знали. Разрешить купание в такой воде они не могли, а закрыть пляж тоже было невозможно.

Я посоветовал договориться с руководством «Пермьлесосплава», плоты которых проходили шлюзование через шлюз Камской ГЭС, чтобы они дали команду капитанам буксирных катеров раз в сутки на утренней заре приставать к берегу «носом» в районе пляжа и по два — три часа на малых оборотах двигателя разгонять воду от уреза. Урезом называется линия соприкосновения водной глади с берегом.

Уже после первого такого «оздоровления» водного бассейна в районе городского пляжа анализ воды дал положительные результаты.

Второй казусный случай произошел с только что назначенным новым начальником СЭС Мотовилихинского района во время проведения рабочей комиссии по приемке в эксплуатацию одного из жилых домов микрорайона Городские Горки.

После осмотра построенного здания члены рабочей комиссии собрались для обсуждения выявленных замечаний, во время которых начальник СЭС заявил, что он не допустит применения вместо кирпича деревянных чурок.

Члены комиссии в недоумении. Как такое возможно? Разобрались. Оказалось, что новый начальник СЭС, по образованию врач, еще не знал, что для крепления дверных блоков в кирпичных домах устанавливали несколько деревянных чурок по размерам равных кирпичу, и к ним крепился дверной блок.

Строительство нового здания районной СЭС в Кировском районе прошло без отклонений от проекта и было признано лучшим среди зданий данного назначения

НА БЛАГО ГРЯДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

В советское время одной из основных задач управления капитального строительства (УКСа) Пермского горисполкома была программа строительства зданий школ и детских садов на территории города.

Практически, начиная с 1970 года, в Перми ежегодно вводилось в эксплуатацию одна или две школы на тысячу сто семьдесят шесть ученических мест и два – три детских сада на триста шестьдесят мест каждый.

Программа была очень напряженной. Сорвать ее и не ввести в эксплуатацию к 1 сентября очередную школу, было просто невыносимо. Это рассматривалось как значительное упущение и ставило под сомнение работу не только руководства УКСа, но и города.

По представлению городского отдела народного образования (гороно) в УКСе составлялся пятилетний план по строительству школ и детских садов. Но он не был догмой, и его ежегодно можно было корректировать, исходя из многих факторов общей ситуации при застройке города.

От начала изыскательских работ и проектирования до завершения строительства школы на тысячу сто семьдесят шесть мест требовалось не менее трех – четырех лет. Полтора года уходило на выполнение изыскательских и проектных работ, полгода — на рассмотрение и утверждение проекта, включение его в титул строительства.

На строительство отводилось не менее двух лет. В первый год — начало работ, во второй — ввод в эксплуатацию к 1 сентября.

Эта схема выдерживалась мной в течение более двух десятилетий.

В первую очередь строительство школьных зданий предусматривалось в микрорайонах нового строительства: Балатово, Парковом, Карпинского, Николая Островского, Садовом. Но это не означало, что только на территории будущих новых микрорайонов будут строиться новые здания школ.

К примеру, школу на Разгуляе построили, когда в этом микрорайоне еще не было того нового строительства, развернутого после 2000-го года.

Все школы постройки конца 60-х – начала 90-х годов возводились по типовым проектам, с привязкой к месту строительства и индивидуальной отделкой фасадов.

В обязательном «ассортименте» у каждой школы, кроме спортивного зала, был небольшой спортивный комплекс — беговая дорожка и малое футбольное поле, баскетбольная площадка, а также площадка для стационарных гимнастических снарядов.

Обязательно строилась теплица, которая могла функционировать круглый год, и стрелковый тир. В школах предусматривалось размещение столовой и небольшого кинозала с кинобудкой для просмотра фильмов.

Всего за период с 1969 по 1992 год было построено порядка двадцати шести общеобразовательных школ более чем на тридцать тысяч учащихся.

Одновременно с общеобразовательными школами строились школы специального назначения. Так на улице Самаркандской был построен целый комплекс школы-интерната для детей с определенным диагнозом заболеваний.

В районе Бакинститута в здании школы для детей, имеющих недостатки слуха, стены и потолки классных комнат были обшиты специальными перфорированными гипсовыми плитками для улучшения акустики помещений.

Но наиболее сложным для возведения комплексов школьных зданий оказался микрорайон Садовый. На строительной площадке одной из школ на значительной глубине (более шестидесяти метров) изыскателями был выявлен «ку-

пол» растворимых известняков. Для создания безопасного фундамента проектировщики вынуждены были под всем школьным зданием предусмотреть устройство монолитного железобетонного «плота» толщиной порядка трех метров. Наличие такого «плота» позволило гарантировать сохранность здания при любых возможных техногенных и природных аномалиях на данной территории.

У другой школы спортивный комплекс попал на территорию с очень неустойчивой гидрогеологической обстановкой, и пришлось выполнять сложные подготовительные работы для обеспечения устойчивости к влиянию дождевых и талых вод.

Но особенно в моей памяти запечатлелось событие, случившееся при вводе в эксплуатацию школьного здания в микрорайоне Разгуляй.

До 1 сентября оставалось немногим более месяца, когда выяснилось, что вся выполненная электропроводка, а это более сорока километров проводов, не выдерживает контрольного испытания на «прозвонку». Оказалось, что поступившая партия проводов из одной из союзных республик имеет значительные отклонения по качеству от требований действующего ГОСТа.

При монтаже проводов, при протягивании их через отверстия в железобетонных плитах, они теряли свою прочностную характеристику и попросту ломались.

Пришлось срочно получать вне очереди качественные провода с нашего завода «Камкабель», затем вытаскивать все сорок два километра забракованных и вместо них монтировать новые провода.

Руководство генерального подрядчика треста № 14 «Пермжилстрой», его СМУ № 6, с пониманием отнеслось к возникшей проблеме и на последнем этапе значительно усилило работу на объекте отделочниками, что позволило наверстать упущенное время.

Школа была сдана в установленный срок и с хорошим качеством работ.

Строительство дошкольных детских учреждений или, попросту говоря, детских садов, также всегда было на контроле у моего руководства и УКСа.

Как правило, здания детских садов строились по той же схеме, что и школы, только проектирование и ввод в эксплуатацию зависели от нормативных сроков, установленных для данных сооружений. Поэтому детские сады вводились в эксплуатацию практически в любом квартале года.

Всего было построено с 1969 по 1992 год около пятидесяти зданий детсадов. В основном это были типовые здания, в которых размещалось по триста шестьдесят детей в каждом.

Таким образом, в указанное время было введено в эксплуатацию детских садов общим количеством на восемнадцать тысяч детских мест.

Так что во всех новых микрорайонах и городских территориях к концу 80-х годов и началу 90-х проблем с устройством детей почти не было, а если на отдельных участках возникала необходимость строительства, то она в оперативном режиме решалась в два – три года.

Сложностей с проектной привязкой типовых проектов детских дошкольных учреждений практически не возникало, особенно в микрорайонах нового строительства, так как на стадии разработки ПДП (проект детальной планировки) генерального плана микрорайона, согласно требованиям действовавшего СНиПа, «пятно» для детского сада было зарезервировано заранее.

На стадии рабочего проекта необходимо было только выполнить привязку к инженерным коммуникациям, а на период строительства освободить строительную площадку от существующих строений и вынести, если они имелись, действующие коммунальные инженерные сети.

При возведении зданий школ и детских садов УКС тесно сотрудничал с городским отделом народного образования, так как работники УКСа понимали, что эксплуатиру-

вать эти сооружения придется данному ведомству. На стадии проектирования, когда специалисты администрации и будущие хозяева этих сооружений высказывали свои предложения, они принимались заказчиком и получали отражение в подготавливаемых проектах.

И если по тому или иному объекту возникали уже в ходе строительства замечания от будущих эксплуатационников, они тоже по возможности решались в их пользу.

Таких замечаний было довольно много при строительстве дополнительного здания к школе №22, расположенной на углу улиц Сибирской и Полины Осипенко (велось по индивидуальному проекту), и все они были приняты и выполнены генподрядчиком трестом №12 (управляющий А.Л.Липатов).

Тесное взаимодействие заказчика и эксплуатационных организаций, взаимопонимание необходимости оперативного решения возникающих вопросов позволяло выполнять намечаемые планы по созданию новых школ и детских садов и ни разу за четверть века не сорвать сроки ввода, определенные в титульных списках строительства.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЗДАНИЯ ГОРОДА

В начале 70-х годов прошлого века построить новое административное здание можно было только с разрешения Совмина и Госстроя России, и за этим бдительно следило городское управление Стройбанка России, который в случае отклонения от требований нормативных документов прекращал строительство.

Поэтому когда потребовалось построить для Управления внутренних дел области здание для размещения вновь созданного подразделения, несущего службу на городской территории, мне пришлось немного «слукавить».

Общежитие на улице Чернышевского

Кирпичное пятиэтажное здание по улице Чернышевского было названо «общежитием для работников УВД», а на первом и втором этажах разместили «домоуправление» и «мастерскую для ремонта бытовой техники».

Когда дом был принят в эксплуатацию, а затраты переданы на баланс горжилуправлению, на первом этаже поместили дежурного по городу с дежурным нарядом, на втором — штаб этого подразделения, на остальных этажах разместили казармы для личного состава.

Комплекс ГАИ УВД

Вторым объектом, по которому УКС Пермского горисполкома выступил заказчиком, было здание Областного управления ГАИ, располагавшееся в то время в одноэтажном бараке на улице Героев Хасана.

Начальник Областного управления ГАИ Г.Я. Моськин договорился с руководством УВД, что подрядчиком по строительству комплекса нового центра ГАИ выступит СМУ УВД. Начальником тогда был Митасов, позднее его сменил Никитин.

Руководство города не возражало по принятому УКСом решению и гарантировало финансирование строительства за счет безлимитных средств резерва Совмина России.

Главный архитектор города Г.М. Игошин предложил на выбор несколько свободных от существующих строений земельных участков, тогда практически на окраине города.

После личного осмотра этих участков руководством УВД МВД было принято решение начать проектирование комплекса на правом пустынном берегу безымянного ручья по бульвару Гагарина.

Позднее рядом УКС как заказчик построил протезный завод (перенесли с Комсомольского проспекта), базу Союзпечати, колумбарий, базу Горсвета.

При строительстве двухэтажного корпуса ГАИ был вскрыт подземный источник, из-за которого пришлось на четыре метра сократить длину корпуса, так как фундаменты просто проваливались «вникуда».

По стечению обстоятельств мне довелось вернуться в УКС, когда основное здание ГАИ было возведено, но не в проектном трехэтажном исполнении, а в четырехэтажном, выполненном самовольно руководством УВД без согласия проектной организации.

Четвертый этаж на строящемся здании был выполнен по средствам капитального ремонта, что противоречило действующим правилам финансирования нового строительства.

При подробном осмотре уже возведенного здания, в котором начались отделочные работы, было выявлено наличие деформаций здания и имевшие место обрушения бетонных облицовочных плиток фасада, которые должны были крепиться к кирпичной кладке здания биметаллической проволокой.

Фактически вместо нержавеющей биметаллической проволоки подрядчик (СМУ УВД) применил для крепления плиток обычную проволоку, которая от действия блуждающих токов (токи Фуко) уже через короткое время потеряла прочностные характеристики, и плитки отваливались от кирпичных стен.

Деформация главного корпуса ГАИ была вызвана ошибками подрядчика в возведении фундамента и нагрузкой его четвертым этажом.

Для устранения указанных дефектов мной было принято решение снять бетонные плитки с фасадов здания, стянуть здание на уровне второго и третьего этажей металлическими шинами расчетного сечения и повторно выполнить

облицовку фасадов натуральным камнем, мрамором, с фиксацией его креплением, неподвергающимся влиянию блуждающих электротоков.

Комплекс, состоящий из двухэтажного и четырехэтажного корпусов и гаража на десяток патрульных автомашин, был благополучно введен в эксплуатацию.

Здания районных отделов УВД

Следующими объектами УВД были здания для районных отделов УВД Ленинского и Мотовилихинского районов, которые были построены без каких-либо происшествий.

Комплекс зданий для «Батальона милиции»

Затем на пустыре в микрорайоне Загарье УКСом была построена база для специального подразделения УВД, которое обеспечивало безопасность города в ночное время. Называлось это подразделение «Батальон милиции», одеты служившие в нем были в обычную армейскую форму. На ночные дежурства служащие передевались в милицейскую форму.

Начиналась эта стройка в далеком 1973 году со строительства забора и проходной, затем общежития-казармы на тридцать человек, спортзала, на первом этаже которого размещалась столовая, кабинета начальника и склада технического оборудования. Для хранения служебного транспорта был построен гараж на десять легковых и две спецавтомшины с одной смотровой ямой.

Комплекс был введен в эксплуатацию и позднее неоднократно реконструировался и дополнялся.

Построен был отдельно стоящий корпус технического обеспечения, гараж для большегрузной техники, а за границей отвода территории — жилой дом для сотрудников подразделения.

Комплекс базы полка патрульной службы

Примечательно, что база для еще одного подразделения УВД также была построена на пустыре, но только на правом берегу Камы, в районе завода силикатных панелей.

Командир этого подразделения, тогда еще майор, Н. Калинин много усилий приложил к тому, чтобы стройка базы его подразделения сначала попала в титул проектных работ, а затем — в титул строительства.

Понимая, что наличие современной по тем временам базы для подразделения УВД, — это вклад в спокойствие граждан нашего города, я принимал все меры к своевременному освоению выделяемых капиталовложений и запланированному вводу объектов в эксплуатацию.

Строительство здания для городского Управления УВД

Одной из важных задач в строительстве объектов административного назначения было возведение здания на улице Сибирской для только что созданного городского Управления внутренних дел.

Место для него выбрали значимое, по нынешней улице Сибирской, за памятником танкистам Уральского добровольческого корпуса.

По первоначальному проекту на этой территории предполагалось возвести комплекс зданий городского Управления внутренних дел, состоящий из трех частей: двух пятиэтажных корпусов, расположенных симметрично, с шестиэтажной вставки между ними.

В пятиэтажных корпусах размещался аппарат управления, а в шестиэтажной вставке — инженерно-информационный центр с актовым залом на четыреста мест. Такие были планы.

Работы по возведению комплекса решено было начать со строительства левого пятиэтажного корпуса, затем планировалось выполнить шестиэтажную вставку и только потом правый пятиэтажный корпус.

Строительство первого административного корпуса не было разрешено Совмином России, поэтому его возводили по титулу общежития для работников УВД. Но за два месяца до ввода здания в эксплуатацию силами работников городского Управления УВД была выполнена работа по переустройству и перепланировке этажей.

К этому времени были готовы рабочие чертежи строительной части шестиэтажной вставки, но полный комплект документации отсутствовал, так как в этом помещении отводилось более двухсот квадратных метров для размещения вычислительной машины, программу которой разрабатывали в специализированной субпроектной организации, подчиненной непосредственно УВД России.

По сообщениям субпроектировщиков эта программа должна была быть готова через полтора – два года. На мое предложение начать строительство здания вставки уже в 1990 году, не ожидая получения рабочих чертежей на технологическую часть проекта от субпроектной организации, руководство городского УВД (начальник Латышев) на заседании Пермского горисполкома ответило отказом.

Тогда было принято решение о временном прекращении работ по возведению комплекса зданий для размещения горуправления УВД до получения полного комплекта проектно-сметной документации вставки, так как на этом настаивало руководство УВД города.

К сожалению, как показала практика последующих лет, осуществить программу строительства ранее запланированного комплекса из трех зданий для горуправления УВД не удастся уже никогда, ибо на этой территории теперь построены другие сооружения.

Здание Областного суда

Однажды меня вызвал к себе заместитель председателя Облисполкома, который курировал строительство в области, и сообщил, что руководством Облисполкома принято решение о поручении городскому УКСу строительства нового здания Областного суда.

На мой вопрос, почему этот объект не может выполнить УКС области, был получен ответ: «Они не справятся».

Так УКС города стал заказчиком строительства нового здания по улице Николая Островского для Пермского областного суда, генеральным подрядчиком по строительству которого выступил трест «Пермжилстрой». Руководители треста «Пермжилстрой» с пониманием отнеслись к поставленной задаче, и объект был сдан в установленные сроки с хорошим качеством работ.

Строительство пожарных депо

Строительство пожарных депо началось у меня с капитальной реконструкции депо Ленинского района. Построенное еще в дореволюционное время, оно требовало не только капитального ремонта, но и реконструкции здания для хранения пожарных автомашин. Особое внимание необходимо было уделить на реконструкцию помещения для мест нахождения работников пожарной охраны и камер для сушки и хранения защитного противопожарного обмундирования.

Затем последовало строительство пожарных депо в Орджоникидзевском районе, новом микрорайоне Парковый, а потом и небольшое в Кировском районе.

Феодосиевская церковь

В середине 80-х годов прошлого века в нескольких городах Урала решено было установить орган для широкой пропаганды этого вида музыкальной культуры.

Челябинск и Свердловск такой музыкальный инструмент приобрели.

Руководители Пермской области не захотели оставаться в стороне от возможности установить в городе современный орган, выполненный лучшими мастерами Германии.

Все вопросы, связанные с его приобретением и доставкой в город, были поручены отделу культуры Облисполкома, а выполнение функции заказчика по реконструкции существующего здания и размещения в нем этого уникального инструмента было возложено на Управление капитального строительства Пермского горисполкома.

Для размещения органа стали подыскивать подходящее существующее здание церкви или другое помещение.

Остановились на церкви, расположенной на перекрестке улиц Борчанинова и Большевикской (сейчас Екатеринбургская).

В свое время в этом здании долгие годы размещался цех хлебозавода, а вокруг стояли одно – двухэтажные жилые дома дореволюционной постройки.

Территория церкви была ограждена покосившимся забором и забита подсобными зданиями хлебозавода, в том числе несколькими гаражами для автомашин.

На первом этапе переделки церкви под развлекательный комплекс активно включились в решение поставленной задачи отделы культуры Облисполкома и Горисполкома.

Для окончательного выбора здания для установки органа были еще раз приглашены специалисты из Германии.

Немецкие специалисты от предприятия-изготовителя органов составили перечень требований к помещению для размещения своего уникального музыкального инструмента.

Однако то, с чем они столкнулись в России, вызвало у них недоумение.

Дело в том, что органы всегда находились в церквях католического вероисповедания, а не в христианских, значительно отличавшихся по внутреннему расположению интерьера, не предусматривающего установку этого музыкального инструмента.

Но решение было принято, и его надо было выполнять.

Генеральным проектировщиком была определена мастерская (начальник А. Колчанов) института «Пермгражданпроект» (директор Громов).

Проектировали долго, так как необходимо было произвести практически полную реконструкцию здания и приспособить его для выполнения функции зрелищно-развлекательного комплекса.

После длительного обсуждения на всех уровнях областной власти был принят проект, который предусматривал создание на базе существующего здания церкви нового комплекса зданий и сооружений.

В состав комплекса должны были входить здание Федосиевской церкви и рядом расположенный бывший дом монастыря, который после революции и ликвидации монастыря заселили жителями города, а также вновь создаваемое полуподземное помещение на территории между домом и церковью.

По принятой в проекте технологии было предусмотрено:

- в здании церкви (блок «А») на месте иконостаса установить музыкальный инструмент, превратив площадку перед органом в зрительный зал на шестьсот мест;
- технический этаж (полуподвал) превратить в зал ожидания концертов, для чего необходимо было на метр углубить пол полуподвала. В этом новом зале нужно было создать высоту помещения для посещения людьми;
- деревянное перекрытие основного зала заменить на железобетонное;

- между существующим жилым домом и церковью (по улице Борчанинова) устроить подземное помещение (блок «Б»), в котором разместить раздевалку и буфет для зрителей. Для этого в подземном помещении нужно было «прорубить» в фундаменте церкви отверстие, в котором и организовать проход в блок «Б»;

- рядом расположенный жилой дом (блок «В»), бывший когда-то женским монастырем, освободить от жителей и выполнить его внутреннюю перепланировку, превратив здание в административно-хозяйственное помещение для обслуживания органного комплекса;

- расселить и снести расположенный рядом жилой дом по улице Екатерининская, увеличив тем самым территорию комплекса, для создания на освобожденном месте небольшого сада для зрителей;

- для передвижения зрителей из раздевалки и зала-накопителя в зрительный зал устроить отдельный вход и две боковые лестницы из полуподвала в зрительный зал.

Проект нового органного комплекса был рассмотрен во всех инстанциях и принят к исполнению.

Начались будни стройки-реконструкции.

Подрядчиками по реконструкции здания церкви и всего комплекса был определен трест №14 «Главзападуралстроя».

Работы были начаты по блокам «А» и «Б» одновременно, а блок «В» предстояло расселить и только после освобождения его от жильцов начать ломать перегородки и устраивать новые помещения.

Особые заботы у подрядчика и заказчика вызвало открытие котлована под устройство блока «Б», так как отметка дна котлована находилась ниже подошвы фундаментов существующих блоков «А» и «В».

Пришлось принимать неординарные решения по сохранению устойчивости существующих зданий и выполнения встрога согласно проекту.

Но на этом сложности с реконструкцией церковного здания для установки органа не кончились.

При производстве работ выяснилось, что для устройства перекрытия в блоке «А» необходимо также выкапывать котлован внутри здания почти на уровне подошвы фундамента стен.

После длительного препирательства с подрядчиком было решено котлован открывать «захватками» с немедленным бетонированием его дна для закрытия «обнаженного» фундамента и устройства будущего пола, чтобы исключить выпучивание грунтового основания внутрь здания.

Эти работы были завершены в кратчайшие сроки, что позволило начать устройство железобетонного перекрытия полуподвальной части здания и открытия котлована блока «В».

Сложности с устройством конструкций блока «Б» заключались в том, что работы по его возведению были начаты в осенний период года, и пришлось не только выполнять строительно-монтажные работы, но и бороться с водой, поступающей в котлован от осенних дождей.

К ноябрю все конструкции блока «Б» смонтировали и уложили первый слой кровли.

Реконструкция здания была под личным контролем секретаря ГК КПСС, и он ежемесячно проводил на объекте оперативные совещания.

К весне основные строительные работы завершились, начались отделочные.

Как только Управлению капитального строительства Горисполкома поручили заниматься реконструкцией здания, у некоторых строителей, да и у меня лично вставал вопрос, зачем одну из сохранившихся красивейших церквей города разрушать и православный храм переделывать под культурно-развлекательный комплекс.

Такого же мнения был директор института «Пермгражданпроект» и управляющий строительным трестом.

Выхода из тупика не было — подготовка здания для размещения органа близилась к завершению.

Практически блок «А» и «Б» были готовы для окончательных геодезических замеров, необходимых при проектировании будущего музыкального инструмента — органа. В блоке «В» заканчивались отделочные работы.

Для составления проектного технического задания на разработку органа в Пермь прибыла группа специалистов из Германии, в задачу которых входило обследование реконструированного помещения и прилегающей территории для выявления звукового фона города, его влияния на работу органа.

В связи с этим у меня возникла идея попытаться получить такие данные натуральных наблюдений за шумовым фоном Перми, которые бы позволили отказаться от установки органа в церкви и искать для его размещения другое помещение.

Немецкие специалисты установили привезенное оборудование для исследования и составили график наблюдений.

У меня родилась мысль, а что если «нашуметь» так, чтобы изготовители органа отказались от этого помещения...

Не объясняя, для каких целей это необходимо, мне пришлось срочно договариваться с начальником городского трамвайно-троллейбусного управления и просить его лично проследить, чтобы в часы, когда немцы будут производить замеры городского шума по улице Борчанинова, организовать постоянное движение трамваев с платформами технических служб, на которых были бы погружены громажающие запчасти.

Результат превзошел ожидания.

Немецкие специалисты после долгих наблюдений и анализов записей приборов пришли к выводу — монтировать орган в здании церкви невозможно.

Было собрано срочное совещание на областном уровне, где нам приказали свернуть работы и подготовить здание к временной консервации, что и было выполнено немедленно.

Для размещения органа было срочно найдено помещение по улице Куйбышева, где после незначительной реконструкции был смонтирован орган, который и сейчас находится там.

На этом можно было бы и закончить разговор, если бы не последующие «разнось»: «А куда вы, главный инженер, раньше смотрели, когда начинали реконструкцию церкви?»

Все обошлось разговорами, тем более что нашли протокол совещания, на котором вопрос городских шумов был категорически отвергнут вышестоящей организацией.

Так закончилась реконструкция комплекса для установки органа в православном храме.

Вскоре блоки «А» и «Б» были возвращены православной церкви, и начата работа по приведению их в надлежащее состояние.

Сегодня Феодосиевская церковь пользуется большим авторитетом у граждан города. В настоящее время ее здание приведено в соответствие с требованиями православной веры, а в блоке «Б» установлено необходимое оборудование для выполнения обряда православного крещения.

ПОЯВЛЕНИЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРЫ

Пермский Драмтеатр

Безусловно, одним из значимых объектов культуры для нашего города является здание Пермского драматического театра. Его по праву можно считать одним из красивейших в Прикамье.

Сейчас нам уже трудно представить Пермь без этого нарядного и элегантного здания, которое стало культурным центром города. Площадь у Пермского театра драмы — любимое место отдыха и прогулок для пермских жителей. Здесь же проходят практически все городские праздники.

Строительство любого объекта начинается с того, что заказчик передает генеральному подрядчику проектную документацию и строительную площадку для производства работ.

Так было и в далеком 1965 году при возведении уникального здания Пермского драматического театра.

Заказчиком выступал УКС Пермского горисполкома, а генеральным подрядчиком — трест «Пермжилстрой» (управляющий Почтарев) Главзападурастроя. Авторами проекта были московские архитекторы В.П. Давиденко и В.И. Лютиков.

Строительство здания осуществилось в два этапа.

Первый был выполнен в конце 60-х годов. В этот период забили сваи, а затем работы из-за отсутствия финансирования приостановили до начала 70-х годов.

В народе свайное поле будущего здания театра называли рестораном «Свая» — там собирались на досуге любители посидеть на свежем воздухе. Конец этому «застолью» был положен только весной 1972 года.

Методом направленного взрыва одновременно были «срезаны» до проектных отметок тысяча двести пятьдесят свай, образующих опорную часть фундамента здания. Выполнение этой сложной и трудоемкой работы генеральный

подрядчик поручил субподрядной организации «Союзвзрыв-прому» (начальник Б.И. Егоров), которая блестяще справилась с поставленной задачей.

В каждой свае были просверлены отверстия на расчетной высоте, в которые уложены пакеты со взрывчаткой. По периметру свайного поля установили прочные щиты для улавливания разлетающихся осколков бетона, так как взрывать приходилось в густонаселенном жилом районе в центре Перми.

В шесть часов утра прогремел негромкий взрыв, которого практически не было слышно на расстоянии пятидесяти – ста метров. Бетон на расчетных сечениях был раздроблен, а арматура оголена.

Начались строительные будни. В течение пяти лет здание будущего драматического театра Перми возводилось под личным моим контролем.

Новый управляющий трестом «Пермжилстрой» Исаак Ефимович Шихман придавал большое значение строительству драмтеатра. Он лично регулярно проводил на объекте оперативные совещания.

На этих совещаниях нерадивым работникам, несмотря на занимаемые ими должности, доставалось «по полной программе». Случалось, что доставалось и заказчику, если он не мог своевременно решить текущие вопросы и тормозил производство работ.

В цокольной части здания был выполнен большой объем бетонных работ. Это было связано с тем, что на данном уровне располагались все опорные конструкции, необходимые для монтажа оборудования сцены и перекрытий главного зрительного зала.

Как правило, все работы по возведению «коробки» здания театра производились в две, а зачастую и в три смены. Это значительно ускорило сроки строительства.

Кирпичную кладку стен выполняла бригада А. Белоусова. Сложность состояла в том, что одновременно необходимо было

устанавливать мраморные плиты облицовки фасадов здания. С этой задачей трест «Пермжилстрой» справился блестяще.

На строительной площадке установили станки по обработке мрамора, на которых производилась подгонка и подготовка мраморных плиток для облицовки.

Все понимали, какой уникальный объект создается в Прикамье, и поэтому на отделочные работы были направлены лучшие работники СМУ № 6 (начальник В.А. Мачехин) треста. Их возглавили бригадиры В. Иванов, Ф. Зандерсон и прораб Т.Д. Лукиных. Следует отметить, что на этой стройке каждый рабочий понимал, на каком объекте он работает, и поэтому у заказчика практически не было замечаний к качеству выполняемых работ.

Все производственные графики выполнялись в установленные сроки, а общий сетевой график с учетом всех специализированных субподрядных организаций был под постоянным контролем руководства треста.

В период работы субподрядчиков, а это более десяти специализированных организаций, часто выявлялись неувяз-

ки в проекте. Эти проблемы необходимо было срочно решать с проектным институтом, находившимся в Москве.

Мной была разработана и внедрена схема оперативного устранения выявленных неувязок. Вопросы, возникшие по проектной документации на оперативном совещании, немедленно отправлялись телеграммой в Москву в проектный институт. На следующий день первым авиарейсом я вылетал туда, получал исправленную или дополненную документацию и последним авиарейсом возвращался в Пермь.

Таким оперативным способом устранялись неточности и неувязки в проекте.

«Основной неприятностью» было неожиданное изменение материала, применяемого при оформлении главного зрительного зала.

По проекту предполагалось облицевать его стены панелями из карельской березы, пропитанными огнестойкими составами. Но после пожара в гостинице «Россия» Госстрой приказал заменить их на негорючие материалы.

Так в отделке зала появились уральские камни, в том числе и знаменитый змеевик — красивый камень зеленого цвета с серебристыми прожилками.

Специалисты-отделочники справились с этой задачей — зал, стены которого облицевали змеевиком, получился нарядным, неординарным.

Однако при обкатке систем звукового сопровождения было выявлено, что в связи с заменой отделочного материала изменились акустические характеристики зала. Там появились так называемые «глухие» зоны, в которых не было слышно звуков со сцены. Пришлось срочно переделывать акустическую систему — изменять расположение динамиков и их количество.

Особую озабоченность авторов проекта вызывало изготовление шести торшерных светильников главного входа. Они должны были быть вращающимися и соответствовать правилам эксплуатации электроустановок. Эти металлические

конструкции выполнили на одном из промышленных предприятий города в кратчайшие сроки и с отличным качеством.

Первый спектакль в новом здании был дан для строителей, возводивших это знаменательное здание.

За неделю до первого спектакля Пермская телевизионная компания решила «обкатать» передвижную станцию и произвести пробную прямую передачу спектакля из зала нового драмтеатра, но произошло непредвиденное — телесигнал с передвижной станции не достигал пермской телевышки. В чем тут дело, я решил разобраться непосредственно с телевизионщиками на крыше здания.

Действительно, установленная на запроектированную точку передающая антенна не могла «достать» телевышку, так как попала в «радиотень». Пришлось посоветовать работникам телевидения двигать передающую антенну по всей плоскости крыши, пока не поймут ту единственную точку, с которой сигнал пройдет на телебашню. И такая точка была найдена, телепередачи из зала театра не сорвались.

ТЮЗ

После сдачи в эксплуатацию здания Пермского драматического театра необходимо было капитально отремонтировать, а точнее реконструировать здание, где работала ранее драматическая труппа, и разместить там Пермский театр юного зрителя (ТЮЗ), а здание бывшего ТЮЗа, где еще в 50-е годы прошлого века была пересыльная тюрьма, реконструировать для Пермского театра кукол.

Новые владельцы ТЮЗа значительно изменили, упростили планировки фойе, входные апартamentы.

Пришлось сменить отделку зрительного зала, облицовку стен которого выполнили из натурального светлого ракушечника.

Всего за два года УКС сумел организовать реконструкцию двух зданий Пермских театров для детей. Это дало возможность творческим коллективам выполнять свою работу в новых помещениях.

Дворец пионеров

В начале 80-х годов развернулось строительство нового Дворца пионеров на Сибирской улице. Это место было выбра-

но неслучайно. Рядом располагалось здание, в котором проходили переподготовку работники партийных аппаратов и администрации города, функции которого были перенесены в новое построенное здание на улице Куйбышева, а освобожденное должно было войти в состав Дворца пионеров.

При Дворце пионеров между зданием и улицей Газеты «Звезда» предполагалось построить небольшой стадион специально для занятий на нем пионеров.

Мне территория для Дворца казалась недостаточной, но по требованию руководства города к его строительству приступили немедленно. Комплекс, без стадиона, был введен в установленные сроки.

Теперь это здание называется «Дворец юного творчества», и у него так и нет стадиона. На его месте возведены жилые дома.

Дом спорта «Орленок»

Это сооружение привлекало меня своими возможностями развивать в детях способности к зимнему виду спорта, конькам, которыми я начал заниматься еще в далекие предвоенные годы в Ленинграде.

В Перми это было первое сооружение с ледовой ареной и комплексом для занятий спортом.

Строительство шло успешно. Здание почти было готово к вводу в эксплуатацию, оставалось только снести четырехэтажный обветшалый жилой дом, стоявший на перекрестке улиц Революции и Сибирской, который предназначался к сносу.

Я дал команду дом расселить. Команду выполнили в течение месяца, жителей переселили в благоустроенные новые квартиры, а в старых повыбивали стекла и приготовили здание к разрушению и сносу. Экскаватор «Драглайн» с «клин-бабой» должен был подойти через три дня.

Неожиданно меня вызвал председатель Горисполкома Г.С. Калинин и запретил дальнейшее разбирательство пустующего здания.

Оказывается, был звонок из Москвы из Министерства культуры РСФСР, которое потребовало сохранить здание как памятник архитектуры России.

Приказ есть приказ, его необходимо выполнять.

Это здание до настоящего времени выполняет функцию административного здания города.

Театр оперы и балета

Большой заботой УКСа при реконструкции зданий театров Перми была работа по проектированию дополнительного помещения к существующему зданию Пермского оперного театра в конце 80-х годов прошлого века.

Задача была поставлена не из легких. Необходимо было запроектировать и построить дополнительное здание театра, совместить технологию нового шестиэтажного корпуса со старым.

Новое здание театра размещалось с северной стороны существующего вдоль улицы Советской, имело площадь более четырех тысяч квадратных метров и конструктивно вписывалось в ансамбль зданий квартала.

Проект был выполнен пермским институтом «Пермгражданпроект» в тесном сотрудничестве с руководством театра, согласован со всеми службами города, получил одобрение Пермского горисполкома и Пермского облисполкома и был направлен на экспертизу Госстроя России.

При предварительном рассмотрении проекта дополнительного нового здания Пермского театра оперы и балета экспертизой Госстроя решение было принято положительное.

Осуществить это строительство было не суждено — начался 1992 год...

ВОЗВЕДЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПЕРМИ

Возведение новых памятников и реконструкция существующих всегда были на контроле не только руководства УКСа, но и города и области.

Монумент «Героям фронта и тыла»

Идея создания монумента «Героям фронта и тыла» возникла не в одночасье, а после многочисленных дискуссий во многих организациях города. Всем известна та роль, которую сыграли промышленные предприятия Перми в обеспечении фронта необходимыми поставками в годы Великой Отечественной войны, 1941 – 1945 годов.

В это тяжелое для России время практически все промышленные предприятия работали на обеспечение победы, поэтому поставленная задача не была ординарным поручением.

Своевременное создание этого уникального памятника представляло и политическую составляющую.

Заказчиком по проектированию и строительству памятника было определено управление капитального строительства г. Перми, скульптор В.М. Клыков, известный своими работами во многих городах России.

В первую очередь необходимо было определить место расположения монумента. По этому вопросу между руководителями крупных промышленных предприятий разгорелись нешуточные дебаты, каждый хотел иметь это сооружение рядом с проходными своего завода. После представления автором памятника эскизов был собран совет, которому надо было одобрить представленную работу и определить место установки скульптурной композиции.

Идея автора о создании группы в составе рабочего, воина и женщины, олицетворяющей Родину, была одобрена, как говорится, «с первого взгляда», а вот с территориальным размещением были долгие размышления.

В конечном итоге было решено установить памятник на эспланаде, напротив здания Пермского драматического театра. Не обошлось и без курьезов.

Когда решали, в какую сторону должен быть направлен главный фасад памятника, мнения разошлись: кто-то предложил на юг, кто-то на восток, но большинство - на запад, на этом варианте и остановились.

Изготовление скульптур выполнялось в Москве, в мастерской автора. Готовый памятник в мастерской демонтировали на отдельные монтажные элементы. В разобранном виде его автотранспортом доставили на территорию одного из предприятий города, где произвели укрупнительную сборку фигур, а затем каждую фигуру транспортировали на трейлере на строительную площадку в Перми.

Учитывая значительные объемы работ, которые необходимо было выполнить, а также своевременность откры-

тия монумента, руководство Пермского горисполкома поручило мне руководить производством практически всех работ на этом объекте.

К этому моменту строительная площадка была готова к приему конструкции памятника. Для того чтобы начать монтировать скульптурную композицию, предстояло выполнить значительные объемы работ по вертикальной планировке: насыпать искусственный холм высотой до полутора метров, затем выполнить устройство фундамента и полого железобетонного постамента, в котором должны размещаться опорные конструкции, несущие нагрузку и удерживающие скульптуры памятника от опрокидывания при воздействии ветровой нагрузки.

Небольшие проблемы возникли при решении вопроса по окончательной отделке постамента. По проекту его предполагалось облицевать гранитными плитами, которые должен был изготовить наш, пермский цех по обработке гранита.

Гранит должен быть лучшим не только в России, но и в Европе. Он должен был поступать из Северной Ладogi, с острова Сюськюянсааюри, по фондам Главснаба в виде объемных глыб.

Глыбы необходимо было распилить на плиты и обработать до «зеркального» блеска. На эту работу требовалось не менее 7-8 месяцев, а памятник должен был быть открыт через два месяца, к юбилейной дате.

В результате приняли решение: железобетонную часть постаменту оштукатурить «под шубу», с последующей заменой на проектную облицовку, но не ранее чем через год.

Монтаж скульптур поручили выполнять опытным монтажникам Пермского монтажного управления № 1 треста «Уралхиммонтаж».

При монтаже произошла небольшая неувязка - установленный мобильный монтажный кран не мог «дотянуться» по высоте, чтобы смонтировать меч и руку рабочего. Поэтому пришлось срочно выполнить «горку из гравия» высотой более двух метров, на которую «взгромодили» кран, и таким образом вышли из сложного положения.

Группа руководителей, участвовавших в создании памятника.
В центре - скульптор В. М. Клыков. 1985 г.
(Из личного фотоархива автора)

Когда монтировали фигуру «Родина-мать», я обратил внимание на стоящую рядом женщину. Ее лицо было скопировано в бронзе памятника, а одежда была такой же, как на скульптуре. Это оказалась жена главного скульптора, которая послужила «натурщицей» при создании памятника.

К моменту завершения монтажа скульптур, заказчику поставили условие - в нерабочее время памятник должен накрываться полотнищем, закрывающим его от атмосферных осадков и зрителей.

Для решения этого вопроса пришлось подключить специалистов из подразделения пожарной охраны лесов, которые располагали парашютами, и договориться с ними об устройстве полога на всю скульптурную группу. Из трех бывших в употреблении парашютов сшили «балахон», которым накрывали монтируемые скульптуры. Он же послужил и в день торжественного открытия памятника.

Все манипуляции с «балахоном» проводили работники лесной пожарной охраны. Так случилось, что при открытии памятника под действием ветра балахон зацепился за меч, но они мгновенно приняли правильное решение, в результате которого полог «благополучно упал» с постаменту.

Торжественное открытие монумента проходило при громадном скоплении жителей города. Был проведен митинг, парад воинских частей Пермского гарнизона и прохождение колонн демонстрантов - работников оборонных заводов.

Сегодня это излюбленное место отдыха жителей и гостей Перми, место памяти о тех, кто в суровые военные годы, недосыпая и недоедая, ковал оружие победы для фронта.

Участники «эпопеи» водружения на Пермской земле этого величественного монумента в честь тружеников тыла, имена которых не сохранены, гордимся тем, что принимали активное участие в его сооружении.

Пусть пройдут многие десятилетия, но бронзовый воин, рабочий тыла и Родина-мать будут стоять вечно.

Памятник «Уральскому добровольческому танковому корпусу»

Решение о выполнении реконструкции памятника «Уральскому добровольческому танковому корпусу» было принято руководством города ранней весной. За летний период был выполнен проект и макет будущей стелы, на которой предполагалось изобразить эпизоды и боев танкового корпуса.

К тому времени стела памятника, выполненная из железобетонных конструкций и оштукатуренная, начала терять первоначальный вид, кроме того необходимо было установить «вечный огонь» и стенд памяти павшим бойцам, который должны были выполнить «на месте» архитекторы города.

Реконструкция памятника «Уральскому добровольческому танковому корпусу», начатая поздней осенью, протекала в зимний период года. Для того чтобы выполнить барельефную часть памятника, я распорядился построить временный «тепляк», в котором архитекторы и скульпторы выполняли свою работу. Реконструкция памятника была завершена досрочно и с хорошим качеством работ.

Бюст «Вождю революции»

Установка бюста «вождю революции» на подготовленный, у Дворца культуры завода им. Ленина пьедестал вызвала «переполох» у жителей города.

Когда дело дошло до монтажа бюста на пьедестал, оказалось, что скульптор не предусмотрел монтажной петли для его водружения на высоту пяти метров. С моего согласия пришлось использовать монтажную «шлею-стропу», которую накинули на шею бюста, и в таком положении гранитный памятник был поднят и водружен на пьедестал.

Эту работу выполняли ранним летним утром, в шесть часов, а уже в девять часов мне, в кабинет главного инженера УКСа, позвонили из компетентных органов и спросили, на каком основании у Дворца им. Ленина сегодня утром - был повешен «вождь революции», «повешивание» видели местные жители. Пришлось объяснять причины такого монтажа.

Как говорится, комментарии тут излишни.

Памятник «Скорбящая»

Когда возникла идея создания памятника-мемориала воинам, скончавшимся в пермских госпиталях в период Великой Отечественной войны и захороненных на Пермской земле, на кладбище в районе улицы Тихой УКСу поручили выступить заказчиком по его созданию.

Автором памятника был архитектор М.И. Футлик, скульптором — Ю.Ф. Екубенко. Для организации строительной площадки, необходимой для возведения комплекса мемориала, потребовалось снести несколько жилых домов и построить дамбу через овраг и ручей, протекающий по дну оврага.

Эти работы несколько отставали от намеченного графика, поэтому руководство города решило открытие мемориала произвести с организации подхода со стороны глав-

ного входа на кладбище, а дамбу соорудить несколько позднее.

После освобождения строительной площадки от существующих строений дамбу возвели быстро, насыпав ее тело из камской смеси. Еще год ушел на создание памятных знаков, расположенных на дамбе, и благоустройство территории мемориала.

Позднее на Северной транспортной дамбе во время весеннего паводка произошел затор из снега и льда на водопропускном сооружении, в результате чего возникло небольшое водохранилище, которое

затопило на несколько метров подходную дамбу к памятнику «Скорбящая». В результате тело дамбы, выполненное из камской смеси, напиталось водой, и произошло непредвиденное.

После прочистки водопропускного сооружения и быстрого сброса воды из стихийно создавшегося водохранилища подходная дамба, как говорят, «поплыла», ее откосы из камской смеси не выдержали быстрого осушения и стали самоуполаживаться, что в свою очередь привело к некоторой деформации размещенных на дамбе архитектурных форм.

В настоящее время подходная дамба восстановлена и доступна для граждан города.

СТРОИТЕЛЬСТВО АТС

С приходом на работу в УКС Пермского горисполкома я ощутил острую необходимость иметь дома телефон городской связи. К этому были весомые доводы: связь с родителями-пенсионерами, с супругой, которая была акушер-гинекологом и работала в родильном доме Свердловского района в ночные смены.

Обстановка в городе с развитием городских АТС была, мягко говоря, плачевная.

Действовала только одна городская небольшая АТС на улице Юрия Смирнова, в других районах — только ведомственные телефонные подстанции.

Первая городская станция АТС была построена мной по просьбе начальника городского управления связи Н. Львова.

Здание АТС в микрорайоне Балатово

Эта станция разместилась на улице Танкистов. Строительство ее взял на себя УКС, а вот оборудование и устройство уличных коммуникаций осталось за Министерством связи.

Здание АТС в Свердловском районе

Второй станцией была очень значимая для Перми АТС по улице Куйбышева, которая должна была дать вторую жизнь телефонной связи города.

Строительство АТС прошло не гладко. Построенная на отрогах засыпанного оврага, она не имела своего выхода в систему канализации в городскую сеть, а подключалась к сети, запроектированной для своих домов заводом им. Свердлова, но не построенной.

Решая этот вопрос, мне пришлось подключать для ее строительства не только руководство завода, но и районные и городские организации.

Благодаря их взаимодействию канализационная сеть была заводом построена, и АТС введена в эксплуатацию.

Здание АТС в микрорайоне Парковый

Завершение застройки нового микрорайона Парковый, в котором уже проживало более семидесяти тысяч жителей, потребовало срочного решения по строительству городской АТС. Я это четко понимал, и поэтому на улице Зои Космодемьянской была построена АТС, одна из крупнейших в городе.

ДОМА ДЛЯ НОВОЙ ЖИЗНИ

50-е и 60-е годы

Во время Великой Отечественной войны большое число людей было эвакуировано в Пермь из районов военных действий.

Многие из них работали на промышленных предприятиях города. Жили эвакуированные, как правило, в малопригодном жилье: бараках, коммуналках, даже были землянки.

После окончания войны они начали разъезжаться по родным местам, и перед многими предприятиями города возникла проблема сохранения рабочих кадров. Чтобы не терять квалифицированных работников, руководители начали создавать для них нормальные жилищные условия.

В начале 60-х годов началось интенсивное жилищное строительство, в основном на свободных территориях.

Я в начале 60-х был прорабом и застраивал Новые Ляды, поэтому в стройке города еще не участвовал, а был свидетелем.

Первым значимым жилым микрорайоном в Мотовили-

хе были Городские Горки, бывший аэродром малой авиации, располагавшийся между улицей Технической с восточной стороны и склонами речки Егошиха с западной.

Аэровокзал барачного типа находился, где в настоящее время проходит улица Ким. С границы этой улицы взлетали самолеты. Далее до границ безымянной речки и Южного кладбища стояли заросшие травой пустыри и поля, на которых жители города высаживали картофель.

Все жилые дома возводились из кирпича не выше пяти этажей, так как лифтов еще для жилых домов в достаточном количестве промышленность не выпускала.

Первые девятиэтажные дома были построены на улице Лумумбы. При их строительстве не обошлось без интригующей ситуации. Когда «коробки» зданий были возведены, субподрядчики начали выполнять строительство инженерных коммуникаций и выяснили, что все здания развернуты с ошибкой на сто восемьдесят градусов.

По проекту и генплану подъезды домов должны были выходить на улицу Лумумбы, а построили наоборот — подъезды выходят в дворовую часть.

Пришлось проектному институту срочно перерабатывать проекты, вносить корректировку в расположение квартир и менять вводы инженерных систем.

Следующим районом для жилой пятиэтажной застройки стал микрорайон Николая Островского, на территории которого были ранее еще до революции построены одноэтажные дома с большими усадьбами.

Микрорайоны Нагорный и Данилиха

Город вступал в «эпоху» сноса аварийного жилья построенного в годы ВОВ. Требовалось выполнять строительство жилых домов на территориях, не имеющих каких-либо строений, на так называемых «свободных» городских территориях.

Одной из них была пустошь, которую решено было застроить на юго-западе города. Она располагалась на взгорье рядом с аэродромом и аэровокзалом малой авиации, хорошо просматривалась с существующего верха водонапорной башни.

Мне очень понравилась планировка микрорайона, которая четко делилась на кварталы, в каждом квартале — детский сад, в трех — средняя школа. Строительство жилья вел созданный трест КПД пятиэтажными панельными домами.

Инженерное обеспечение выполнял трест «Спецстрой» по ранее разработанной программе, что обеспечивало своевременный ввод объектов в эксплуатацию.

Кирпичные дома выполнялись только в том случае, если на первых этажах необходимо было разместить магазины или домоуправления.

Микрорайон Парковый

Шла середина 70-х годов.

Заканчивалась застройка на свободных территориях микрорайона Бахаревка, и необходимо было задумываться о новой перспективной площадке, как тогда говорили, для «массовой застройки».

Подвернулся случай, назревали очередные выборы в правительство и местные органы власти. Предвыборное собрание в жилом районе Шпальный проходило очень бурно, жители поселка жаловались на невозможность проживания при соседстве со шпалопропиточным предприятием железной дороги.

Действительно, даже на расстоянии трехсот метров от этого предприятия невозможно было свободно дышать из-за насыщенности воздуха парами креозота.

Особенно эти запахи усиливались в жаркую погоду, и ими были пропитаны все близь расположенные жилые кварталы. Обсудив на заседании Горисполкома создавшуюся ситуацию, было принято решение о переносе шпалопропи-

точного предприятия за черту города, а вместо одноэтажной, в основном частной застройки, возвести современный микрорайон вместимостью, по предварительным расчетам, до семисот тысяч квадратных метров.

В ту пору набирал мощности трест крупнопанельного домостроения (КПД), впоследствии переименованный в ППСО (Пермское производственное строительное объединение). На его продукцию и был рассчитан новый микрорайон. Заказчиком было определено Управление капитального строительства Пермского горисполкома, выступавшего единым заказчиком по застройке города.

Название этому новому микрорайону комплексной застройки было присвоено «Парковый». Генеральным проектировщиком «Пермгражданпроектом» был составлен и утвержден план детальной планировки, и с этого момента практически начались работы по освоению строительной площадки нового микрорайона.

Проектные работы выполняла мастерская № 4, возглавляемая В.А. Вотиновой и главным инженером мастерской Ю.А. Чадовым. В первую очередь, пока выполнялись изыскательские и проектные работы, необходимо было обеспечить будущий микрорайон магистральными сетями водоснабжения, канализации и теплоснабжения.

Если с точками подключения по водоснабжению и канализации было все более или менее ясно, то с подачей тепла стояли большие проблемы. Теплотрассу необходимо было проложить от шоссе Космонавтов и Нестюковского тракта, а это несколько километров магистральных труб большого диаметра.

Для отведения фекальных стоков было начато строительство канализационной насосной станции перекачки и напорного коллектора, так как микрорайон находится на отметках, не позволяющих строительство магистральной самотечной линии водоотведения.

Строительство магистральных сетей осложнялось тем, что они прокладывались по территориям, где стояли част-

ные дома. Всего в микрорайоне Парковом было снесено более восьмисот частных и ветхих домов.

Первый девятиэтажный панельный дом был построен рядом с перекрестком улицы Зои Космодемьянской и проспекта Паркового. Он выглядел гигантом среди одноэтажных деревянных домиков.

Сложность освоения этой территории состояла в том, что она была почти везде заболочена, так как когда-то являлась руслом доисторической реки. Грунтовые воды местами стояли буквально в полуметре от дневной поверхности, и основной проезжей транспортной магистралью служила улица Водопроводная, по которой в дореволюционные годы был уложен водопровод и выполнена значительная подсыпка территории для проезда к насосной станции, подающей воду из речки Мулянка на станцию «Пермь-2».

В настоящее время, после строительства инженерных коммуникаций, грунтовые воды опустились, а территория микрорайона несколько «обсохла».

Практически по этой же улице начиналось его освоение. Одновременно начато было строительство улицы Подлесной, которая берет начало от шоссе Космонавтов и проходит вдоль юго-западной границы микрорайона.

Первоначально предполагалось, что транспортная схема нового микрорайона будет представлена в основном автобусным сообщением и частично трамвайным, проходившим вдоль улицы Строителей.

При этом проспект Парковый должен был завершиться на перекрестке у ДК Железнодорожников, но он из-за необходимости сноса существующего жилья до настоящего времени не достроен.

В первые годы существования нового микрорайона выявили необходимость строительства троллейбусной линии.

Сначала планировалось пустить троллейбус вокруг микрорайона по улице Подлесной и проспекту Парковому, а затем было принято решение о строительстве троллейбусной линии по трассе, которая существует сейчас.

Застройка микрорайона велась комплексно — построены детские сады, поликлиника, школа, магазины, аптеки, отведено было и «пятно» под кинотеатр, построена пожарная часть и районная телефонная станция на десять тысяч номеров, предполагалось возвести здание «Дом быта».

Сегодня жилой микрорайон Парковый — один из современных «спальных» районов города. Построенный по единой планировке, он вобрал в себя лучшее, что мы имели в градостроительстве в 70-х — начале 80-х годов прошлого века.

Рядом с новым микрорайоном расположен массив Черняевского леса, который удалось сохранить как зону отдыха и прогулок жителей Паркового, и в этом заслуга городской и районной администраций

Микрорайон Садовый

Руководство завода им. Ленина построило на пустоши, которая в народе называлась «Коноваловские пашни», поселок индивидуальных домов и продало их в рассрочку на 10 лет работникам, пожелавшим остаться в нашем городе на постоянное жительство.

Название «Коноваловские пашни» возникло в связи с тем, что в дореволюционные годы на этой пустоши было небольшое поселение. Его жители занимались забоем скота и звались «коновалами», а деревенька — «Коноваловские пашни», так как имела пахотные земли.

Дома в поселке возводились по типовым проектам из шлакоблоков. Жилая площадь квартир составляла порядка пятидесяти квадратных метров, отопление было печным, а «благоустройство» — во дворе. На каждый дом отводилось от шести до восьми соток земли для создания приусадебного хозяйства. Необходимо отметить, что по тем временам это был очень престижный поселок.

Так как в нем было немало выходцев из Центральной России, они не ограничивались посадкой на своих участках только картофеля и овощей, а сажали также яблони, вишни и даже были попытки вырастить груши и сливы. Со временем вся территория «Коноваловских пашен» покрылась яблонями, вишнями, а пологие склоны долины речки Ивы — мичуринскими садами.

В начале 80-х годов прошлого века перед руководством города встала серьезная задача по выбору места для размещения очередного жилого микрорайона массовой застройки и создания фронта работ жилищным трестом «Главзападуралстроя», который к тому времени практически завершал застройку микрорайона Данилиха.

В те годы молодежь неохотно селилась в частные дома, предпочитая получить благоустроенное жилье от предприятий. Так опрос населения поселка «Коноваловские пашни» выявил, что до семидесяти процентов его жителей стремится к благоустроенному жилью вместо домов, в которых не было канализации. Воду брали из уличных колонок, а обогревались печами. Тем более стоимость сносимых домов и садовых посадок оплачивалась.

В результате приняли решение о сносе «Коноваловских пашен» и строительстве на этом месте нового благоустроенного микрорайона с названием «Садовый». Заказчиком по его комплексной застройке выступило Управление капитального строительства Пермского горисполкома. Генеральным подрядчиком являлся трест ППСО, а генеральным проектировщиком — институт «Пермгражданпроект».

Сроки изыскательских работ были сжатыми, и для ускорения пригласили четыре пермских института, которые могли выполнять изыскания для строительства. С этой задачей институты справились своевременно, и головной проектный институт «Пермгражданпроект» начал работы по разработке детальной планировки и рабочих чертежей нового микрорайона в установленные сроки.

К сожалению, архитектура тех лет предлагала только типовые проекты, особенно это касалось крупнопанельных домов, поэтому они не отличались разнообразием, а больше напоминали «близнецов».

Для ускорения сноса ветхих частных домов в одном случае пришлось прибегнуть к помощи «огнеборцев», то есть пожарных. Небольшой квартал ветхих домов был расселен и сдан для сноса. Затем пригласили руководителей пожарной команды города, перед которыми поставили задачу за двое суток сжечь сносимые дома без ущерба для окружающей среды. Эта работа была выполнена пожарными «на отлично».

В результате строительная площадка под очередной дом была сдана тресту ППСО своевременно.

Необходимо отметить, что первый девятиэтажный панельный дом был построен уже через год после того, как начали снос первых мичуринских садов.

Кроме того что быстрыми темпами велось строительство жилых домов, создавалась инженерная инфраструктура

тура микрорайона, возводились объекты социального назначения, прокладывались дороги, велись работы по благоустройству территории.

Создание инженерной инфраструктуры было одной из первоочередных задач при застройке микрорайона. Его территориальное расположение позволяло получить теплоноситель от единой городской тепловой системы и строящейся вблизи деревни Старехиновой ТЭЦ, а также воду из проходящих рядом магистральных водоводов от Чусовских водозаборных сооружений.

Система канализации должна была включать в себя не только самотечный коллектор микрорайона, но и канализационную насосную станцию перекачки (КНС) и напорный самотечный трубопровод, конечная точка подключения которого в единую систему канализации города была определена в районе цирка.

Транспортная схема пассажирского сообщения в микрорайон Садовый до настоящего времени не выполнена.

Трамвайные пути предполагалось проложить по улице Макаренко и далее по улице Уинской с разворотным кольцом на месте существовавшего мини-рынка.

Но для того, чтобы начать работы по устройству трамвайного полотна, необходимо было соорудить дамбу с широкой проезжей частью вместо существующего узкого моста через безымянную речку на улице Уинской. Эти работы затянулись до 1992 года, а затем идея прокладки трамвайного полотна в микрорайон «заглохла».

Троллейбусный маршрут должен был проходить по улице Юрша от бульвара Гагарина. Но так как проезжая часть улицы в 1992 году еще только строилась, троллейбусную линию намечали к строительству в 1994 – 1995 годах, тем более что к моменту пуска троллейбусов необходимо было ввести в эксплуатацию тяговую трансформаторную подстанцию, обеспечивающую подачу электроэнергии на контактную сеть.

Сегодня в микрорайоне построены три запланированные школы и детские сады, а вот с поликлиниками не повезло. Поликлиники, детскую и взрослую, намечалось разместить на первом этаже жилого дома по улице Уинской, но кто-то умудрился отдать эти строительные площадки для использования по другому назначению. Теперь поликлиники строятся по другим адресам.

В микрорайоне была построена телефонная станция, начато возведение здания универсального магазина.

В 90-х годах прошлого века комплексная застройка микрорайона емкостью почти девятьсот тысяч квадратных метров жилья была практически завершена.

Сейчас в микрорайоне Садовый продолжают возводить современные жилые дома, торговые и офисные здания. Наряду с другими «спальными» микрорайонами он пользуется успехом и востребован у горожан краевого центра.

Застройка улицы Петропавловской от улицы Крисанова до улицы Попова

Слудская горка всегда обращала внимание жителей Перми на своеобразность застройки склона одноэтажными домами с огородами и выносными туалетами во дворах, которые просматривались с главной улицы города.

После завершения строительства нового здания Пермского драмтеатра склон стали приводить в порядок и для начала снесли все жилые дома от улицы Петропавловской до улицы Советской и от улицы Крисанова до улицы Попова.

Затем на вершине склона возвели четыре девятиэтажных панельных дома, которые начали создавать архитектурный ансамбль в центре.

Для завершения архитектурного ансамбля построили пять двенадцатиэтажных кирпичных домов с размещенными в цокольных этажах магазинами.

В дальнейшем этот склон должен был пополниться целым рядом магазинов и четырьмя зданиями высотой более двадцати этажей, но вмещалось время. К 1992 году была выполнена разработка ТЭО. Дальнейшие работы были остановлены.

Для меня район этого строительства был характерен тем, что за его созданием наблюдали многие из руководства города и области, предполагая получить там благоустроенные квартиры в кирпичных домах.

Четыре дома на Попова

Дальнейшее развитие центра Перми было приурочено к строительству первых «высоток» города. Так назывались четыре шестнадцатиэтажных дома со встроенными на первых этажах двухэтажными магазинами и располагавшимися на последних этажах своеобразными рекреациями для размещения различного рода художественных мастерских.

Каждое строительство новых серий жилых домов было для меня настоящим праздником. Эти «высотки» были подарком для центральной части города, о них говорили на всех городских архитектурных совещаниях.

Дома на улице Волгодонская

Кировский район в начале 70-х годов не имел возможности возводить жилые дома на свободных территориях, поэтому строительство домов для жилищно-строительных кооперативов было в основном развернуто на левом берегу Камы.

Такая постановка вопроса очень затронула руководство Кировского района, и оно обратилось в УКС с просьбой построить для врачей и учителей пару домов ЖСК на поляне среди лесного массива в микрорайоне Нижняя Курья.

Руководитель района лично показал мне выбранную поляну размером до трех гектар, на которой возможно было построить пару кварталов пятиэтажных домов.

Мне поляна понравилась, и я заказал проектному институту «Пермгражданпроект» разработку ТЭО этого района.

Разработанное ТЭО было согласовано с руководством города и принято к исполнению.

Руководство района очень активно помогало мне в строительстве первых домов ЖСК и прокладки улицы Адмирала Ушакова, которая напрямую соединила центральную часть Кировского района автомагистралями, идущими в центр города.

БЛАГОУСТРОЙСТВО И СТРОИТЕЛЬСТВО АВТОМАГИСТРАЛЕЙ

Каждый город должен иметь собственную главную улицу и главную площадь — это закон, пришедший к нам из далекого прошлого.

В Перми главными были улица имени Ленина и Комсомольский проспект (бывшая улица Кунгурская), а главной площадью после переноса сеного базара и строительства на ее месте здания Пермского политехнического института стала Октябрьская площадь.

Первое задание, которое я получил по благоустройству города, — постройка гранитно-мраморных трибун на Октябрьской площади, необходимых для проведения праздничных демонстраций трудящихся (трибуны демонтированы после 1992 года).

Они были миниатюрной копией трибун на Красной площади в Москве, за исключением дополнительных по-

мещений, которые располагались под трибунами и служили местом отдыха руководителей приглашенных для проведения демонстраций.

Второе задание было связано с реконструкцией Комсомольской площади и созданием площади у построенного здания «Галургия» на Сибирской улице.

Реконструкция Комсомольской площади заняла не много средств и времени, а вот с организацией площади у «Галургии» мне пришлось повозиться по самой простой причине. На этой территории проходили важные инженерные коммуникации и трамвайные пути, для обеспечения сохранности которых пришлось частично изменять конфигурацию площади и примыкающих улиц.

Первая автотрасса Пермский ипподром — аэропорт «Большое Савино»

С вводом в эксплуатацию пермского аэропорта «Большое Савино» передо мной была поставлена срочная работа — выполнить автостраду, которая начиналась у пермского ипподрома и заканчивалась в новом аэропорту.

Трасса пролежала в основном по незастроенным территориям и выполнялась в установленные сроки, за исключением прохода ее через территорию Пермского районного поселения, где необходимо было построить новый мост через реку Мулянка, перенести на новое место два цеха местной промышленности и снести несколько частных домов с огородами.

Перекресток улицы Оверятская и шоссе Космонавтов назывался в народе «Рангуловский перекресток» по фамилии работника ГАИ Рангулова, который работал там значительное время.

Эта работа затянулась, поэтому я организовал временное движение по существующему мосту, движение по которому лично контролировал Рангулов.

В целом ввод в эксплуатацию новой автотрассы прошел успешно, если не считать изменений в подходе к мосту через Мулянку со стороны города из-за необходимого сноса десятка жилых домов, снос которых руководство Пермского района категорически запретило.

Строительство магистрали непрерывного движения

На строительство магистрали непрерывного движения (МНД) предполагалось отвести десять – пятнадцать лет. Главным его инициатором был заместитель председателя Пермского горисполкома В. Бушмакин.

Магистраль начиналась у станции «Пермь – 2» и располагалась по бровке речки Данилиха с выходом на территорию Центрального колхозного рынка, затем по улице Революции до улицы Макаренко на Городских Горках.

Далее трасса протяженностью более семи километров проходила по густо застроенным территориям микрорайонов Поваренный лог, Висим – 2 и Пихтовая стрелка, Запруд, Гарцы на которых необходимо было снести около четырех тысяч частных домов с огородами.

Этот участок МНД от улицы Макаренко до улицы Пороховая (микрорайон Гарцы) руководство города отнесло «на потом», а в первую очередь определили стройку от отворота в микрорайоне Левшино, через микрорайоны Домостроительный, Фрунзе, Январский, Камский, Кислотные дачи и Чапаева до улицы Пороховая в микрорайоне Вышка – 2 протяженностью более десяти километров.

Передо мной стояла сложная задача контролировать выполнение работ на участке от улицы Пороховая до Лев-

шино и одновременно работать по строительству участка МНД по улице Революции от Комсомольского проспекта до улицы Макаренко, который был готов к строительству от улицы Сибирской до Комсомольского проспекта.

К этому времени был построен и готовился к вводу в эксплуатацию «Ледяной дворец», теперь «Орленок», а на углу улиц Сибирской и Революции возвышается бывший жилой дом, перегородивший проезжую часть МНД.

Остальная улица Революции от улицы Сибирской до Компроса очищена от строений стадиона и парка имени Горького. Стоящее сейчас ограждение парка на Комсомольском проспекте осталось как памятник бывшей его территории.

Возможно, в ближайшие годы руководство города найдет выход из создавшегося положения и продлит улицу Революции в двух полосном варианте до улицы Куйбышева, разгрузив от транспорта перегруженные улицы Екатерининскую и Луначарского.

Строительство Южной дамбы

Строительство Северной дамбы, которая соединяет транспортные потоки Ленинского и Мотовилихинского районов, было выполнено в 60-е годы прошлого века вместо пешеходно-транспортного моста, построенного еще в начале 30-х годов.

Поэтому связь между центром города и застраиваемыми Городскими Горками срочно нуждалась в современном дополнительном транспортном переходе через пойму речки Егошиха.

Существующий мостик через нее у въезда на Южное кладбище выполнял свою функцию только для движения гужевого и пешеходного сообщения и похоронных процессов, поэтому развитие Южной дамбы и превращение ее в одну из магистралей города, было производственной необходимостью в транспортном развитии города.

Проектирование дамбы поручили институту «Пермгражданпроект», который с таким объектом встретился впервые, поэтому мне пришлось не только выступить заказчиком, но и практически консультировать проектировщиков по разработке рабочей документации.

Сложность проектирования была еще в том, что в то время еще не была четко определена геологическая и гидро-геологическая ситуация в этом районе. Это привело к тому, что при разработке выемки грунта со стороны Городских Горок был обнаружен водоносный горизонт, который имел зону разгрузки под будущим полотном автотрассы.

Проектировщики растерялись и предложили трассу дамбы перенести севернее, но я настоял и выполнил эскиз, схему водоотвода грунтовых вод, методом кооптажа.

Институт согласился, кооптаж был сделан со сбросом воды в речку Егошиху. Южная дамба возведена из горного гравия, который прочно закрепил водоносный горизонт.

Позднее по Южной дамбе были запущены троллейбусы, что значительно улучшило движение пассажиропотоков города.

Автострады восточного обхода Перми

В середине 70-х годов прошлого века большой проблемой стала выступать загруженность дорог Кировского района города транзитными автомашинами, которые буквально заполняли район в час пик и рабочие дни недели.

Инспекторы ГАИ еле справлялись с возрастающим потоком транспорта в микрорайонах Акулова, Закамск, Октябрьский и других.

Требовалось принимать срочное решение о создании новой транспортной магистрали, которая могла бы разгрузить от автотранспорта жилые территории Кировского района.

Инициатором по решению возникшего вопроса стал заместитель председателя пермского горисполкома

А.И. Лукьянченко, который взял себе в помощники меня, как главного инженера УКСа.

Вдвоем мы согласовали трассы будущих обходных автомагистралей с проектным институтом, договорились с пермским леспрохозом об отводе земли под будущую дорогу и согласовали вопрос с Совмином РФ.

Первый этап трассы северного обхода Кировского района начинался в Сосновом бору на перекрестке улицы Спешилова и дороги Дружбы и заканчивался на перекрестке улиц Калинина и Светлогорская. Его протяженность составляла около десяти километров.

Второй этап трассы протяженностью около пятнадцати километров начинался с перекрестка улиц Калинина и Светлогорской в сторону Краснокамска и заканчивался у моста через речку Ласьва.

В первый год стройка оказалась без титула, так как плановики предусмотрели финансирование только на следующий год.

Руководители города ждать целый год не могли и объявили «учения гражданской обороны». С предприятий города собрали необходимое количество тракторов-тралевочников, бульдозеров и рабочих, умеющих валить лес.

Просека для трассы была шириной до восьмидесяти метров и пролегла по настоящей Приуральской тайге.

Созданный коллектив был подчинен городскому комитету по гражданской обороне с привлеченными специалистами-дорожниками, который и провел эти своеобразные «учения». В течение двух месяцев лес на трассе был вырублен и вывезен, пеньки раскорчеваны и сожжены, земляное полотно будущей трассы «вчерное» отсыпано и уплотнено.

Осталось выполнить дорожное покрытие и оформить дорожные знаки. Для финансирования этих основных работ по строительству объездной автомагистрали необходимо было получить в Госплане титул Совмина РФ.

Решением этого вопроса занялся лично председатель Пермского горисполкома Г.С. Калинин. Мы с ним дважды летали в командировку в Москву в Совмин и Госплан, титул был подписан.

Ранней весной работы на стройке первого этапа начались, и уже к осени все они были завершены. Осталось только выполнить проверку инспектором ГАИ майором В.Миковым, который очень внимательно всегда осматривал предъявляемые к сдаче транспортные объекты.

В Сосновом бору я встретил майора и посадил его рядом с шофером. Автомашина была УАЗ — «буханка». Майор тут же спросил, имеется ли в машине стакан воды. Я подал ему стакан и бутылку с водой. Майор поставил стакан, наполненный наполовину, на капот двигателя машины и сообщил: «Если вода выплеснется при движении по трассе, оценка качества работ по ее строительству будет в зависимости от количества пролитой воды».

Машина двинулась на расчетной скорости. В конце трассы из стакана не было пролито ни капли — оценка «отлично».

Так был введен в эксплуатацию первый этап объездной трассы в Кировский район.

Строительство второго этапа продлилось несколько дольше, так как трасса проходила по сложной местности, и земляные работы выполнялись почти два года.

В конечном итоге УКС справился с поставленной задачей, и город получил неплохую объездную дорогу вокруг жилых микрорайонов в направлении Ижевска и Москвы. Она впоследствии неоднократно расширялась и реконструировалась.

ПРОВЕДЕНИЕ СИСТЕМЫ ВОДООТВЕДЕНИЯ

Город Пермь уникален по своему расположению вдоль берегов Камы, Воткинского водохранилища и выше по берегам Камского моря. Его протяженность составляет семьдесят восемь километров, ровно столько же имеет река Нева от Ладожского озера до Балтики.

Поэтому системы водоснабжения и водоотведения (канализации) всегда были для руководства города на первом месте.

В 40-х – 50-х годах прошлого века система обеспечения водой населения города строилась по схеме: каждый пермский завод имел собственную насосную станцию на Каме, с которой вода поступала в цеха предприятия и жилой поселок, расположенный рядом с предприятием. Стоки шли в простенькие очистные сооружения.

Так воду на завод Свердлова подавали с насосной станции в водонапорную башню, находившуюся рядом с проходными завода, и этого было вполне достаточно для производства.

В центральную часть города вода поступала с Большекамского водозабора, расположенного на Городских Горках.

По системе трубопроводов вода поступала на водоразборные узлы, которые размещались, как правило, на перекрестках улиц в деревянных будках. В этих будках, оборудованных для проживания, жила семья, дежурившая круглосуточно по разливу воды населению.

В конце 50-х годов начато строительство единой системы водоотведения левобережной части Перми.

Эта система предусматривала строительство Главного (первого) самотечного канализационного коллектора левого берега, от железнодорожного моста через Каму до Голованово протяженностью почти сорок километров и несколькими станциями перекачки — КНС (канализационные насосные станции).

Стоки Главного канализационного коллектора поступали на вновь построенные очистные сооружения у железнодорожного моста через Каму, и после прохождения первичной очистки стоки сбрасывались в русло реки.

Такая система проработала до начала 70-х годов. Потом ее заменили на новую построенную систему в конце 60-х, которая наименовалась «Первая очередь очистки канализационных стоков города Пермь».

В состав этой системы вошли очистные сооружения биологической очистки стоков, расположенных около деревни Гляденово, Главная насосная станция № 5, напорные коллектора от ГНС-5 до очистных сооружений протяженностью более четырнадцать километров.

Особое внимание я уделял вводу в эксплуатацию Гляденовских очистных сооружений, так как для их функционирования требовались бактерии, которые необходимо было получить из Прибалтики с доставкой специальным рейсом самолета.

Первый рейс был принят своевременно, а вот второй прошел с задержкой прилета по погодным условиям. К радости коллектива очистных сооружений все обошлось благополучно, и специальные сооружения, называемые «аэротенками», в которые выпустили бактерии, заработали в рабочем режиме.

Несколько сложнее прошло подключение к станции биологической очистки стоков (БОС) с правобережного коллектора.

Подключение состоялось устройством дюкера через водный объем Воткинского водохранилища и канализационной насосной станции на правом берегу Камы в Кировском районе города.

Работа водолазов для сооружения дюкера и рассеивающего выпуска очищенных сточных вод в Воткинское водохранилище была специфической, по устройству гидротехнических сооружений, и поэтому как инженер гидротехник

я лично проверял выполненные работы и давал оценку их состояния.

Готовили траншеи для дюкера, состоявшего из двух ниток стальных трубопроводов соответствующих диаметров. Водолазы промыли под водой траншеи, а затем монтажники погрузили в них трубопроводы с грузами и заполнили их водой, чтобы они не всплыли, после этого подводные траншеи были засыпаны камской смесью.

Сброс очищенных стоков с БОС произведен на «поля отстоя», а затем на рассеивающий выпуск в Воткинское водохранилище на расстоянии триста метров от береговой черты.

Рассеивающий выпуск стоков — уникальное гидротехническое сооружение, состоящее из подводной дамбы, выполненной на расчетной глубине Воткинского водохранилища с условием, что уровень воды над дамбой никогда не будет менее трех метров. На дамбу уложены стальные трубы, по которым текут очищенные и отстоявшиеся в отстойных прудах БОС городские стоки.

В конце рассеивающего выпуска уложены перфорированные стальные трубы расчетного сечения, через отверстия которых стоки изливаются в Воткинское водохранилище.

В начале 70-х годов первоначально объем сбрасываемых стоков был определен не более ста пятидесяти, затем двухсот пятидесяти тысяч кубометров в сутки, но за последующие годы стал увеличиваться.

Правительством России в 1983 году было принято решение о разработке ТЭО системы канализации города второй очереди.

В состав второй очереди развития системы водоотведения (канализации) Перми вошли объекты:

- БОС с доведением ее мощности до трехсот пятидесяти тысяч кубометров очистки стоков в сутки;

- строительство нового самотечного Главного разгрузочного коллектора (ГРК) — семь с половиной километров, с внутренним диаметром в два с половиной метра, выполняемого методом горной щитовой проходки;

- система двух напорных трубопроводов по четырнадцать километров каждый от РНС-3 до БОС;

- районная канализационная насосная станция перекачки — РНС-3.

В 1985 году проект и рабочие чертежи второй очереди развития системы канализации Перми были утверждены Совмином РФ.

В 1986-м УКС Пермского горисполкома как заказчик приступил к их строительству.

После проходки первых трехсот метров ГРК проходческий щит на глубине двадцати шести метров был остановлен из-за интенсивного поступления воды в зону его работы.

Пришлось срочно выяснять причину. При детальном обследовании оказалось, что вода поступает из сильно обводненного горного водоносного горизонта, древнейшего русла реки, возможно, Камы.

Мне пришлось оказывать помощь исполнителю работ подразделению «Шахтоспецстрою» в установке дополнительных насосов для откачки подземной воды и осушения зоны движения проходческого щита.

Строительство ГРК продолжилось. Когда проходческим щитом стали доходить до перекрестка улицы Малкова и шоссе Космонавтов, необходимо было выполнить технологическую шахту, в которой ГРК делает поворот на десяток градусов.

Когда начали выполнять шахту в двадцати метрах от жилого дома, на глубине пятнадцати метров вскрыли подземный горизонт с так называемым «пльвуном». Это оказалась подземная линза с мелкозернистым песком, сильно насыщенная водой.

Я сразу понял опасность для жилого дома и приказал работы прекратить, готовый ствол шахты засыпать, а точ-

ку создания шахты перенести от улицы Малкова на сорок метров западнее. Проектный институт согласовал принятые мной изменения в трассе ГРК безоговорочно.

Работы стали продвигаться вдоль шоссе Космонавтов в расчетном режиме до района перекрестка с улицей Мильчаковой, где встретились с поймой речки Данилиха.

На этом участке трасы ГРК снова встретились сильно обводненные горные песчаные породы, которые пришлось проходить проходческим щитом с устройством специального защитного подземного барьера, чтобы не нарушить грунтовое основание и фундамент жилых домов.

Проход ГРК под трамвайными путями по улице Столбовая и перекресткам улицы Мильчакова и шоссе Космонавтов состоялся весной 1992 года.

В это время я уже достиг пенсионного возраста и должен был покинуть должность главного инженера УКСа, таковы были правила работы в органах местных Советов.

Строительство ГРК продолжалось, и уже через полгода, забыв все мои наставления, щитовая проходка была затоплена грунтовыми водами и «пльвуном», который расположился в пойме и долине речки Данилиха.

На ликвидацию аварии и продолжение строительства ГРК ушло почти три года.

Строительство участка ГРК от перекрестка с улицей Мильчакова и шоссе Космонавтов до речки Данилихи было пройдено только в 1999 году.

Создание Чусовских очистных сооружений

Строительство систем водоснабжения городов всегда было «закрытой темой», поэтому я, зная об этом правиле, не смогу дать точные координаты отдельных составляющих этой системы, а только остановлюсь на эпизодах, отдельных случаях, которые произошли в разные годы при ее создании в Перми.

До конца 60-х годов прошлого века население города получало воду от отдельных водозаборных станций, принадлежащих промышленным предприятиям, и небольших городских сооружений, расположенных на Городских Горках под названием «Большекамский водозабор».

Так подача воды в магистральную сеть города впервые была осуществлена в 1970 году по временной схеме. Готовность здания насосной станции второго подъема была только в стадии устройства фундаментов, поэтому машинный зал на зимний период накрыли двумя армейскими палатками, под защитой которых проработали всю зиму 1970 – 1971 года.

Второй случай произошел через пять лет после подачи чусовской воды в город. Позвонили из «Пермводоканала» и сообщили, что выявлена значительная утечка воды из обсадной трубы, проложенной под железнодорожной магистралью, в которой находится магистральная труба подачи воды в город.

Выезд на место происшествия показал, что магистральная труба с Чусовского водозабора в зоне прохождения под железнодорожной насыпью вся «изъедена» небольшими, диаметром до трех миллиметров отверстиями. Их насчитали более пятидесяти штук. Откуда они взялись?

Я вспомнил институтские занятия по высшей электротехнике и понял, что отсутствие в проекте устройства против блуждающих токов Фуко привело к аварийной ситуации со стальной трубой в конкретном месте, так как по железной дороге ходили электропоезда.

Пришлось срочно выполнять проект электрозащиты от блуждающих токов Фуко не только на аварийном участке, но и на всей трассе магистральных водоводов.

Следующим неординарным случаем была ситуация при реконструкции резервуаров чистой воды, поступающей с ЧОС, на насосной станции «Южная».

Станцию построили еще в дореволюционное время, и она требовала не только реконструкции, но и строительства дополнительных резервуаров для подачи воды в час пик в городскую систему распределения воды по кварталам.

Объем нового резервуара составил десять тысяч кубометров, но когда его стали испытывать на герметичность, выявили, что контрольная отметка уровня воды в резервуаре очень медленно падает. Это говорило об утечке воды.

Разбирались долго, но так и не пришли к выводу, по какой причине резервуар не удерживает воду. Собрали большое совещание непосредственно на станции «Южная». Пригласили и меня.

Действительно, внутри резервуара все было выполнено по проекту, в том числе и гидроизоляция, но факт оставался — вода утекает.

Собранная комиссия долго осматривала резервуар с внешней и внутренней стороны, но причину утечки не обнаружили.

При еще более внимательном внешнем осмотре резервуара я заметил недавно засыпанную траншею, которая вела от резервуара к канализационному колодцу, и спросил у генподрядчика работ, что это за засыпка, которой по проекту не должно было быть. Ответа не последовало.

Тогда я вновь спустился внутрь резервуара и подошел к месту, где должна была кончаться ранее выкопанная траншея. Там виднелся только что уложенный бетон размером не более ладони человека, а когда его удалили, обнаружили выход трубы, установленной строителями для сброса дождевых вод из резервуара.

Все стало ясно. Просто строители забыли убрать временную трубу и качественно запломбировать отверстие в днище резервуара.

В 1986 году начато было строительство системы водоснабжения третьей очереди города, которое продолжалось тридцать лет, и было частично закончено только в 2016 году.

КАМСКАЯ ДОЛИНА: МЕЧТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Камская долина расположена на правом берегу поймы Камы между береговой дюной и второй пойменной террасой коренного берега.

Более ста лет назад здесь были построены первые жилые дома на береговой дюне, незатопляемой в паводковый период. Сегодня это улица Борцов Революции.

Масштабное освоение Камской долины началось с 80-х годов прошлого столетия, когда эта территория была включена в Генплан города. Тогда же было принято решение о строительстве жилого микрорайона с названием «Камская долина».

Первым этапом по освоению всей территории Камской долины необходимо было произвести на нее укладку методом намыва нескольких миллионов кубометров грунта, вынутого из русла Камы. И только после расчетного времени, которое необходимо для уплотнения засыпанного слоя торфа, произвести выполнение строительства зданий микрорайона.

На его территории предполагалось возвести порядка двух с половиной миллионов квадратных метров жилой площади, а также объекты соцкультбыта, торговли и так далее.

Заказчиком по выполнению первого этапа освоения Камской долины был назначен УКС Пермского горисполкома и я, как главный инженер, лично.

Генеральным проектировщиком будущего микрорайона определили институт «Пермгражданпроект».

Работ предстояло много. Они напомнили мне юношеские годы, когда я юнгой работал на землечерпательном снаряде.

Территория будущего микрорайона между береговой линией Воткинского водохранилища и железнодорожной насыпью была очень старым руслом реки Камы, со старицами, заполненными торфом, небольшими озерами, берега

которых заросли кустиками речной ивы. В озерах ребята еще в военное время ловили карасей, черных от наличия торфяных берегов и дна.

В довоенное время и в период Великой Отечественной войны в Камской долине работало торфодобывающее предприятие, которое делало брикеты сухого торфа для котельных города и частных домов.

Весной 1985 года в западной части Камской долины отрядом «Трансгидромеханизации», созданной в 1938 году, были начаты работы по намыву первых кубометров камского грунта.

Схема первых двух годов работы по намыву территории была очень простой. Специальный плавающий земснаряд выбирал из русла Камы камскую смесь, по трубам переправлял ее на берег к месту укладки, где и осуществляли образование территории на расчетную высоту насыпи. При этом учитывалась величина осадки грунтового основания и величина (мощность) засыпанного торфа. Работы велись круглосуточно, и скоро в пределах Камской долины грунта в русле реки не осталось.

Дно Камы было сохранено только в охранных зонах железнодорожного и автодорожного мостов по двести метров с обеих сторон каждого мостового перехода.

В дальнейшем грунт необходимо было добывать из русла реки вне черты города, и это усложнило схему работ.

Работы по добыче грунта и его перевозке к месту укладки на Камской долине были поручены Камскому речному пароходству. При этом произошел невероятный случай, когда пароходство перевозило камскую смесь, исчисляемую в тоннах, а укладывать ее нужно было, исчисляя в кубометрах.

Вариантов было рассмотрено достаточно, но потом остановились на предложенном мной.

Баржи, груженные камской смесью, доставлялись па-

роходством в зону разгрузки и разгружались в воду рядом с плавающим земснарядом. Расчет велся в тоннах доставленного грунта. Затем земснаряд передвигался в зону разгрузки и выкачивал грунт на Камскую долину в зону укладки в кубометрах.

Для синхронизации расчетов по договоренности между Камским речным пароходством и «Трансгидромеханизацией», выполняющей намыв территории с участием представителя заказчика (меня), был составлен протокол, в котором установлен коэффициент перевода тонн камской смеси в кубометры, уложенные в дело.

Этот коэффициент учитывал количество потерь при выгрузке грунта в воду, «отмыв» очень мелкой фракции песчаной смеси и вторичный забор грунта с речного дна.

Учет намытого грунта на территории Камской долины выполнялся геодезическими методами расчета и имел достаточную степень точности.

Всего за шесть лет было уложено, а точнее намыто, более шестнадцати миллионов кубометров смеси, которую добывали из русла Камы как в черте города, так и за его пределами.

К началу 1992 года пароходство вычерпало грунт с перекатов реки и остановилось практически недалеко от пристани Нытвы. Передо мной возникла задача найти новый карьер камской смеси для продолжения работ по завершению намыва последних десяти – двенадцати миллионно кубометров грунта.

Последние кубометры камской смеси уложили в Камскую долину в 1992 году.

В результате проделанной работы была образована территория площадью сто сорок восемь гектаров, на которой предполагалось разместить первый микрорайон вместимостью порядка семисот тысяч квадратных метров жилья.

Сложность в освоении образованной территории заключалась в том, что на консолидацию замкнутых торфяников требовалось определенное время.

Особенность засыпанных торфяников в том, что их нельзя осушать, потому что тогда они будут уничтожены бактериями.

Так в Архангельске вследствие осушения замкнутых торфяников вся поверхность микрорайона на четыреста тысяч жителей города дала осадку почти на три метра, оголив цоколи домов и забитые свайные поля.

Первоочередной задачей проектировщиков было создание инженерной инфраструктуры. Для этого необходимо было выполнить, в первую очередь, проектирование и строительство дренажных систем Камской долины.

Для этого вдоль всего первого микрорайона Камской долины проектировщики предусмотрели возведение шести береговых дренажных насосных станций, в задачу которых входило поддержание уровня грунтовых вод на определенной отметке при любом горизонте воды в Воткинском водохранилище.

Ливневая канализация была выделена в отдельную систему. Ее сбросные воды должны были проходить очистку на специально запроектированных очистных сооружениях, которые предполагались недалеко от зоны охраны железнодорожного моста.

Для удаления фекальных стоков с Камской долины уже в 1989 году была запроектирована и построена насосная станция (КНС) и самотечный коллектор, который должен был принимать стоки всего правого берега, начиная от Заозерья, Гайвы и Камской долины включительно.

Для подачи стоков от КНС на Камской долине на левый берег, где находятся городские очистные сооружения биологической очистки стоков (БОС), УКСу пришлось запроектировать и построить напорный коллектор и самотечные коллектора вдоль всего Кировского района города.

В настоящее время по этой системе перекачиваются стоки правого берега города через главную канализационную насосную станцию правого берега и попадают на городские биологические очистные сооружения (БОС), расположенные на левом берегу Воткинского водохранилища.

Со временем в западной части Кировского района планировалось выполнить строительство правобережных локальных городских сооружений биологических очистных фекальных стоков. Это давало бы возможность исключить из эксплуатации канализационные дюкеры, построенные в начале 70-х годов прошлого века, через которые стоки поступают на действующие городские очистные сооружения.

Для теплоснабжения микрорайона была возведена районная котельная (ныне демонтированная). В 1992 году готовность котельной составляла девяносто восемь процентов. Для подачи топлива в котельную была запроектирована и построена железнодорожная ветка (ныне также демонтированная).

Для электроснабжения объектов на Камской долине «Пермэнерго» реконструировало существующую трансформаторную подстанцию и довело ее мощность до расчетной величины.

УКС прокладывал магистральные газовые сети и сети водоснабжения.

На тех участках Камской долины, где в 1991 году предполагалось в 1994–1995 годах начать строительство домов, были выполнены работы по устройству магистралей улиц Маршала Жукова и Лермонтова.

По улице Маршала Жукова была произведена выемка засыпанного торфа от улицы Спешилова до улицы Лермонтова и выполнено гравийное основание для укладки щебеночного и асфальтового покрытия.

В 1990 году подготовили территорию у автодорожного моста для строительства первой дренажной насосной стан-

ции, которая должна была работать круглогодично и обеспечивать содержание грунтовых вод на Камской долине на расчетном уровне.

Благодаря моим стараниям и связям с городскими службами к концу 1991 года были выявлены запасы камской смеси в пойме реки Камы за железнодорожным мостом общим объемом более двадцати миллионов кубометров.

Этого количества камской смеси было достаточно для завершения намыва грунта в контуре микрорайона вплоть до границ бывшего артиллерийского полигона завода им. Ленина.

Первый жилой дом, обеспеченный всей инженерной инфраструктурой, предполагалось ввести в эксплуатацию не ранее 1994 года, но наступил 1992-й, и все работы на Камской долине были прекращены.

С той поры прошло двадцать шесть лет, ситуация в стране изменилась.

Все, что предполагалось построить на Камской долине, предано забвению, и теперь необходимо все начинать сначала.

В последнее время вдоль улицы Спешилова строилось все, что угодно, от автомоек и автозаправок до «дворцов» по продаже автомобилей.

На месте, где предполагалось возвести больницу городской скорой помощи на тысячу коек, выполнено строительство Федерального центра сердечно-сосудистой хирургии и Перинатального центра.

Все было бы хорошо, но до сих пор практически не выполнено инженерное обустройство территории, и неизвестно, к чему приведет эксплуатация построенных объектов в условиях, меняющихся в зависимости от погодных факторов, изменений гидрогеологической ситуации территории Камской долины.

До сих пор не решен окончательно основной вопрос, возникший в 1991 году, — как быть при затоплении территории в случае аварии на Камской ГЭС и прорыве ее напорного фронта водными массами?

Изменения, внесенные в 1991 году в требования СНиПа по защите затопляемости территории при аварийном сбросе Камской ГЭС, заставили уже в 1992 году пересмотреть рабочие чертежи первых строений в первом микрорайоне. Детские сады и школу пришлось «поднять» на три – четыре метра выше грунта Камской долины на искусственные острова. На первых этажах жилых домов предусмотреть нежилые помещения: домоуправления, магазины и так далее.

Кроме того, необходимо обеспечить комплексную инженерную подготовку и защиту всей застраиваемой территории, а также проводить постоянный мониторинг изменений гидрогеологической ситуации.

Наглядным примером инженерной безграмотности и непродуманной диктаторской политики служат «коробки» двух жилых домов, возведенных без инженерного обустройства микрорайона в начале 2000-го года и стоящих как «памятник» их создавшим.

Действительно, мировая практика знает много примеров, когда бездумно построенные сооружения остаются на многие века лишь памятниками.

Голландскими архитекторами из компании КСАР предложен проект обустройства береговой черты Камской долины и превращения ее в этакий «золотой берег».

Это вполне реальная программа, но только необходимо по-инженерному грамотно просчитать, во сколько миллиардов рублей такой проект обойдется нашему городу, и насколько он целесообразен.

В условиях настоящего времени строительство и, главное, эксплуатация жилых домов на Камской долине по предварительным оценкам будет на пятьдесят – шестьдесят процентов дороже, чем эксплуатация аналогичного жилья в других районах города.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Заместитель управляющего трестом № 12: 1978 – 1979

В середине 1978 года мне позвонил один из руководителей области и пригласил на ответственный разговор. Разговор состоялся.

Мне предложили перейти на работу в трест №12 «Главзападуралстроя» в должность заместителя управляющего трестом по работе на объектах сельского хозяйства. Раздумывать над переходом в те годы было практически невозможно, и я согласился.

Одним из объектов, строительство которого мне пришлось курировать, была бройлерная птицефабрика недалеко от поселения Сылва.

Эта фабрика первоначально должна была строиться около города Александровска и проходила как «Александровская бройлерная птицефабрика». Руководители области перенесли ее строительство к поселению Сылва, а название сохранили. Так она и вошла в историю строительства как «Александровская» фабрика на двенадцать миллионов бройлеров в год.

По тем временам комплекс фабрики был огромен — птичники, инкубаторий, цех по заготовке кормов, своя насосная станция с небольшой котельной, гараж на тридцать специальных автомашин для перевозки кормов с железнодорожной станции, административный корпус и база переработки бройлеров, да еще специальные очистные сооружения и склад отходов.

С таким объемом строительства одному тресту №12 справиться было практически невозможно, поэтому, когда было начато возведение основных сооружений, к строительству привлекли двенадцать промышленных предприятий города.

Специальным постановлением облисполкома руководителей промышленных организаций обязали строить конк-

ретные объекты птицефабрики, а по субботам и воскресеньям вывозить свои коллективы на работы интенсификации строек порученных объектов.

От треста №12 в стройке участвовали коллективы мастеров от четырех СМУ, перед которыми тоже ставилось целью строительство конкретных сооружений.

Мой задачей было организовать работу всех подразделений треста и привлеченных предприятий, обеспечить стройку бетоном, раствором, который вывозился с бетонного завода, расположенного в Перми на Липовой горе. Кроме того, синхронизировать работу подрядных и субподрядных организаций, обеспечить коллективы строителей продуктами питания и организовать работу срочно построенной столовой.

В этой столовой впервые в области было внедрено питание комплексными обедами, которые подавались специальными транспортерами.

Использованная посуда ставилась посетителями на специальный транспортер, который «уносил» ее в отдел мойки и сушки.

По хронометражу там можно было пообедать за десять — пятнадцать минут, что создавало возможность в течение часа накормить более четырехсот, а за два часа — восемьсот человек.

Ежемесячно на строительство приезжали первые руководители области и всегда спрашивали меня, чем помогать?

Помощь в основном заключалась в продуктах питания. В городе полки продуктовых магазинов оставались пустыми. «Сгущенка», тушеное мясо в банках были редкостью, за сахаром стояли очереди, поэтому «помощь» в большинстве привозилась в виде этого дефицита и продавалась по спискам в СМУ и участвующим в стройке коллективам предприятий.

При устройстве кровель на птичниках произошел нелепый случай. Главк решил внедрить «передовой метод» устройства утепленной кровли.

Для этого на заводах ЖБК стали накладывать на подготовленную поверхность кровельных плит плиты утепления, состоявшие из шлаковаты.

Когда на стройку поступила первая партия этих «унифицированных» плит перекрытия, я возмутился, на чертежах сделал соответствующую подпись, категорически отказался их принимать и укладывать в дело. Тогда вмешался главный инженер треста и заставил укладывать эти плиты на кровлю птичников.

За месяц было уложено более пяти тысяч квадратных метров такой кровли, а затем прошли проливные дожди, и произошло непредвиденное. Утеплительные плиты из шлаковаты намокли, высушить их не представлялось возможным.

Главный инженер треста снова распорядился уложить на пропитанные водой шлаковые плиты и закрыть их двумя слоями рубероида из расчета, что вода испарится или вытечет, и кровля будет в проектом состоянии.

Однако такой метаморфозы не произошло. В конечном итоге весь уложенный мокрый утеплитель пришлось с крыш снимать и укладывать сухой по испытанной технологии. Убыток составил около шестисот тысяч рублей в ценах 1978 года, главк взял его на себя, я оказался ни при чем.

Наступила осень 1979 года. Неожиданно ко мне на стройку приехал председатель Пермского горисполкома Г.С. Калинин и очень попросил вернуться в УКС, так как там дела пошли «из рук плохо», был «провален» ввод жилья в 1978 году и уже намечался «провал» текущего года.

Я задумался, а потом дал добро на обратный перевод в УКС горисполкома. В тресте мне не особенно нравилось по простой причине, которая складывалась из отношений к работе руководителей СМУ треста, привыкших к деятельности на промышленных объектах области в условиях льготного финансирования и льготной приемки работ. С этимя согласиться не мог.

Так закончилась моя работа в системе «Главзападурал-строя», продолжавшаяся почти два года.

А дальше была работа в УКСе снова в качестве главного инженера вплоть до выхода на пенсию весной 1992 года.

Часть III ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ НОВОЕ НАЧАЛО

Главный специалист Центра лицензирования ГОССТРОЯ РФ

Выйдя на пенсию в возрасте шестидесяти трех лет, я понял, что не могу оставаться безработным, тем более бывший сослуживец по строительному тресту № 12 М.М.Эйдельман был назначен руководителем вновь созданного Центра лицензирования строительной деятельности по Пермской области и начал собирать коллектив работников Центра.

После небольшого раздумья я согласился, и меня приняли на должность главного специалиста Центра. Договорились, что выйду на работу не в июне, когда создался Центр, а в конце сентября, так как я заядлый охотник на медведей и должен «закрыть» лицензию на отстрел очередного зверя.

В Центре лицензирования числились начальник центра, три главных специалиста, бухгалтер и два работника, специалиста по оформлению, один из которых принимал экзамены по технике безопасности работника организации, получавшей лицензию.

Работа в Центре только налаживалась. Было много всякого рода неувязок. Дело временами доходило до смешного. Руководитель одной организации, имеющий парк меха-

низмов, решил получить лицензию на выполнение строительных работ на двух числящихся у него работников. Мне пришлось долго объяснять незадачливому руководителю правила получения лицензии на его организацию.

За мной было закреплено два района города, Свердловский и Мотовилихинский (самые нагруженные строительными организациям), и восемь районов Пермской области: Чернушенский, Октябрьский, Бардымский, Уинский, Ординский, Добрянский, Гайнский и Красновишерский.

Работ по оформлению и выдаче лицензий было много, но меня с первых дней поразила безалаберность, которая царила на столах всех работников вновь созданного Центра.

Столы буквально завалены пачками бумаг, скрепленных кое-как. Вместе с вновь поступившими документами лежали подписанные руководителем к печати, полностью оформленные черновики будущих лицензий и рядом уже оформленные, подлежащие выдачи лицензии. Отдельно лежали «кучей» документы по выданным лицензиям.

Такого «ералаша» я допустить не мог и в течение недели написал временную инструкцию по порядку движения и складирования рабочей документации, поступающей в Центр для получения лицензии.

В инструкции четко расписал, где должны лежать поступающие в Центр документы от организаций и частных лиц на получение лицензий на строительство; кто должен их зарегистрировать и положить в четко определенное место на столе руководителя для рассмотрения и подписания исполнителю; на какое место стола руководитель должен положить подписанный им титульный лист входящих документов для конкретного исполнителя.

Это был первый этап движения документации, поступающей в Центр для оформления и выдачи соответствующей лицензии.

Второй этап заключался в рассмотрении документации главными специалистами Центра, при необходимости уточ-

нение с авторами конкретных деталей и особенностей заявленного вида строительства, для выполнения которого требуется получение лицензии.

После завершения второго этапа главный специалист должен был подготовленный пакет документов положить в точно определенное место на столе начальника Центра для подписания.

Третьим этапом было окончательное оформление лицензии, печатание на специальном бланке, подписание бланка и передачи специалисту для регистрации дела в журнале выдачи заявителю.

Четвертым этапом, который выполнялся главными специалистами, была раскладка отработанных документов по ячейкам сорока районов области и семи городов.

Работа сотрудников Центра по моей инструкции вводила дисциплину в движение входящей документации. При невыходе любого специалиста Центра другие могли продолжить оформление и обеспечить заявителю получение официального оформленного бланка лицензии.

Эту инструкцию я на первом же еженедельном оперативном совещании передал начальнику Центра и убедительно просил ее прочитать и принять соответствующее решение.

Однако проходит месяц, второй, начальник рецензии на инструкцию не дает.

На третий месяц на очередном оперативном совещании начальник Центра положил перед каждым сотрудником новый проект упорядочения и улучшения работы с заявителями на получение лицензий.

Я прочитал проект. Убедился, что девяносто его процентов — это переписанная слово в слово моя инструкция. В интересах дела я не стал оспаривать авторство идеи, наоборот признал проект крайне необходимым для реализации и улучшения работы Центра.

К этому случаю необходимо добавить, что порядками, введенными в пермском Центре лицензирования по

оформлению документации, заинтересовались в ГОССТРОЕ и даже провели семинар с докладом начальника Центра М.М. Эйдельмана.

В функциональную деятельность главных специалистов Центра входила обязанность посещать и проверять работу организаций и частных предпринимателей по организации строительного производства, указанных в полученной лицензии.

Запомнился случай, когда меня вызвали проверить строительство жилого четырехэтажного дома в поселке городского типа Полазна.

Внешний осмотр дома дал положительный результат, но когда вошли в первый подъезд, ахнули. На лестничной площадке было два входа в квартиры с высотой проема не два метра, как положено по нормам СНиПа, а только метр восемьдесят сантиметров. Такой же высоты были установлены и входные двери. И так на всех этажах первого подъезда.

Когда открываешь входные двери в квартиры, сразу необходимо было вступить на двадцать сантиметров ниже пола на лестничной клетке.

Ошибка монтажа железобетонных конструкций лестничной клетки была налицо.

Оказалось, что мастер ПМК-1, производивший монтаж железобетона лестничной клетки, не усмотрел допущенной ошибки в монтаже, а отделочники посчитали что, так и нужно.

Мне пришлось срочно собрать экспертную комиссию и принять решение о демонтаже железобетонных конструкций, уложенных не по проекту, а заодно и лишить лицензии авторов этой ошибки — трест №15.

Решение Центра о лишении треста № 15 лицензии оставило без работы значительное количество рабочих, с чем я не мог согласиться. Поэтому управляющему трестом было предложено в срочном порядке оформить лицензии на каждое подразделение, кроме того, которое допустило брак при монтаже железобетона.

Руководство треста №15 мое предложение приняло, и уже через неделю лицензии на каждое ПМК были получены, работы на стройках возобновились.

Центр лицензирования приобрел авторитет у строителей, улучшая качество выполняемых работ.

ГОССТРОЙ постоянно проводил различного рода семинары и курсы повышения квалификации для работников региональных Центров лицензирования. На одни такие курсы из Перми был направлен я.

Преподавателями были работники московских институтов: профессора, доктора наук, заслуженные строители России. Слушать лекции было интересно.

Но однажды произошел случай, о котором долго вспоминали не только в Перми, но и в Москве.

Лекцию об экономике в строительном производстве должна была читать профессор и доктор наук, очень обаятельная женщина со сложной фамилией.

Первый час слушатели курсов внимательно выслушивали преподавателя, а на втором часе у них возникло сомнение, для кого докладчик приводит примеры «экономического взаимодействия в строительном производстве».

Докладчица спросила слушателей, кто они по статусу производства работ, и когда услышала, что слушателями являются работники региональных лицензионных Центров, с ней случился сердечный приступ, пришлось срочно вызывать скорую медицинскую помощь.

Дело оказалось в том, что она перепутала аудиторию и лекции читала для узкого круга работников банков, рассказывая подробности экономических ситуаций.

Московский Центр лицензирования строительной деятельности при ГОССТРОЕ РФ постоянно устраивал командировки за границу.

Так начальник пермского Центра был в командировке в США, другие работники побывали в Германии, Австрии, Чехословакии.

Коллектив центра лицензирования:
В. А. Москвин, Л. Н. Рассказова, М. С. Плеханов, В. А. Трясцын,
А. Ф. Колчанов, Е. Г. Мишакина

Мне повезло, я был отправлен в составе группы из двадцати трех человек в Италию на предмет изучения дел лицензирования в Риме, Флоренции, Венеции.

В этой группе командированных были работники Уральского региона и западной Сибири, руководителем группы была назначена работница ГОССТРОЯ РФ.

Командировка прошла успешно, хотя на многие вопросы ответы были командированным не совсем понятны.

Центр лицензирования при ГОССТРОЕ РФ просуществовал более двенадцати лет, а потом был заменен действующей в настоящее время саморегулируемой организацией (СРО).

Этих СРО только в Пермском крае насчитывается значительное количество, и каждое выдает соответствующие разрешения на выполнение проектных, строительных и

монтажных работ вне зависимости от наличия опыта и кадрового состава организации.

Позднее у меня был случай, когда руководством города и района рассматривалось обрушение жилого дома № 103 по улице Куйбышева. В аналогичной ситуации в предаварийном состоянии оказался один из жилых домов в Индустриальном районе города.

Срочный тендер на проектирование и ремонтные работы выиграло ООО очень престижной организации, а когда дело дошло до срочного конкретного выполнения проекта и работ, оказалось, что, имея разрешение, выполнять поставленную задачу организация не может. Полностью отсутствуют специалисты или привлекаемые организации, которые должны осуществлять поручаемые работы.

Преподаватель ПНИПУ

В июле 2011 года меня пригласили на презентацию книги одного уважаемого в городе руководителя предприятия. Так я случайно познакомился с заведующим кафедрой «Безопасность жизнедеятельности» (проще «БЖ») Пермского национального исследовательского политехнического университета, который, узнав, что я инженер-гидротехник и знаю азы гидрогеологии, пригласил меня читать на его кафедре курс «Гидрогеологические особенности Пермского края».

Поговорили. Я забыл о своем согласии читать лекции в ПНИПУ.

Первого сентября звонок нового знакомого Трефилова Владимира Александровича: «Михаил Сергеевич! А почему вы не на лекции?»

Я опешил и срочно побежал оформляться на кафедру «БЖ» старшим преподавателем. Так началась моя трудовая

деятельность в ПНИПУ преподавателем.

Курс лекций был относительно небольшой, но были еще и практические занятия, каждому студенту необходимо было выполнить курсовую работу.

Первый год я читал лекции «с листа», а на следующий год решил выпустить учебное пособие для облегчения студентам-магистрам освоения программы. Получилось. Учебное пособие было утверждено редакционно-издательским советом университета.

На второй год я выпустил «Практикум» по теме «Гидрогеологические особенности Пермского края».

На третий год решил «вспомнить молодость» и написал учебное пособие для студентов строительного факультета, где я в конце 60-х годов читал курс лекций на тему «Гидрология, гидрометрия, гидротехнические сооружения».

Учебное пособие называется «Гидротехнические сооружения». В нем собраны варианты строительства гидротехнических сооружений на территории России, и студентам нет необходимости просматривать в библиотеках тома технической литературы на заданную тему.

В тот же год заведующий кафедрой предложил мне читать курс «Противопожарное водоснабжение» для бакалавров заочников, в основном работников МЧС.

Я в 2014 и 2016 годах выпустил учебник по тематике лекций и учебно-методическое пособие «Противопожарное водоснабжение», одобренные начальником МЧС по Пермскому краю.

Работа на кафедре мне нравилась.

Общение с коллегами, которые все имели научные звания, чтение лекций для магистров и бакалавров были для меня не просто работой, а смыслом жизни на конкретном этапе времени.

Мероприятия, проводимые на кафедре во внеучебное время, всегда оказывались творческими, и заканчивались они, как правило, всегда с положительными эмоциями.

Заведующий кафедрой полковник ракетных войск в отставке, профессор и доктор технических наук был очень пунктуальным, требовательным, дисциплинированным и душевным руководителем.

Заседания кафедры проводились еженедельно, и на них мне не только было интересно слушать выступления коллег, но и самому докладывать возникающие вопросы по тематике кафедры.

Кафедра выпускала «Вестник ПНИПУ. Безопасность управления рисками», в котором главным редактором был Владимир Александрович Трефилов, а членами редакции состояли шестнадцать профессоров и докторов наук из шести государств: России, Латвии, Белоруссии, Чехословакии, Польши, Казахстана. Ответственным секретарем редакции был О.В. Бердышев, работник кафедры «БЖ».

В каждом выпуске «Вестника» я принимал активное участие и писал о гидрогеологических особенностях Пермского края наравне с другими авторами статей, профессорами и докторами наук.

Очень интересно проходили «Проводы учебного года», всегда с выездом, как говорят, «на зеленую лужайку».

Все работники кафедры «на ура» воспринимали дату и место проведения этого мероприятия, финансирование которого они выполняли из своих сбережений.

Определялся круг «ответственных», которым все вносили свои взносы, а они решали, что и в каком количестве закупить, и кто эти «закупки» доставит к месту «зеленой лужайки».

За все годы, когда был заведующим кафедрой Трефилов В.А., эти мероприятия не имели нареканий со стороны участвующих в них и руководства ПНИПУ.

Время пролетало незаметно.

В 2017 году к руководству кафедры «БЖ» приступил новый молодой, активный руководитель, который несколько изменил ритм и загрузку работников кафедры.

Неожиданность произошла в июле 2018 года. В четверг я долго беседовал на кафедре с Владимиром Александровичем, а в понедельник утром мне позвонили и сообщили, что он вечером в воскресенье скончался.

Для меня это была трагедия, которую я переживал настолько тяжело, что решил уйти с работы в университете по собственному желанию. Тем более, на следующий год у меня не было лекций с магистрами, а бакалавров просто не набрали.

Так неожиданно закончилась бы моя работа в ПНИПУ, которой я посвятил семь лет своей трудовой деятельности, начатой в 1944 году, но коллектив кафедры и ее руководитель уговорили меня остаться.

Общественная работа

С приходом в должность главы города И.Н. Шубин пригласил меня, как бывшего главного инженера УКСа, быть его советником по вопросам строительства, в основном по завершению работ на второй очереди развития системы канализации (водоотведения) города и третьей очереди развития системы водоснабжения, которые я начал возводить еще в 1985 году.

Строительство этих систем было почти остановлено в 1993 – 1995 годах. Недостроенные объекты после ликвидации УКСа либо становились бесхозными, либо переходили в подчинение арендатора «Новогор-Прикамье», или «достраивались» очень медленными темпами из-за отсутствия достаточного финансирования объектов строительства.

Но самое главное заключалось в том, что кадры строителей и руководителей строительных организаций периода до 1992 года стали уходить на заслуженный отдых, имея незавершенное строительство двух основных градообразующих систем: водоснабжения и водоотведения (канализации).

Когда настала пора продолжать их строительство, оказалось, многая документация сдана в макулатуру или просто списана как неустребованная.

Поэтому моя память по объектам, которые я, как заказчик, возводил в городе с 1970 года очень потребовалась руководству города.

Мне было присвоено звание «Советник главы города» и выдан соответствующий документ.

После ухода И.Н. Шубина на другую работу на звание «Внештатный советник главы города» меня пригласил работать новый глава Д.И. Самойлов.

С момента создания градостроительного совета я стал его постоянным участником, а в последние годы — членом градсовета Перми.

Часть IV ВОЗВРАЩАЯСЬ К ИСТОКАМ: ВРЕМЯ ВОЙНЫ, УЧЕБЫ И НАЧАЛО СТРОЕК В ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ ЭПОХА ВОВ: 1941 – 1945

Ленинград. 22 июня 1941

Для большинства ленинградцев война началась неожиданно просто, 22 июня с четырех часов утра над городом на бреющем полете начали носиться истребители. Такого не было даже при войне с соседом — Финляндией.

Над домом, расположенным рядом с Финским вокзалом и Ленинградским политехническим институтом, самолеты проносились вдоль Международного проспекта с юга на север, а затем через десяток минут — обратно.

Мы с родителями жили на седьмом этаже дома, с которого просматривались недавно выстроенный новый высотный универмаг, гордость торговых работников, и самый большой в Ленинграде кинотеатр «Олимпия» в садике с его именем.

Пролеты первых истребителей разбудили всю семью.

В этот день 22 июня вечером мы с мамой должны были выехать поездом на родину в город Родники Ивановской области на летние каникулы. Билеты были куплены заранее, а вещи собраны еще накануне, и оставалось лишь ждать, чтобы ехать к отходу поезда на Московский вокзал. Эти ежегодные поездки были семейной традицией. Не ездили в Родники, только когда папа был в командировке в Сарапуле.

Дело было еще в том, что Ленинград, «Колыбель революции», снабжался продуктами даже лучше, чем Москва. В Ленинграде всегда было в изобилии овощей и фруктов, не говоря уже о крупах, макаронах, сахаре, табаке и многом другом. Уезжая на отдых в Родники, мама всегда брала с собой этот «дефицит» — на родине ничего такого не было. Когда мы возвращались с летних каникул, мама находила в «закромах» у папы слежавшиеся макароны, заплесневелые мешочки с крупами. Климат в Ленинграде из-за близости Балтики и постоянных ветров отличался высокой влажностью.

На этот раз все запасы продуктов собрали в багаж, и «закрома» остались пустыми.

В двенадцать часов дня по радио передали обращение правительства о том, что без объявления немецкие армии вторглись на советскую территорию — началась война.

Наша семья: Плеханов Сергей Михайлович, путейский работник водного транспорта, инженер гидротехник, мама, домохозяйка Александра Петровна, и я, Михаил, ученик пятого класса, была в недоумении — что происходит?

После услышанного родители долго совещались, что делать. Билеты на поезд куплены, вещи собраны... решили — надо ехать. Немного взяли, на всякий случай, теплых вещей. Думали, война-то будет недолгой, не более трех — четырех месяцев, и к учебному году надо будет вернуться в Ленинград.

Когда ехали на такси на вокзал, самолеты не летали, но город как-то притих: не было слышно смеха молодежи, да и людей на улицах стало меньше... На вокзале вагоны уже стояли под погрузкой, пассажиры молча суетились и быстро занимали свои места.

Мне, которому подходил уже двенадцатый год, все это хорошо запомнилось: отъезд, истребители над домом, суровые лица ленинградцев и неожиданно появившиеся военные патрули на улицах. В поезде, в общем вагоне, разговоры были только о начавшейся войне. В основном говорили мужчины, женщины отмалчивались, некоторые всхлипывали и потихоньку вытирали слезы.

В Москве наш вагон перецепили к другому составу, и уже через два часа мы ехали к нашей родине — областному городу Иванову, в котором еще одна пересадка, и вот мы в Родниках.

Родники — город небольшой, пятнадцать-двадцать тысяч жителей. В нем образующим предприятием был текстильный комбинат, созданный еще в дореволюционное время как передовое предприятие по производству и окраске хлопковых тканей.

У мамы была дружная семья: четыре сестры и брат, а у меня — двенадцать двоюродных сестер и братьев. Обычно на лето многие приезжали на родину на каникулы или в отпуску. Привычки ездить «на юга» тогда не было.

Мамина старшая сестра, моя тетя, держала корову и два — три десятка куриц, да еще поросенка, так что мне было чем заниматься: днем серпом резать траву на ночь корове, а утром — выгонять ее в стадо.

У тети в 1936 году произошел рядовой для тех лет случай. Муж, дядя Го (полное имя Егор), с малых лет любил заниматься охотой и еще до революции собрал несколько отличных охотничьих ружей, которые потом стали редчайшей реликвией для охотника, в том числе и ружье «Три кольца» с отличным боем. Оно ценилось особенно.

Однажды на охоте это ружье увидел начальник милиции города и попросил продать. Дядя Го отказал. Результат этого отказа сказан уже через неделю. Поздним вечером пришла милиция и выгнала его семью «в чем мать родила» из дома. Сам дом и все имущество «раскулачили», а дядю Го арестовали, как «кулака». В доме дяди Го и тети Наташи открыли детский сад на сто десять мест.

Такова была жизнь.

В Родниках после летних дождей в лесах, буквально за околицей, росло много грибов, которые мы всегда собирали большими корзинами, а потом чистили и сушили в русской печи на зиму.

Осенью, когда в лесах созрел орех фундук, горожане организовывали семейные выезды по его сбору. Собирали орехи «бутонами» по три-пять штук в каждом, складывали в мешки и вывозили тележками. В ту пору почти в каждом частном дворике в сарае стояли ручные четырехколесные тележки с ручками-оглоблями, точные уменьшенные копии телег.

На них возили из леса сухие сучья для растопок русской печи и для таганцов на шестке, сосновые и еловые шишки для самоваров, корзины с грибами. В те годы особенно ценился белый груздь, росший «полями», как говорили, «хоть косою косою». Солили грузди в дубовых бочонках на два — три ведра, и чтобы они сохранились до весны, прятали закупоренные бочонки в «копанки». «Копанкой» называли небольшие прудики, которые устраивали в огородах и заполняли на зиму водой. Чтобы вода оставалась в прудике, его борта строили из прессованной глины.

Первые две недели в Родниках мы жили, как будто и войны-то не было, потом появились очереди в военкомате и сводки Совинформбюро. Тогда радио было редкостью, поэтому все новости узнавали из громкоговорителей, установленных на центральных городских площадях и у здания горсовета. Когда передавали новости, рядом собирались кучки «слушателей», разносившие их по домам.

Шел первый месяц войны. Жизнь в маленьком городке текла еще в предвоенном времени, не было продовольственных карточек, хлеб покупали, кому сколько надо. Это было затишье перед бурей.

Так незаметно прошел месяц. А потом к нам пришли из военкомата и приказали выкопать в огороде небольшой окоп в рост человека, в котором можно прятаться при налетах вражеских самолетов. Когда выкопали, получилась небольшая землянка с перекрытием из бревен и лавочками для сидения.

Июль – декабрь 1941

Папа в Ленинграде. Мы в Родниках.

Получили весточку из Ленинграда. На открытке несколько строчек, но и этого было достаточно, чтобы понять — там все в порядке. В сообщениях Совинформбюро же наоборот много тревоги и непонимания, что происходит на фронтах.

Скоро в школу, а конца войне не видно. Информация по радио все тревожнее, постоянно сообщают об оставлении нашими войсками после ожесточенных боев городов и поселков. Почти в каждом доме появились карты СССР, на которых отмечают линии продвижения вражеских войск.

В Родниках жизнь течет по-прежнему относительно спокойно, все заняты своими делами: я заботился, чтобы у коровы на ночь было что жевать, дедушка ходил на работу в свою столярную мастерскую и как-то оговорился, что вместо мебели начали выпускать носилки для раненых.

Ткацкая фабрика Родников стала делать крашенную в защитный зеленый цвет хлопковую ткань.

По совету маминой младшей сестры мы начали готовиться к переезду в Иваново, все-таки областной центр, да и квартира хоть и однокомнатная, но с паровым отоплением, и до школы близко, всего полквартила. В середине августа мы перебрались туда.

К тому времени обстановка на фронтах все более и более усложнялась: немецкие войска рвались к Ленинграду и Москве, под угрозой оккупации были Минск и Киев.

В Иваново ввели светомаскировку — выключили уличное освещение, трамваи, автомашины ходили с синими фарами, в домах обязали перед включением света занавешивать окна плотной тканью. Если он все же пробивался на улицу, военные патрули требовали погасить свет или выполнить полное затемнение. Был случай, когда жители одной из квартир не хотели затемнять окна.

Мои родители: папа Сергей Михайлович, мама Александра Петровна

Тогда военные сделали предупредительные выстрелы. Город погрузился во тьму, и, видимо, не зря.

В школу меня записали с первого захода в пятый класс.

В Иваново жизнь текла уже по военному времени. На железнодорожном вокзале и по городу постоянно ходили патрули и колонны новобранцев в новеньких гимнастерках и шинелях. Когда проходила колонна, раздавались маршевые песни, чаще всего «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой»...

Мы, ребята, такие колонны сопровождали и учились маршировать строем.

Незаметно подошел сентябрь — первый месяц учебного года.

В пятом классе начинали изучать иностранный язык, для нашей школы это был немецкий. Мы, мальчишки, встретили его «в штыхы», не хотели изучать язык врага. Но нас убедили, что мы просто обязаны знать иностранный — в жизни он пригодится.

Уже во второй декаде сентября утром пришли в школу, а там военные выносят во двор из классов парты и втаскивают кровати. Суетятся медицинские сестры в белых халатах и показывают, что куда ставить. Оказалось, школа занята под госпиталь, и нам, школярам, сказали идти в другую, расположенную в центре города.

Всем классом во главе с классным руководителем отправились туда пешком, но когда пришли, и там уже работал госпиталь. Нас отпустили по домам, приказав собраться утром у здания района.

Так началась наша школьная жизнь в 41-м году.

В середине месяца папа прислал весточку из Ленинграда. Сразу в один день две открытки: одна — в Родники, другая — в Иваново.

Введены карточки на хлеб и продукты питания. Школьникам полагалось четыреста граммов хлеба на день. Сначала в школах были коммерческие буфеты, в которых продава-

ли бутерброды с вареной колбасой, но не больше двух бутербродов в одни руки в день. За этим строго следили дежурные учителя.

Но самое главное заключалось в том, что учиться в целом школьники стали лучше и более ответственно относились к домашним заданиям, повысилась дисциплина.

В нашем классе собралось много ребят, которые оказались в Иваново впервые, в том числе и из Москвы, Ленинграда. Нас так и звали «беженцы», но мы не обижались. Наоборот класс 5«В» был у учителей на хорошем счету.

Пришло письмо из Ленинграда, и мы были счастливы, что папа жив.

Письмо из Ленинграда, 18 сентября 1941 года

Давно не получал от вас писем.

Работаю в Балремфлоте, но работа «неустроенная», вернулся с линии, завтра поеду опять. Чувствую себя ничего.

Ленинград 18/09-41, г. Малодетскосельский проспект 25/12 кв.52.

20 октября 1941года. Поселок Дунай. Штамп. Проверено военной цензурой.

Письмо из Ленинграда.

Стараюсь по возможности быть осмотрительным и осторожным, но ведь случайности могут произойти с каждым. Работа моя самая обыкновенная, такая как у сотен тысяч людей. В этом отношении ничего не опаснее прочих.

Карточки получаю как плавсостав, так что и здесь не хуже других.

На днях получил приглашение на работу на Северную Двину в Котлас. В технический участок, помощником начальника плеса.

Жизнь в Иваново налаживается — хлеб по карточкам выдают регулярно.

Со школой у меня тоже все в порядке. Приезжих школьников в Иваново не очень много, поэтому меня включили в класс, где были ребята с «Соцгорода».

Класс воспринял меня как своего из Родников, и никаких неприятельских отношений с ребятами из школы не было, наоборот все старались помочь приспособиться к новой жизни.

Уроки проходили нормально, домашние задания выполнялись, только вот школы менялись. Занимались в первую, иногда во вторую, а иной раз и в третью смены.

Был случай, когда во время урока зашел директор школы и попросил всех мальчиков помочь вытаскивать парты в коридоры — срочно нужно было освободить учебные классы для госпиталя. Из Москвы пришел внеплановый эшелон раненых, и их негде было временно разместить в городе для сортировки и отправки за Урал.

В тот день и всю неделю школа не работала. Нам выдали домашние задания и объявили каникулы на пять дней. Потом продолжили учиться в обычном режиме.

В конце октября десяток школьников возвращался в «Соцгород» пешком, трамваи почему-то остановились. И вдруг высоко в небе стали вспыхивать небольшие облачка — нам стало интересно. Тут раздался громкий звук выстрелов, и почти одновременно с этим заговорил уличный громкоговоритель: «Воздушная тревога, воздушная тревога». В недоумении мы остановились, не зная, что делать. Бежать? Но куда? Взрослые тоже смотрели в небо. Такое непонимание длилось недолго, все бросились в сухие придорожные канавки.

В воздухе разносилось завывание моторов двух истребителей, и все заглушали выстрелы зениток.

Уже к вечеру пошли слухи о том, что над городом неожиданно появился немецкий самолет-разведчик. Выскочил из облаков, прошелся над центром, а при первых выстрелах зениток скрылся обратно. Больше его никто не видел.

Это был единственный случай воздушной тревоги областного центра Иваново за всю войну. То ли наши усилили

оборону города, то ли после поражения под Москвой немцам стало не до Иваново. Школьники потом с гордостью рассказывали, что они видели воздушный бой, и это правда.

Наступил ноябрь.

Уже идет пятый месяц войны. Наши войска сдают города и отходят к Москве. Ленинград еще в начале сентября был окружен и находится в блокаде.

Как потом, через два десятка лет, я выяснил, куда ездил папа? На свою землечерпательную машинку. Оказалось, что землечерпательный снаряд «Свирьстрой-2», — это землечерпалка морского типа, и работала в 1941 году она на расчистке фарватера Невы для обеспечения захода кораблей Балтийского военного флота.

Затем землечерпалку перебросили на исток Невы к Ладожскому озеру. На фарватере реки землечерпалка зазимовала. А когда немцы в сентябре захватили Шлиссельбург, она оказалась между двух огней: с одной стороны наши войска, с другой — немцы.

Корпус землечерпалки был выполнен из качественной стали, не пробиваемой пулями и мелкими снарядами.

Папа, Сергей Михайлович, регулярно ездил в «деревню по делам», как он писал, проверять состояние земснаряда, и был знаком с командирами Красной Армии, державшими оборону на этом участке фронта.

Следует сообщить, что в конце 30-х годов папа получил звание «Чемпион Ленинградского военного округа» по стрельбе. Ему была вручена английская малокалиберная винтовка, на прикладе которой установлена серебряная эмблема с фамилией владельца. По документам он мог возить ее на передовую линию фронта.

Не исключено, что приезжая туда как командир земснаряда «Свирьстрой-2», он мог выполнять просьбы комбата об «уборке» надоедавших немецких огневых точек, тем более его «малокалиберка» имела прицельную дальность

стрельбы более пятисот метров, а полет пули — до трех километров, и могла свободно поражать живую силу противника на другом берегу Невы.

Поэтому папа писал, что они обедали при поездках в «деревню» в столовых, вернее всего, у солдатских полевых кухонь.

В ноябре жизнь в Иваново стабилизировалась. В городе постоянно находились воинские части. Одни приходили, другие уходили, и так весь ноябрь месяц.

Выехавшие на летние каникулы практически налегке — мы оказались без должного денежного пособия, в основном в летних одежках и без четкого понимания, как жить дальше.

Я взрослел на глазах и из тщедушного ленинградского «хлопика» превращался в самостоятельного или по крайней мере, так казалось, неуправляемого местного «пацана». Об этом мама сообщила в письме в Ленинград и получила рекомендации быть строже, не давать повод, чтобы Мишутка, как говорили, «отбился от рук».

Время брало свое, и на горизонте замаячил новый 1942 год.

Дела на фронтах шли не совсем ладно. Ленинград в блокаде, под Москвой бои, а в Иваново формируется Ивановская дивизия, в рядах которой много знакомых фамилий. На железнодорожный вокзал стали прибывать эшелоны с ленинградцами, вывезенные по льду Ладожского озера.

Письма из Ленинграда не приходили, и это еще больше нагнетало напряжение в нашей семье.

День за днем проходил декабрь. Ничего нового не происходило, только последние известия информировали о военной обстановке под Москвой и разгроме немецких частей на подступах к столице.

Заканчивался 1941 год, наступали новогодние праздники. Нам, школьникам, выдали приглашение на новогоднюю елку в ивановский Театр оперы и балета.

Там после просмотра спектакля «Буратино» нам всем давали подарки в пакете: немного сахара, две сардельки с

кусочками хлеба и три больших пряника. Этот подарок я принес домой, и мне дали еще три приглашений билетов на разные дни. Пришлось сходить и на эти новогодние елки, смотреть «Буратино» четыре раза подряд. Зато каждый раз я возвращался домой с таким нужным новогодним подарком.

Первое письмо из Ленинграда, датированное 8-м декабря, пришло в Иваново только в середине января 1942 года. Это была открытка на десяток фраз.

На открытке, полученной после Нового года, рассмотрели три штампа «Иваново», «Иваново обл.» и ... «Новая Ладога. Ленингр. Волховск».

На всех ранее получаемых письмах и открытках стояло тоже три штампа «Иваново», «Иваново обл.» и «Ленинград». Но почему «Новая Ладога. Ленингр. Волховск»? Как там оказался папа?

Последнее письмо из Ленинграда

Дома холодно, так как никто не живет, кроме меня. В квартире температура 10-14 градусов, у меня иногда +5, а иногда -5.

Прочитали открытку, поняли, что Сергей Михайлович не в Ленинграде, а где-то в Новой Ладоге, возможно, его вывезли через Ладогу на «большую землю» — так называли ленинградцы, поступающие с эшелонами из Ленинграда.

В нашей семье началось ожидание: «А что дальше! Где папа?» Но дни проходили, его не было. Не было ни писем, ни открыток.

Январь – декабрь 1942

Однажды в конце января 1942-го ночью в дверь постучали... На лестничной площадке стоял почти незнакомый человек. У его ног лежал чемодан. Увидев открытую дверь, он сел на него.

И вдруг мы поняли — это же папа! И он, сидя на чемодане, заплакал, а потом чуть слышно сказал: «Я дошел».

Папу ввели в квартиру, дали немного чая и сразу на кухне приготовили горячей воды, все имеющиеся тазики пошли в дело. Когда вымыли и одели в чистое, уложили в постель. Спросили: «Давно ли принимал пищу? — ответ был один — Два дня ничего не ел».

Приготовили быстро жидкую манную кашу и дали в стакане выпить. Просил, плакал и снова просил дать еще... но было нельзя...

Так началась новая жизнь нашей семьи.

В первый день удалось рассмотреть, насколько исхудал папа. Представить было просто невозможно — кости, обтянутые кожей с прожилками вен. Грудная клетка, лопатки, стопы ног — одни кости. Мышцы практически отсутствовали. Как человек с такой худобой мог нести чемодан весом не менее двадцатикилограммов, для нас осталось загадкой. Но факт совершения перехода с вокзала с вещами до «Соцгорода» ночью на расстояние более трех километров состоялся.

А дальше было медленное выздоровление. Регулярное питание в уменьшенных дозах жидких каш и супчиков благотворно действовало на обессиленный организм отца. Первые пять суток папа спал, ел понемножку и снова спал. После каждой еды мама вынимала у него из-под подушки небольшие кусочки хлеба, а когда он просыпался, обязательно шарил там рукой — искал хлеб. И очень сердился, когда ничего не находил.

Так продолжалось больше двух недель, а потом наступила пора рассказов, как жилось ему в осажденном Ленинграде, и что за работа была командиром «Свирьстрой-2». От него мы узнали, что сразу после нападения гитлеровцев на нашу страну в Ленинград потянулись беженцы из Прибалтики. Город начал напоминать военный лагерь: всюду воен-

ные и боевая техника. Начались бомбежки, чего не было во времена финской компании.

Чтобы лучше понять, что за человеком был папа, Плеханов Сергей Михайлович, хорошо знать, как он жил и до войны. Родился в небольшом волжском городке Вольске Саратовской губернии. В конце 20-х годов прошлого века окончил Московский институт водного транспорта и был направлен на Украину в Днепровское управление путей сообщения, в город Киев.

Работал на Днестре и Десне, проживая сначала в Чернигове, а потом в Киеве на Подоле — районном центре города. В конце 20-х годов был переведен в Академию наук Украины в должность начальника гидротехнического отдела академии.

По его проекту были выполнены гидротехнические сооружения на Днестре в районе Киева, предотвратившие отход русла Днестра от Владимирской горки там, где происходило крещение Руси. Эти сооружения до настоящего времени сохранили прекрасные днепровские пляжи Киева.

В 1932 году папу пригласили на работу в Ленинградский институт водного транспорта СССР, и он с семьей обосновался в Ленинграде в доме на улице Малойдетской, недалеко от Ленинградского Политехнического института. Можно сказать, в центральной части «старого города».

В 1938-м Министерство речного флота направило Плеханова С.М. как специалиста русловых работ в командировку на два года во вновь созданное Пермское Бассейное управление пути (БУП), располагавшееся в городе Молотов.

Так судьба свела папу с Пермью.

Отработав положенные два года, он вернулся в Ленинградский институт водного транспорта, где и застала его Великая Отечественная война.

И вот папа приехал к нам в Иваново. Жизнь понемногу налаживалась.

Время полетело быстрее. Но обстановка на фронтах становилась все мрачнее — немцы рвались к Волге и Кавказу, не забывая при этом Баку с его нефтяными приисками.

Папа после блокадной голодовки полностью оправился и сейчас представлялся коренастым мужчиной с крепкими мышцами. Он снова стал курить трубку, как это было принято до войны, и отрастил небольшие усы и бородку, которую также носил до 1941 года.

Папа списался с руководством Пермского Бассейного управления пути и получил от них вызов на работу с выездом в августе месяце.

Три недели ушло на оформление всех документов, сбор багажа и решения проблемы с деньгами.

Наконец в начале сентября мы выехали в Молотов.

Поезда ходили с остановками для пропуска воинских эшелонов, поэтому наш поезд прибыл на станцию «Пермь – 2» только через пять дней в середине сентября 1942 года.

Погода стояла хорошая. Когда я вышел на привокзальную площадь, простиравшуюся до небольшой речки, то немного растерялся. Вся она была усыпана палатками, вблизи которых копошились люди и в основном дети. Как потом выяснилось, это были беженцы с западных территорий страны, ждавшие жилье в городе или отправку в районные центры области.

Прошли годы, но мне хорошо помнится тот первый взгляд на город со ступенек вокзала «Пермь – 2», на площадь, на раскинувшийся лагерь беженцев, еще не нашедших приюта в жилых домах города.

А речка называлась Данилиха, и в ней текла чистойшая вода, в которой плавали небольшие косячки мелких рыбешек.

Ожидая пока приедет папа, я прошелся по тротуару вдоль трамвайных путей и ряда палаток. Впереди идущий военный летчик заинтересовал меня звоном, который от него

доносился. Обогнав его, я увидел, что весь китель летчика увешен орденами и медалями, а лицо обожженное и в шрамах. Это был герой войны, который просто шел со мной рядом, и которого я запомнил на всю жизнь.

Папа оставил нас на вокзале, а сам отправился в БУП — Бассейное управление пути.

Часа через три он появился на грузовичке ГАЗ-АА. Мы погрузились в кузов и отправились в гостиницу, расположенную в здании речного вокзала, по улице Ленина, застроенную частными, в основном одноэтажными домами с огородами.

Уже на следующие сутки мы имели крышу над головой и поражались, что на ночь не надо было занавешивать окна, соблюдая светомаскировку.

Поселили нас в гостиницу на речном вокзале, так как папа был «речником», и его вызвали в Молотов для работы в Камском Бассейном управлении пути.

В то время речной флот играл существенную роль в хозяйственной жизни страны, и состояние судоходных фарватеров рек Волги и Камы имело первостепенное значение. Пассажирские пароходы шли переполненными, даже палубы были заняты пассажирами с «палубными билетами».

Вереницей с интервалами шесть – восемь часов шли по Каме в низовья Волги и Центральную Россию плоты, вверх поднимались караваны нефтеналивных барж с топливом — река жила своей неповторимой жизнью.

Город удивил нас освещением в ночное время. Горели уличные фонари, окна домов не занавешивали светонепроницаемыми шторами, автомашины и трамваи были со светлыми окнами и фарами.

Папу назначили главным инженером Верхнее-Камского технического участка пути, который помещался в бывшей бане дома пароходчика.

В гостинице нам пришлось прожить почти неделю, пока не нашли комнату для временного жилья. Она оказалась в

доме №12 по улице Решетникова, принадлежащем бухгалтеру технического участка. В то время очень многие приезжие снимали комнаты в частном секторе, другого жилья в городе просто не было.

Меня записали в шестой класс школы №32, расположенной недалеко от Слудской церкви. Мимо нее я каждый день проходил в школу и очень удивлялся высоченному забору вокруг церковной территории и вышек с торчащими пулеметами, охраняемыми военными. И только спустя почти семьдесят лет услышал по телевизору, что в этой церкви в годы войны хранился почти весь золотой запас страны, вывезенный в 1941 году из Москвы.

Жизнь стала понемногу налаживаться.

6 «Б» класс школы №32 считался нормальным классом. Ребята были дружны и на переменах «хором» отдыхали. Новичков было немного, всего три школьника и я. Оказалось, что и они, и мы с близкими были эвакуированы как семьи военнослужащих. Наша четверка всегда была вместе: и на переменах, и по дороге домой. Это в какой-то степени злило остальных, пока не произошел один случай.

К одному из троих ребят на побывку приехал с фронта отец-летчик после госпиталя, в котором лежал с очередным ранением. Он пришел в школу и рассказал нам, как они воюют с фашистами на самолетах, двигатели которых сделаны на нашем заводе. После этих разговоров в классе отношение к нам, эвакуированным, стало значительно теплее, и местные мальчишки приняли в свои компании.

Мне очень интересно было осматривать незнакомый город, поэтому при каждом удобном случае, я ездил на трамваях, исследовал и запоминал окрестности.

Особенно поразила Мотовилиха, Городские Горки, на которых располагался городской аэродром. Там взлетали и садились самолеты У-2, позднее названные «По-2». Аэродром занимал значительную территорию: от улицы Ким до

улицы Старцева и от оврагов речки Егошиха до улицы Техническая.

Вдоль восточной стороны аэропорта на пустыре параллельно улице Техническая в 1941 – 1942 годах были построены одноэтажные бараки для прибывающих рабочих, в основном для завода им. Ленина.

Утром с остановки «Разгуляй» трамваи в Мотовилиху ходили переполненными, люди «висели гроздьями» на поручнях и даже у водительских дверей. Когда трамваи заходили в Разгуляе на разворотное кольцо, собиралось много желающих уехать на работу на завод им. Ленина. Для посадки оттягивали трамвайную дугу, и трамвай оттапливался. В это время на крышу забиралось десять – пятнадцать человек, садились и свешивали ноги к окнам трамвая. Дугу отпавляли на место, и трамвай начинал двигаться по назначению. Когда подъезжали к проходным завода, дугу снова отжимали от проводов, происходила «высадка пассажиров». Так ездили на работу.

У речного вокзала выше по течению Камы располагался испытательный пушечный полигон завода, на котором через промежутки времени производились пушечные выстрелы, и снаряды летели через Каму в сторону речки Гайвы. Стреляли «болванками» — снарядами, начиненными бетоном, поэтому взрывов не было, но звуки выстрелов раздавались регулярно днем и ночью.

В городе было очень много приезжих, которых легко можно было отличить от местных по говору и одежде.

Обстановка на фронтах усложнилась. Орды захватчиков рвались к Волге, к Сталинграду, оседлали перевалы на Кавказе. Об опасности передавали даже сюда, на Урал.

В Молотов на речной вокзал с Волги приходили пассажирские пароходы с ранеными. Надстройки пароходов частично были изрешечены и разбиты вражескими снарядами и авиационными бомбами.

На речном вокзале раненых перегружали в трамвайные вагоны, переоборудованные для перевозок носилок. Кто мог ходить, тех под руки провожали с пристани к трамваям. Трамваи поднимались в гору и подъезжали к военному госпиталю на улице Горького. Там шла разгрузка и «сортировка» раненых бойцов: кого на операционный стол, а кого сразу в госпиталь на поправку.

Госпитали были практически повсеместно, в основном в зданиях школ таких, как школа №9 на Комсомольском проспекте. Бойцов с легкими ранениями сразу отправляли для выздоровления в районные центры в Кунгур, Лысьву, Александровск.

Один из знакомых капитанов парохода рассказал нам, что они доставили недалеко от Сталинграда войсковую часть, а после подошли к берегу для погрузки раненых. В небе показались немецкие самолеты и начали их обстреливать, сбросили бомбу, но не попали. С берега ударила зенитная батарея. Самолеты развернулись и ушли в облака, больше их не видели. Закончили погрузку и поплыли вверх по Волге. По дороге немного подлатались и к себе на Каму бегом. Видели несколько потопленных пассажирских пароходов, много барж и буксиров.

Раненых с линии фронта вывозили пароходами до глубокой осени, пока река не покрылась льдом.

В Мотовилихе на заводе им. Ленина постоянно стреляли пушки на опытном полигоне, а в другом районе не переставая «обкатывали» авиационные моторы, и гул стоял такой, что за двести метров ничего, кроме него, слышно не было.

Город работал для фронта.

В доме, где остановилась наша семья, проживало еще четыре человека, из которых двое молодых парней работали на заводе Дзержинского. Он изготавливал боеприпасы. Ребята шестнадцати — восемнадцати лет сутками не бы-

вали дома, ночевали прямо у станков. Приходили измотанные и только спали, а затем снова на завод, и так неделя за неделей. Военное время.

Я освоился в школе. Появились друзья в основном среди детей эвакуированных родителей, которые жили в только что недостроенном пятиэтажном доме по улице Ленина. Его называли «Дом специалистов», так как проживали там вывезенные из Москвы работники какого-то министерства.

Негласно в школе образовалось два коллектива мальчишек: местные и приезжие. Сначала казалось, эти коллективы дружны, пока не произошла ссора, переросшая в «небольшую» потасовку. Она, в свою очередь, положила начало отчуждению между ребятами, а потом объединила их всех в тогдашнее понятие «слудские». В отличие от «городских», ходивших в другие школы.

Так мы, ребята школы №32, и превратились в один сплоченный коллектив. Вместе стали ходить в кино в заводском клубе на перекрестке Коммунистической и Осинской. Там проходил показ новых фильмов, в том числе иностранного «Три мушкетера». Очередь за билетами была огромная. Мы протискивались к окошку кассы «клином», отодвигали «городских» и покупали билеты по «своей» очереди.

Дело было в том, что билеты продавались в одни руки не более двух штук, а нас было человек двадцать — тридцать. Вот и придумали школяры это мероприятие, чтобы попасть в кино всем. По городу мы старались ходить не в одиночку, а группами. Так было спокойнее.

Через станцию «Пермь-2» в сторону Москвы постоянно шли воинские эшелоны из Зауралья, а обратно — санитарные поезда с белыми санитарными крестами на крышах, но и они иногда были в «заплатках», установленных, видимо, на ходу.

Когда мы с ребятами бывали на этой станции, молча провожали и те, и другие... На запад — с желанием тоже

уехать на фронт, на восток — с сочувствием и страданием.

Проходили дни.

С фронтов шли не очень радостные вести. Немецкие войска рвались к Сталинграду, Кавказу.

В городе начинали испытывать нехватку керосина для примусов и керогазов. Мне частенько приходилось стоять в очереди, чтобы купить три литра (только так тогда продавали) керосина для керосиновых ламп потому, что городскую сеть стали отключать от электроэнергии. Ее не хватало для заводов города.

Молотов. Январь 1943

Быстро и незаметно пришла зима.

Перед Новым годом нашу семью переселили в дом старшины бакенщиков на правом берегу Камы.

Он стоял в двадцати метрах от воды на небольшом берегу, возвышающемся над речной гладью. Дом принадлежал БУПу и находился напротив речного вокзала. Располагался в небольшом поселке речников, состоящем из дома бакенщика, дома старшины бакенщиков и жилого одноэтажного дома работников Верхнее-Камского участка пути. Дом был деревянным из бревен размером шесть на восемь метров и состоял из двух больших комнат, прихожей и просторной кухни. Старшину потеснили, нам выдали одну комнату. Нашу семью это устраивало.

Меня перевели в школу №5, которая находилась на правом берегу Камы недалеко от паромной переправы. А так как река замерзла, по ней все ходили по льду на работу пешком, а летом плавали в город на лодках.

Город жил своей жизнью. На рынках торговали пирожками с мясом, а в продовольственных магазинах стояли пустые полки и только то, что выдавалось по карточкам.

Перевод в новую школу серьезно отразился на моей учебе. Школа №5 числилась городской, а располагалась «за Камой». И это многое значило.

Большинство учителей жили в пристроенном к школе общежитии, некоторые приезжали из города.

Мне сразу понравился преподаватель военного дела, фронтовик, раненый еще в конце 1941 года и эвакуированный в госпиталь Молотова.

Поселение «за Камой» считалось городской территорией, но нравы здесь были свои «закамские». Я это понял, как только началась перемена. Ко мне подошли несколько учеников и сразу стали расспрашивать, кто я и откуда появился в школе. Услышав ответ, спросили: «С нами будешь или с «городом»? Мне эти вопросы понравились, и я сразу понял, что буду только с ними. На том и решил, и, как потом стало ясно, не ошибся.

Год подходил к концу.

С фронта шли общие сообщения, но слухи несли, что под Сталинградом идет жесточайшая битва, кто кого победит в этой войне.

И вот для всех ожидаемое сообщение Совинформ: «Наши войска приняли капитуляцию захватчиков под Сталинградом. Взяты два десятка генералов во главе с фельдмаршалом и тысячи пленных». Это радость для всей нашей страны.

Так закончился 1942 год.

В первых числах января с отчетом за прошедший год в БУПе был начальник управления Нижнее-Камского технического участка пути по фамилии Альфер, старый знакомый папы по работам в 1938 – 1939 годах.

Вечером они с Альфером пришли к нам домой, сели за стол и стали вспоминать прошлое. Я эту встречу запомнил, так как они обсуждали и радовались той победе, которую наши войска одержали под Сталинградом. Это была первая победа наших войск после изгнания фашистов от Москвы.

В январе 43-го была прорвана блокада Ленинграда. Бойцы двух фронтов, Ленинградского и Волховского, обня-

лись. Этому очень радовались в нашей семье, мы же ленинградцы.

После Нового года жизнь потекла своим руслом.

Наравне с военной у нас, мальчишек, была очень серьезная физическая подготовка. Поэтому в спортзале и на уличных занятиях, на лыжных переходах мы выкладывались сполна, уставали максимально. Домой, как говорится, «приволакивали ноги».

Незаметно пришла весна, наступило половодье.

Вода затопила берег около наших домов, и мы оказались на острове. Отец пригнал для меня маленькую лодку-долбленку, в которой я добирался до школы, там приковывал ее к береговому дереву цепью и шел на уроки, а когда они заканчивались, плыл обратно домой.

Долбленка была сделана из ствола громадного дерева и только по верхнему срезу обшита доской, на которой устанавливались уключины для весел. Она была очень юркой, могла вместить не более четырех человек. Благодаря этой лодке я после учебы и во время каникул плавал по Каме и вылавливал бесхозные бревна. Подгонял их и вытаскивал на берег. Потом обычной двуручной пилой пилил на чурбаны и втаскивал к своему дому. Когда они немного подсыхали, колот их на чурки и складывал в поленницу, заготавливая дрова на зиму.

Очень ранней весной коллектив технического участка предупредили, что к лету каждому, кто захочет, будет выделен в Заостровке земельный участок вскопанной земли для посадки картошки. Родители решили взять три сотки. Началась сборка посадочного материала. Он представлял собой вырезанные из клубней картофеля «глазки» будущих ветвей картофельной ботвы. Ко дню посадки мы набрали их почти два ведра.

Когда пришло время, нас с другими желающими отвезли в Заостровку на катере, и все «хором» приступили сажать картошку. Место это было выбрано там, где на берегу стоял

домик бакенщика, и бакенщики могли охранять территорию, когда картошка наберет «силу» и будет пригодна для копки.

Посадили быстро, а катера нет. И тут пришло сообщение, что он сломался, и выбираться с Заостровки нужно самим. Посоветовались, решили идти пешком до трамвайного кольца, которое было в километре или двух, поэтому вся «посадочная бригада» затратила на переход не более полчаса.

Так наша семья впервые ожидала урожай своей картошки. Я дважды ездил на трамвае ее окучивать, а убирали осенью в сентябре всей семьей.

Другой моей заботой было рыбачить. Напротив Пермского речного вокзала располагался пережат «Пермский». Он был обставлен бакенами. Со стороны правого берега была зона, куда баржи и суда не заходили из-за мелководья. Вот на этом мелководье я и ставил на ночь переметы, а утром снимал улов.

Взрослые рыбалкой не занимались, а только давали совет, как рыбачить. Отец пропадал на линии по несколько дней, а иногда и недель. Ведь у него под контролем была Кама вниз до пристани Бабка, а кверху — выше Березников, да еще притоки Чусовая и Обва, по которым шел массовый сплав леса, очень необходимого для фронта.

Так проходило лето 43-го года.

В моей семье к поздней осени стали ждать пополнение — брата или сестру. В середине октября у меня появилась сестренка, которую назвали Наташей в честь маминой старшей сестры, и мы стали жить вчетвером.

На фронтах дела пошли лучше.

В Молотове собрали добровольческую бригаду танкистов, вошедшую в состав Добровольческого танкового корпуса и отправленную на фронт. Провожали всем городом и давали наказ: «Бейте врага, пока он не сдастся!»

У меня появилась новая забота. Каждый день после школы нужно было ходить в молочную кухню около желез-

нодорожного моста через Каму и носить оттуда бутылочки с молоком для сестры.

Жизнь потихоньку налаживалась. Меньше стало прибывать в город раненых, но заводы работали с полной нагрузкой, перевыполняли установленные программы, о чем сообщалось по городскому радио.

1943 год медленно продвигался к концу.

Родители, понимая сложность жизни в военное время, нашли возможность дать мне просмотреть всю программу Театра оперы и балета, эвакуированного в Молотов из Ленинграда в начале войны.

Папа покупал билет «на галерку», и я в валенках и ватнике вечером бежал по льду Камы в театр. Смотрел там балет или слушал оперу, а потом ночью мчался по льду реки обратно. Этот репертуар ленинградского Театра оперы и балета я запомнил на всю жизнь.

В школе у меня были и радостные дни, когда я получал пятерки по военному делу, литературе, и печальные, когда были двойки по немецкому языку.

Большой неожиданностью для родителей было, когда я под Новый год принес домой билет ВЛКСМ и стал комсомольцем.

Наступил 1944 год.

Сестренка Наташенька росла и к лету должна была начать ходить, но это еще было впереди, а пока...

По выходным дням я придумал себе занятие. Не зря же почти целое прошедшее лето ловил плывущие бревна и готовил дрова на зиму. Когда родители увидели, что дров хватит, они еще и останутся, то разрешили мне продать часть на базаре в Разгуляе. И вот я в самые крещенские морозы укладывал на санки пять-шесть вязанок. В каждой такой упаковке было по пять поленьев (как тогда было принято продавать дрова), и в каждую упаковку я придумал докладывать пучок сухих лучин и бересту (кору березы), чего не делали другие продавцы.

Привозя на базар эти упаковки, я быстро продавал свои дрова, тут же покупал буханку коммерческого хлеба и молока для сестренки. Каждая упаковка стоила сто рублей, как и буханка хлеба.

В феврале 1944 года городским отделом народного образования (ГорОНО) был проведен зимний лыжный праздник. Все школы представили свои команды. Моя школа №5 тоже выставила команду из пятнадцати человек, в состав которой вошел и я.

Соревнования проходили на улице Карла Маркса. Старт был у «Дома чекистов» напротив входа в сад им. Горького. Трасса была проложена по огородам одноэтажных домов, выходящих на Карла Маркса, и дальше до улицы Чернышевского. Потом сворачивала к речке Егосихе, по ее долине доходила до кирпичного завода, а затем поворачивала назад. Всего ее длина составляла пять километров.

Собирая на соревнования, мама надела на меня ватные брюки и ватную курточку, другого ничего не было. Когда команды пришли на старт, судья, увидев ватные брюки, отправил меня на лыжах быть судьей на повороте по улице Чернышевского.

После соревнований всем участникам, и судьям в том числе, выдали талоны на покупку двух праздничных бутербродов с колбасой. Покупать эти подарки без продовольственных карточек можно было только в «Доме офицеров Пермского гарнизона», который достраивали пленные немцы. На первом этаже шла продажа бутербродов, а на втором и выше немцы вели отделочные работы. Так закончились эти лыжные соревнования.

Учебный год в школе подходил к концу, и надо было думать, что делать дальше — переходить в восьмой класс или идти в техникум.

На общем совете семьи было принято решение — мне идти учиться в восьмой класс. А что делать летом? И тут

возникла идея: почему бы в навигацию не плавать юнгой на землечерпательной машине? О создании штата юнг пришло указание из Министерства речного флота страны.

На том и решили: мне в августе 1944 года исполнится пятнадцать лет, а в юнги берут с четырнадцати, поэтому можно и юнгой. А с началом учебы в сентябре вернуться на берег и в школу.

1944. Юнга. Командир капитан Егоров

После принятия решения на совете семьи, что я пойду в юнги, мне нужно было пройти медицинскую комиссию в поликлинике водников, практически первую в своей жизни. Вывод комиссии: «в юнги годен».

Так весной 1944 года в моей жизни началась первая трудовая вахта в четырнадцать лет. Меня зачислили юнгой на землечерпательный снаряд «Камский-2», на котором командиром был Михаил Андреевич Егоров, изумительно порядочный человек и отличный хозяйственник, командир с большой буквы.

Первое знакомство с Михаилом Андреевичем произошло у меня в стенах технического участка, где начальник отдела кадров зачитал приказ по БУП о моем назначении юнгой с соответствующим довольствием в команду землечерпательного снаряда. Михаил Андреевич поинтересовался, что побудило сына одного из руководителей участка стать юнгой. После короткого разговора мы отправились на путейский причал, где стояла брандвахта землечерпалки, и с этого началась моя самостоятельная жизнь юнги-школьника. Я сразу был предупрежден командиром, что никаких поблажек на молодость не будет.

Землечерпалка работала на перекатах Камы, углубляла фарватер и построена была еще до революции за границей, но находилась в хорошем состоянии.

Меня определили по «нижней команде». Так называли работников, которые трудились в машинном отделении и судовой котельной. Возглавлял «нижнюю команду» пожилой главный механик, который трудился на этой землечерпалке с дореволюционного времени сначала кочегаром, затем масленщиком, потом стал механиком и главным механиком.

Вахту несли четыре через восемь. Четыре часа — вахта, затем восемь часов отдыха и снова четыре часа вахты. Так всю навигацию без выходных и праздничных дней.

Состав «нижней команды» состоял из трех смен, в каждой из которых были кочегар, масленщик, помощник механика и механик смены. В обязанность кочегара входило держать в котле, состоящем из двух топок, давление шесть атмосфер и периодически чистить от шлака первую топку, затем забрасывать в нее свежую порцию каменного угля. Как только уголь разгорится, начинать чистить вторую. Перед сдачей четырех часовой вахты обе топки должны быть чистые от шлака и заправлены свежим каменным углем. Такие были правила.

В обязанность масленщика входило внимательно следить за всеми трущимися деталями паровой машины, вовремя производить их смазку и заправку маслом масленок, а также следить за чистотой в машинном отделении.

Помощник механика стоял дежурным у пульта управления паровой машины и выполнял команды, передаваемые ему с капитанского мостика багермейстером. Команды передавались двумя способами: голосовыми распоряжениями по трубчатой системе и по телеграфу с помощью ручки управления и движения стрелки на циферблате.

Механик смены вел общее руководство сменой и при необходимости мог заменить любого из сменного состава.

Как юнгу меня передали в прямое подчинение главному механику, который должен был не только давать мне распоряжения, что выполнять на вахте, но и чему учиться. Тем более юнгой на этой землечерпалке я был один.

Форму мне не выдали, а вот тельняшку вручили, все остальное «как у всех». Продуктовые карточки, полученные для плавсостава, сдал старшему по камбузу. На брандвахте (плавучее общежитие) мне выделили каюту площадью три квадратных метра, в которой стояла тумбочка, кровать с сеткой против комаров и маленький шкафчик для одежды. Таких кают на брандвахте было около двух десятков, а остальные на четыре человека каждая. Тут же находились продуктовая кладовая, обеденный зал и кухня.

Мое обучение начали со знакомства с работой кочегара. Показали, как надо действовать совковой лопатой при заброске угля в топку ровным слоем, как острой пикой в свежем слое угля пробить щели, чтобы в топку поступил свежий воздух, и началось интенсивное горение. Воздух подавался воздуходувкой, у которой был регулятор. Когда уголь забрасывался в топку, воздуходувка могла подавать воздух на вторую топку или в две топки сразу, если уголь забросан полностью.

Для меня, которому раньше не приходилось часами работать лопатами, это было тяжелым трудом, и после четырех часов вахты руки «отрывались» от усталости. Но я понимал, что «тяжело в учебе, легко в бою», и поэтому часами учился забрасывать уголь в топки с точностью до десятка сантиметров. Было нелегко, но этому нужно было научиться, и я учился.

Кочегары были опытными работниками, не первую навигацию плавали на землечерпалке и всячески помогали мне освоить свою первую профессию кочегара. После каждой вахты мы забирались в душ, смывали черную угольную пыль, переодевались в чистую одежду. Рабочую стирали, полоскали и вешали в сушилку до следующей вахты.

Так началась для меня трудовая жизнь юнги.

После каждой вахты в столовой всех вахтенных ждал обед и обязательно из трех блюд с компотом в конце.

Первый месяц юнга выходил на вахту только с восьми утра до двенадцати дня, а затем капитан распорядился, чтобы юнга еще работал с шестнадцати часов до восемнадцати вечера — всего шесть часов в сутки. Такое расписание сделано было с моего согласия, чтобы я привыкал к работе.

Дни полетели незаметно, пошел июль 1944 года. Я освоился кочегаром, и меня перевели масленщиком.

Сложность работы масленщика заключалась в том, что смазывать приходилось механизмы без остановки их работы, а это довольно-таки опасное действие. Нужно было уловить момент и полить из переносной масленки трущиеся детали маховиков паровой машины. И так все время в течение вахты. Интервал между поливками зависел от частоты работы всей землечерпалки. Если она работала на полном ходу, то смазывать приходилось довольно часто, а если у нее были перерывы в работе, то соответственно и смазывать нужно было реже. Обычно они бывали в то время, когда очередная шаланда была полностью нагружена, и ее отводили от черпаковой цепи, а на ее место «пароход-шаландер» устанавливал пустую для заполнения.

Постепенно я втягивался в жизнь коллектива землечерпалки, среди которого было много женщин. Они работали поварами, коками, масленщиками, матросами на шаландах и вахтенными на брандвахте.

Коллектив был дружным, сработавшимся за годы войны. Всю навигацию работали без выходных, а зимой использовали отпуск и выходные за навигацию.

Особое мое внимание привлекли правила общения в коллективе — доверительное отношение к молодым работникам и требовательность в выполнении своих обязанностей всеми членами команды. Указания и команды командира Михаила Андреевича Егорова выполнялись безоговорочно и всегда в установленные им сроки.

Однажды я был вызван к командиру Егорову, и тот дал мне указание взять его командирскую шлюпку и на ней сплавить на пристань в пяти километрах от разрабатываемого землечерпалкой переката, чтобы доставить туда диспетчеру сводку выполненных за сутки работ для передачи в управление технического участка пути.

Работа была знакомая. Туда до пристани нужно было подниматься на веслах вдоль правого горного берега, а обратно — самосплавом по течению Камы до брандвахты.

Все шло нормально, я передал сводку по назначению, а вот обратно возвращаться пришлось тяжелее. Поднялся низовой сильный ветер, волны быстро превратились в белые буруны, и лодка с большим трудом стала двигаться в заданном направлении. Мне ничего не оставалось, кроме как подгребсти к берегу и медленно пытаться все же плыть к брандвахте вдоль него. На это ушло почти два часа, и когда уже показалась брандвахта, ко мне подбежали три матроса и общими усилиями лодку пришвартовали к борту брандвахты.

Оказалось, командир очень переживал, что отправил юнгу, и дал команду встретить меня и оказать помощь, что и было выполнено, а мне была объявлена первая в жизни благодарность за проделанную работу.

В свободное от вахты время многие из команды, особенно «нижней», занимались рыбалкой. Пойманную рыбу отдавали в колпит (коллективное питание) для общего пользования.

Как-то раз главный механик пригласил несколько свободных от вахты матросов и меня сходить на старицу Камы с большой сеткой — бреднем.

Это было на Средне-Мушкаринском перекате. В этом месте пойма Камы была очень широкая, и на ней были заливные луга со старицами. Старицами называются старые русла реки, которые отсоединены от действующего русла, перегонами — обмелевшие части поймы. Как правило, в

старицы во время половодья заходит рыба, которая и остается там жить, но чаще всего в ней бывает много карасей и карпов.

Главный механик очень хорошо знал рыбные места и повел нас в недалекую старицу. Она имела длину около двухсот метров, ширину до двадцати метров и среднюю глубину до трех метров. Была с заросшими кустарником берегами и песчаными пляжами в начале и конце.

Невод забросили быстро. Разделившись по два рыбака, тянули бредень по пояс в воде вдоль правого и левого берега, чтобы обойти кустарники. Механик руководил нашей командой и иногда ударял в воду боталом — специальной снастью для загона рыбы в бредень.

Половину старицы прошли быстро, бредень тянулся довольно легко. А потом тянуть стало тяжелее, и чем ближе мы подходили к концу старицы, трудность все усиливалась. Еле-еле дотянули до конца, а когда стали вытягивать бредень на пляж, поразились, какое количество рыбы в нем было.

Механик послал гонца на брандвахту за мешками и помощью. Часа через два вся рыба была на камбузе.

Командир Егоров решил, что делать дальше. Быстро вымыли дубовые бочки, каждая по десять ведер, и дружно всей свободной от работы командой засолили выловленную рыбу. Ею вся команда землечерпалки кормилась почти две недели. Это было хорошее подспорье в коллективном питании — колпите.

Это время научило меня жить и работать с людьми разных возрастов и взглядов, но самое главное — уважать тех, с кем работаешь в одном коллективе, будь то рядовой матрос или механик с громадным опытом работы.

Совсем незаметно прошли три месяца навигации, и скоро нужно было возвращаться в школу в восьмой класс.

Из всего прошедшего мне ярко запомнилось то, как я, юнга, по просьбе главного механика почти неделю вы-

полнял работу взрослого кочегара, заменяя положенного в госпиталь.

Для четырнадцатилетнего юнги этот труд был тяжелым, когда за четыре часа вахты надо было забросить в топку почти две тонны каменного угля, а затем вынуть из нее огнедышащий шлак и перебросить в бункер. Но я справился с этой работой.

В сентябре закончилась моя трудовая вахта. В трудовой книжке появилась первая запись с датой август 1944 года.

Особенно хорошо отложился в памяти последний день на землечерпалке. Во время войны на техническом флоте был введен порядок, по которому в конце навигации коллектив землечерпалки заготавливал для себя дрова на зиму. Для этого по согласованию с «Камлесосплавом» определялось, где этих дров можно было набрать. Устраивали вроде субботника, и всем коллективом производили эти заготовки.

Как правило, на эти цели выделялись заброшенные топляки, занесенные течением в береговые затончики, и по этой причине не учитываемые работниками «Камлесосплава». Иногда таких топляков скапливалось по берегам до десятка кубометров.

Вот тут и годился коллективный труд матросов земснаряда, вооруженных пилами и небольшими лебедками. Бревна пилились на метровые дрова и складывались на завоzni, а затем завоzni перегонялись к небольшой барже, дрова перегружались на нее. Баржа в составе каравана уходила в затон на зимовку, с которой потом их развозили по домам.

Завозней называлась большая четырехвесельная лодка, на которой был выполнен настил с установленной на нем ручной лебедкой, поднимавшей и опускавшей на дно якорь. Завозни предназначались для перестановки боковых якорей при передвижении земснаряда по трассе подводного канала, разрабатываемого речного переката.

Когда командир объявил аврал по добыче дров, все свободные от вахты и несколько матросов, находившихся на

вахте, собрались и отправились пилить дрова, а на работающей землечерпалке остался только минимальный состав работников. Из «нижней команды» остались кочегар и сменный механик, роль которого выполнять поручили мне.

Это была самая ответственная вахта в моей жизни. Работающая паровая машина, переговорное устройство с багермейстером, который командовал на верхней палубе погрузкой грунта в шаланду, и больше никого. В кочегарке возился кочегар, и я тоже обязан был следить за его работой, главное — чтобы давление в котле было на расчетном уровне, и паровая машина работала на заданную мощность. Так продолжалось «долгие» три часа, пока команда не вернулась с «лесоработок».

Я был вымотан, но страшно доволен — справился с заданием, и это было счастье.

Практика самостоятельной жизни пригодилась мне при выборе жизненной дороги, чтобы не только работать, но и понимать окружающих и прощать им допускаемые ошибки во имя жизни.

Я отлично запомнил, как командир земснаряда «Камский-2» Михаил Андреевич Егоров руководил коллективом, для которого дисциплина и обычные человеческие отношения были основой в трудовой деятельности.

За все дни, проведенные с ними, я ни разу не слышал о Егорове негативного слова. Ежедневные оперативные совещания, которые проводил командир, настраивали людей работать во имя победы над врагом.

Доброе отношение Михаила Андреевича к своим подчиненным не значило, что он был нетребовательным руководителем, наоборот выполнение суточных заданий всегда были для него тем стимулом, на котором строились все отношения по работе. Особенно он контролировал обеспеченность нас удовольствием и выполнении нормальных бытовых условий.

Расставаясь с Михаилом Андреевичем, я был благодарен ему и запомнил его на всю жизнь, как и его методы ра-

боты с подчиненными, в каждом из которых он видел в первую очередь человека с особенностями характера и возможностями выполнять порученную работу. Не кричать на подчиненных, а внимательно выслушивать их объяснения в случае невыполнения порученных заданий. Принимать правильное решение, не оскорбляя достоинство работника, а давая четко понять, что и как он обязан делать на трудовой вахте и в обычной бытовой жизни.

Ближе к осени «Камский-2» работал на Нижне-Мушкаринском перекате. Невдалеке работала бригада рыбаков одного из оборонных предприятий Казани, заготавливала для своего предприятия соленую рыбу.

Пойманная рыба сортировалась по наименованию и засаливалась в громадных дубовых бочках, помещенных в ямы с протекающей родниковой водой. После засолки рыба, вынутая из такой бочки, была настолько качественно засоленная, что если посмотреть ее на свет, была почти прозрачной.

Как-то вечером к командиру Егорову пришла делегация от рыбаков с просьбой дать на день и вечер шлюпку с гребцом для заброса невода, так как принадлежащая им шлюпка разбита.

Михаил Андреевич всегда беспокоился о дополнительных продуктах для своей команды, поэтому согласился, тем более, что рыбаки обещали «не обидеть» с уловом.

Командир вызвал меня и с моего согласия дал добро на работу шлюпки для рыбаков. На следующий день с утра я на шлюпке поступил в их распоряжение.

Утро было тихое, солнечное — осень готовилась вступить в свои права. Рыбаки собрали снасти и отправились на нижний плес для заброса невода. Он оказался огромным, почти двести метров длины и в два метра ширины с большим «кошелем». Для его заброса и понадобилась дополнительная лодка. Основная часть невода лежала на большой

волжской лодке с четырьмя гребцами, а на мою лодку положили одно «крыло» невода, и пересел один рыбак.

Начали заброс, все шло нормально, потом стали притонять невод к берегу. Улов оказался, по мнению рыбаков, средний. За день сделали четыре заброса, каждый раз спускаясь на четыреста-пятьсот метров ниже по течению Камы. Наступал вечер. И когда сделали последний заброс и подняли улов, он превзошел все ожидания. Как сказал бригадир рыбаков, такого улова еще не было в этом году. Основная лодка-волжанка была нагружена полностью, а когда подняли и уложили невод, ее борта всего на двадцать пять-тридцать сантиметров возвышались над водой.

Погода тем временем ухудшилась. Подул низовой ветер, небо закрылось тучами, и на реке появились небольшие волны.

Рыбаки стали собираться домой, вверх по Каме восемь — десять километров до своей базы. А ветер быстро крепчал, небо заволокло черным, начался шторм с ливнем. Лодку с неводом и уловом рыбы стало захлестывать волнами. Рыбаки сидели на веслах и даже подняли небольшой парус, чтобы легче было двигаться против течения реки.

Бригадир распорядился и пересадил меня в свою лодку — пришлось вычерпывать ведром воду из волжанки, а мою лодку привязали к ней.

Медленно, но уверенно большая лодка пошла к базе рыбаков. К полночи все были на берегу и начали перегружать улов.

Утром бригадир вынес хорошую порцию улова и, поблагодарив меня за оказанную помощь, отправил с письмом на брандвахту.

Там меня уже ждали и сразу отвели к командиру, который расспросил, почему я не вернулся вечером. Когда Михаил Андреевич все узнал и прочитал записку бригадира ры-

баков, осмотрел улов и остался доволен. А мне объявил благодарность.

Вернувшись на берег после трехмесячного плавания, я стал более уверенным в себе. Начал лучше понимать людей и совершенно по-иному воспринимать родных и близких родственников — они стали моей заботой и большей ответственностью.

Не успела осень набрать силу, как в конце сентября от руководства БУПа пришел приказ перевести папу в Сарапул на работу в Нижне-Камский технический участок пути.

Сборы были недолгими. На нижнюю Каму шел разрезной пароход БУПа, на нем наша семья перебралась в Сарапул, в котором работал папа в 38-м и 39-м годах, организовав Нижне-Камский технический участок пути БУПа.

Квартиру нам выделили в доме недалеко от пристани и здания технического участка, на высоком камском берегу. Вид из окон был прекрасный на заливные луга левого берега и просторы камской поймы, заросшей деревьями, через которые просвечивали местами зарастающие старицы русла.

В школу я был записан в мужскую. Оказывается, в Удмуртии уже два года работал принцип создания раздельного образования для мальчиков и девочек, и школы были разные: «мужские» и «женские». Это стало новостью для меня.

На первом же комсомольском собрании меня избрали в комитет комсомола школы и поручили как бывшему юнге вести сектор военно-воспитательной работы, а через неделю пригласили в ГК ВЛКСМ и предложили организовать в школе кружок по изучению пулемета «Максим». Я согласился и уже через три дня катил по улицам Сарапула пулемет в учебном варианте. Прохожие останавливались и с удивлением рассматривали школяра, катившего пулемет.

Начались школьные будни 1944 года. С тех времен мне запомнился случай, который произошел со мной в февра-

ле месяце. На уроке письменного языка было дано задание написать сочинение на произвольную тему, кто какую хочет.

Я написал на тему «Солдаты» и неожиданно через несколько дней был вызван к директору школы, который с удивлением разглядывал меня и расспрашивал, кто я и откуда. А потом сообщил, что мое сочинение отправлено в ГорОНО на конкурс сочинений года. Проходит еще неделя, и меня вызывают уже в ГорОНО. Там тоже идет «допрос», откуда я появился в Сарапуле, а потом мне заявляют, что мое сочинение заняло первое место в городском конкурсе и будет зачитано на общегородском собрании школьников в марте.

Сочинение было о солдатах, прошедших войну с первых дней отступления и до победы под Москвой, Сталинградом, Курском. Мне сказали, что сейчас наши в Германии и наступают на Берлин.

Многие учителя давали мне совет: «Занимайся серьезно писательством», а мне больше нравилось быть просто школьником.

Доставленный мной в школу пулемет «Максим» хранился в кабинете военного дела, и его изучали на уроках и в кружке «Юный пулеметчик».

Заканчивался март.

Все ожидали, когда же кончится война. Уже восстановлены восточные границы СССР, война перекадилась на территорию Германии. Бои идут с невероятной скоростью, наши войска громят фашистов в их логове.

Наступил апрель.

Ученикам было объявлено, что после завершения учебного года восьмые классы будут направлены на два месяца на летние практические занятия по военному делу в центральный учебный центр Удмуртии, расположенный около Ижевска.

На территории учебного центра где ранее располагалась база резервной дивизии Красной Армии. После ее ухода на запад все помещения освободились, и их заняли под учебный центр подготовки школьников. Было создано два батальона: первый — школьники Ижевска, второй — школьники со всей Удмуртии. Каждый батальон имел три роты, в роте — три взвода, в каждом взводе — четыре отделения по десять — двенадцать «бойцов»-школьников восьмого класса.

В те годы в школах преподавали военное дело с шестого класса, в восьмом военрук учил нас, как надо ходить в разведку, как правильно маскироваться наблюдателям на поле боя, а когда надо в штыковую атаку, то каким приемом обезоруживать противника и брать его в плен. Уметь выкопать боевую ячейку, как учили, «окопаться» на поле боя, и как соорудить землянку на несколько накатов на передовой линии фронта.

Мы все стремились быть бойцами Красной Армии, поэтому внимательно слушали своего военрука, бывшего капитана пехотинца, раненого еще в 1943 году. Осколком ему выбило левый глаз, и он ходил со «стеклянным», ученики его очень любили и уважали за те знания, которые он нам передавал, испытал их на себе в боях на фронте.

Летом мы должны были пройти на практике школу молодого бойца.

С каждого, кто должен был по состоянию здоровья пройти практикум военного дела, сняли размеры одежды и обуви, так как с приходом в учебный центр мы должны были носить военную форму.

Незаметно прошел апрель, и уже первого мая все ждали окончания войны...

Восьмое мая запомнилось мне как пасмурный, дождливый день, но к ночи тучи рассеялись и ушли куда-то за Каму.

Весна 1945

Девятого мая в Сарапуле день выдался теплым, безветренным, солнечным.

Утром радио оповестило: «Война закончена. Мы победили!»

Сначала улицы были пустынные, а затем высыпал народ. Все были возбуждены, многие плакали. К полудню появились гармошки, началось всеобщее ликование. Перед зданием городского Совета возник стихийный митинг: на трибуны поднимались все, кто хотел сказать Армии «Спасибо».

Особенно много было выступавших с предприятий, расположенных в Сарапуле, готовивших фронту оружие и продовольствие. От госпиталей выступали раненые бойцы и командиры, которым медики разрешили выйти на улицу.

Торжество шло по городу.

В Сарапуле была школа младших командиров — пулеметчиков, ее курсанты вышли строем на главную площадь со знаменем и оркестром. Там начались танцы, предприятия города и школы прекратили работу и занятия. Улицы заполнились самодельными лозунгами «Мы победили!».

Всех, кто был в военной форме на улицах города, окружали и подбрасывали вверх. Так длилось два или три часа, потом народ стал расходиться по домам и предприятиям.

Вечером на главной площади был салют в честь Победы. Палили из ракетниц.

Вечером на улицах устроили танцы с приглашением курсантов школы младших командиров, которые по возрасту были только на год старше наших десятиклассников.

Заканчивался первый день мирной послевоенной жизни поздно за полночь, начинались будни мирной жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ: 1946 – 1949

Чистополь. Школа. Дальний Восток

Осенью 1946 года технический участок пути перевели из Сарапула в Чистополь — небольшой камский город, который до войны имел только затон для отстоя речных судов в зимнее время и небольшой судоремонтный завод с прибрежным поселком для населения. Во время войны в нем проживало много эвакуированных, работающих на тоже эвакуированных некрупных промышленных предприятиях.

Нас с другими семьями работников Бассейнового управления погрузили на брандвахту и в течение недели переправили в Чистополь.

Началась жизнь на новом месте.

Средняя школа №1 находилась почти в центре Чистополя в одноэтажном здании с печным отоплением и туалетами в дворовой части. В ней учились только школьники восьмых и десятых классов со всего города. С первого до седьмого классов ученики занимались в районах города, в школах с начальной системой образования.

Я жил недалеко от речной пристани, которая располагалась на расстоянии не менее двух с половиной километров от центра города, а до школы необходимо было пройти около трех километров. Так каждый день до нее утром и вечером обратно я проходил до пяти километров. А если в школе были вечерние, спортивные или другие общественные занятия, то ежедневные «походы» составляли до десяти километров по улице и овражкам Чистополя.

Школа №1 считалась образцовой, и занятия в ней начинались с утренней зарядки всех учащихся в главном холле. Явка была обязательной. Преподавание велось на рус-

ском языке, состав учащихся — все национальности, которые проживали в те годы в Чистополе.

Уроки в школе всегда были ответственным занятием. Для ребят это математика, физика и химия, девушки больше увлекались русским языком и литературой. У мальчиков были занятия по военной подготовке, а у девочек по домашнему хозяйству.

Учеба давалась мне относительно легко, и оставалось достаточно времени, чтобы начать заниматься спортом: лыжами, боксом, спортивной гимнастикой, а в летнее время — плаванием. В 1947 году на Республиканской спартакиаде школьников я стал чемпионом Татарской АССР по плаванию стилем кроль на сто, двести и четыреста метров. Но основным моим спортивным увлечением была спортивная гимнастика.

Послевоенное поколение молодежи в своем большинстве хотело быть военными специалистами и выступать защитниками Отечества. Поэтому после 1946 года при школе организовали спортивный отряд Казанского парашютно-планерного аэроклуба ДООСАФ, в который записались многие учащиеся, в том числе и я.

Занятия отряда проводились в физкультурном зале школы, где нас учили складывать парашюты: правильно укладывать стропы в ячейки и готовить парашют к раскрытию во время прыжка с самолета. После теоретических занятий начались практические по прыжкам с парашютом.

Они выполнялись на застывший лед Камы. Курсанты расчистили от торосов на льду реки взлетно-посадочную полосу для самолетов «ПО-2». Из Казани в Чистополь прилетели два таких, автотранспортом доставили несколько десятков учебных парашютов. Прибыла и группа инструкторов для сопровождения практических занятий.

Всех курсантов разделили на четыре группы по двадцать человек в каждой, что соответствовало количеству привезенных учебных парашютов.

Практические занятия начинались с так называемой «обкатки». Курсант садился в кабину «ПО-2» на место первого пилота, а ведущий пилот — на второе место. Самолет взлетал и делал два круга над временным аэродромом на высоте пятьсот – шестьсот метров. Затем производил посадку, после выполнения которой курсанту засчитывался практический урок под названием «облетка».

На следующее занятие мы приносили на ледовый аэродром парашюты и выполняли прыжки. Каждый прыгал со «своим» собранным и принесенным парашютом.

Всего по курсу обучения нужно было выполнить четыре учебных прыжка и пятый зачетный, после которого курсант получал удостоверение с присваиваемым званием «Боец-парашютист».

Такое звание получил и я, документы об этом храню «навечно».

В год окончания школы в СССР был введен аттестат зрелости, необходимый для поступления в высшее учебное заведение страны.

Так для меня закончился этап среднего образования.

А в 1948 году вместе с тремя друзьями я отправился на Дальний Восток поступать в Высшее военно-морское училище во Владивостоке.

Для поступления необходимо было пройти три медицинских комиссии: районную, городскую и республиканскую. Зная, что левый глаз имеет небольшие отклонения от принятой нормы, я с помощью друзей благополучно миновал все эти комиссии и был направлен в училище.

Такую же «операцию» друзья провернули и с другим участником поездки, Петром Потасьевым, который был заядлым игроком в футбол и имел «незначительное расширение сердечной мышцы».

В Казани был сформирован республиканский отряд допризывников в количестве до двадцати пяти человек, желаю-

щих учиться в Высшем военно-морском училище, во главе которого были поставлены лейтенант и старшина. Отряд погрузили в железнодорожный пассажирский вагон и отправили на Дальний Восток.

Проводы были торжественные. Представители военкомата пожелали нам благополучной дороги и напутствия «быть моряками».

В те времена дорога из Казани до Владивостока занимала от десяти до четырнадцати суток с пересадками в Новосибирске и Иркутске.

Наш отряд разместили в одном общем вагоне, а нас, четверых друзей, в одном отсеке. Ехали весело, гражданских пассажиров было немного, и мы сразу нашли с ними общий язык. На остановках «хором» ходили смотреть вокзалы. У Сарпула пересекли Каму, а затем и Уральские горы. В Свердловске простояли почти сутки, потом Тюмень, Омск и Новосибирск.

В Новосибирске прожили сутки на вокзале, затем нас погрузили в состав, состоящий из пригородных вагонов, и вот мы снова в пути.

Тогда в средней школе, начиная с шестого класса, проходили военное дело, а, оканчивая десятый класс, школьники были полностью готовы к несению воинской службы: мы знали пехотный устав, умели ходить строем, владели саперной лопаткой и вслепую могли разобрать и собрать боевую винтовку. После окончания восьмого класса учащиеся, имеющие допуск по здоровью, проходили двухмесячные военные сборы. Нас передевали в солдатские сапоги и форму б/у, собирали побатальонно, и мы на практике изучали борьбу в обороне, в наступлении, в походе, как и многое другое, и, конечно, четко знали воинскую дисциплину. Поэтому когда ехали на Дальний Восток, она у нас была строгая, и мы безоговорочно выполняли «советы» сопровождавшего нас старшины.

До Иркутска добрались благополучно, а затем нас снова «перегрузили» в обычный пассажирский вагон с названием «воинский». Вместе с нами, призывниками, в нем оказались матросы с Тихоокеанского флота, возвращающиеся с отпусков. Мы слушали их рассказы о вахтах и походах, раскрыв рот. Мы готовились стать моряками.

В те годы железнодорожный путь проходил вдоль кромки Байкала и через шестьдесят четыре тоннеля разной длины. Погода была жаркая, и многие наши «коллеги» для охлаждения вылезли на крышу вагонов и там «встречали» тоннели.

Впечатления от увиденной природы были изумляющие. С одной стороны железной дороги — горы, с другой — простор Байкала и петляющая вдоль кромки воды железнодорожная ветка «однопутка». На каждой остановке — разъездные пути со встречными составами, и так вдоль всего Байкальского пути.

На одной из остановок мы кинулись искупаться в Байкале. Прыгнуть в воду прыгнули и сразу же вылетели назад. Вода-то холоднющая, для нас непривычная. Пока согревались, увидели втекающий в Байкал ручеек, а в нем — немалое количество раков. Сбегали, притащили котелок и наловили их полный, крупных, черных.

Раков отдали проводнице, а одного подкинули под одеяло спавшей в соседнем вагоне девице, ехала в Улан-Удэ. Через время раздался визг на весь состав, но мы были «не причем» — сам залез.

До Читы добрались без конфликтов и приключений, а вот когда проезжали Еврейскую А.О. на станции Бира недалеко от Биробиджана, пока мы ходили на вокзал, у одного из матросов украли чемодан, в котором и было-то всего тельняшка да флотские брюки клеш. Он ехал из отпуска налегке. Матросы сорвали стоп-кран, состав остановили, вора на перроне поймали, привели к вагону и «серьезно» с ним по-

говорили, чтобы до конца жизни знал — чужое брать нельзя. Затем погрузились и поехали дальше.

В Хабаровске снова пересадка — всех пассажиров нашего состава перевели в грузовые вагоны, переоборудованные для перевозки воинских подразделений. В каждом вагоне проводник на раздвижных дверях и нары в два этажа с проходом посередине, туалет на остановках. Мы думали, что до Владивостока оставалось менее суток, а проехали почти трое.

Поздно ночью состав прибыл на перрон вокзала Владивосток. Разгрузились, построились в колонну по четыре и двинулись на Черную речку в училище.

Оно встретило нас приветливо: сначала в баню, потом в столовую и казарму на койки в два яруса. «Матрасы, белье получите... получите завтра».

На следующий день нам на утреннем построении сообщили распорядок дня, дату медицинского осмотра и начала вступительных экзаменов. Разрешили совершить выход в город Владивосток, и наша четверка отправилась его осматривать.

Для начала поехали на пляж бухты Золотой Рог. Как нашего волжского или камского, пляжа там не было. Был настил и через десять метров душевая кабинка. Мы сначала не поняли, для чего она на пляже, а потом сообразили... вылезаешь из воды, обсохнешь и весь покрываешься белыми соляными звездочками — вода-то соленая. День пролетел незаметно.

На следующий день начался медицинский осмотр. Прошли все нормально, мы с Петькой потирали руки: «Вышло!» Мой глаз не заметили, его сердечное расширение — тоже. Нас отпустили до вечерней проверки.

Недалеко от казармы училища на высокой горе располагался заброшенный полуподземный бастион, построенный еще до революции. Мы с приятелями обошли его со сторо-

ны севера и нашли тоннель входа в боевые бетонные башни. Из их бойниц просматривался не только вход в бухту, но и часть города.

Вечером неожиданно в наш кубрик зашел дежурный офицер и озвучил список приехавших допризывников, которым надлежало явиться на следующий день в госпиталь училища для уточнений диагноза медицинского обследования, в том числе была названа фамилия Петра и моя.

Приказ — есть приказ, его надо выполнять. Утром мы с Петей явились в госпиталь. Всех вызванных развели по разным кабинетам, а затем собрали в общем зале и каждому сообщили, по какой статье нас не могут принять курсантами училища по состоянию здоровья. Тут же выдали проездные билеты на возвращение в свой допризывный пункт, медицинскую справку о состоянии здоровья и продовольственный аттестат, по которому на железнодорожных станциях можно было получать еду.

Так уже на следующий день мы с Петром ехали в поезде, возвращаясь в Чистополь.

Во Владивостоке оставались наши друзья Юрий Ильин и Борис Соколов, которым предстояло сдать вступительные экзамены в Высшее военно-морское училище.

Как стало известно потом, Юрий Ильин не захотел оставаться во Владивостоке и перебрался в Молотов, поступил в Среднетехническое военное училище, готовившее специалистов для ВВС Северного военного округа.

Обратная дорога для нас с Петром была тоже полна неожиданностей. В Новосибирске мы познакомились с сибирячками, которые активно звали нас поступать в Новосибирский политехнический институт на стройфак. Но мы решили ехать домой, а там видно будет.

В Омске весь состав снова пересадили в товарные вагоны и направили в Свердловск через Курган. На остановках в степях перед Курганом мы увидели группы охотников, обве-

шенных своими охотничьими трофеями — утками. Раньше такого количества трофеев нам видеть не приходилось.

В Свердловске нас опять посадили в вагоны, и до Казани мы доехали без приключений. А вот уже на вокзале в Казани нас остановил наряд милиции и потребовал предъявить документы. Документы были в порядке, перед нами извинились, и мы направились на пристань на Волге, чтобы перебраться в Чистополь.

Год пионервожатым

По возвращении в Чистополь наши с Петром судьбы разошлись. Он уехал в Казань к родственникам, а я получил «белый билет» и остался ожидать приема в высшие учебные заведения следующего года, так как прием заявлений по всей стране был закончен.

Чтобы время не пропадало даром, устроился работать пионервожатым в городской детский дом, в котором воспитывались дети, потерявшие родителей в Великой Отечественной войне. Одновременно начал ходить в вечернюю школу рабочей молодежи на дисциплины, необходимые для сдачи при поступлении в институт.

Пионервожатый... как это? Быть им для меня оказалось в новинку.

А началось все с неожиданной встречи с моим бывшим учителем физкультуры. У него я тренировался по многим видам спорта: плаванию (в девятом классе стал чемпионом Татарии среди школьников), боксу (в котором научился уходить от ударов противника), легкой атлетике (был чемпионом среди школьников города Чистополь по прыжкам в длину, высоту и бегу на двести метров) и, конечно, по спортивной гимнастике (которой впоследствии и отдавал предпочтение), не забывая при этом бег на лыжах (спускался с камских крутых берегов, изображая слалом).

Учитель пожаловался мне, что некому вести уроки физкультуры в городском детдоме и привел к директору. Принять преподавателем физкультуры вчерашнего школьника, хотя и имеющего четыре значка по разным видам спорта третьего Всесоюзной разряда, было невозможно. А вот пионервожатым, как директор сказал, — «с удовольствием».

Так началась моя трудовая деятельность пионервожатым.

Детдомовские ребята очень быстро приняли меня «в свою семью» и не только потому, что им нравилось заниматься физкультурой, но и благодаря отношению, с которым я как «молодой преподаватель» относился к своим ученикам.

В основном это были ребята с Украины и Белоруссии, которые в первый год войны потеряли родителей и родственников. Их подобрали на дорогах войны случайные добрые люди и определили в детские дома, эвакуированные вглубь России. Так этот детский дом оказался в Чистополе и остался в нем на весь период войны. Новых детей после окончания войны в этот детский дом практически не поступало, и когда воспитаннику наступал восемнадцатый год, его выпускали в самостоятельную жизнь.

Детский дом находился всего в одном квартале от средней школы, в которой я учился ранее, и «по старой памяти» постоянно туда ходил, так как в школе занимался не только спортом, но и художественной самодеятельностью, и даже выступал в школьном ансамбле с пением, в том числе дуэтом и трио. Как говорят, вел активную жизнь и давал хорошие надежды быть не только артистом, но и писателем.

Еще в седьмом классе мои классные сочинения на произвольную тему зачитывали на школьных и городских собраниях. Оценки за них были очень разнообразные: за содержание ставили «пять с плюсом», за написание — «единицу с минусом». В моих сочинениях бывало по тридцать — сорок грамматических ошибок, которые я самостоятельно исправить не мог, считая написание правильным.

На одном школьном драматическом спектакле со мной произошел казусный случай, о котором потом неделю гудела вся школа.

Я исполнял роль пожилого человека, и у меня был всего один выход с небольшой репликой в адрес героя спектакля. На первом просмотре как обычно в гримерной комнате мне приклеили пышные усы и выпустили на сцену. Какое же было мое удивление, когда в зале после моего выхода раздались крики: «На сцене Горький!» Действительно, приклеенные пышные усы изменили лицо, и я на девяносто девять процентов стал похож на знаменитого писателя Максима Горького.

Руководитель школьного драмкружка тут же распорядился: «Михаилу пышных усов никогда не приклеивать». Тем дело и кончилось, но ребята потом еще долго окликали меня: «Горький, подожди!»

При встрече нового 1949 года в детском доме как обычно был устроен утренник встречи Нового года, хотя был он назначен на четыре часа дня. Работник детского дома, который постоянно бывал новогодним Дедом Морозом, заболел. Руководство уговорило меня выступить в его роли.

Костюм Деда Мороза подогнали под мой рост и комплектацию, дали выучить роль работы на утреннике, на котором присутствовала моя шестилетняя сестра Наташа с мамой. После утренника, когда наша семья шла домой, маленькая Наташа все спрашивала у мамы: «Где был Михаил на празднике Нового года?» Ей отвечали: «Он был Дедом Морозом». Наташа не верила и громко всем сообщала: «Там был не Михаил, а Дед Мороз».

Этот детский дом в Чистополе просуществовал только до 1952 года, а затем был переведен в Казань.

Работа пионервожатым научила меня бережному отношению с коллегами, детьми, пониманию запросов в жизни, а главное — трудолюбию в любых ситуациях

Украина. Встреча с Киевом

Прошел год. Наступил 1949-й. Куда ехать учиться? В институт? Какой?

Я увлекался фотосъемками с 1936 года и решил поступать в институт киноинженеров. Но где?

Война разбросала нашу семью родом из-под Иваново по разным городам. Одна сестра жила в Ленинграде, другая — в Москве, третья после войны уехала с мужем восстанавливать электростанции на Украину и жила в Киеве.

Я хорошо знал предвоенный Ленинград, мы там жили с 1932 года и уехали «на дачу» в день начала войны 22 июня 1941-го. Отец вернуться после войны в город на Неве не захотел.

До 1932 года наша семья проживала в Киеве. Я отлично помнил эти годы и наш четырехэтажный дом на Подоле (район Киева). С балкона прекрасно просматривался в бинокль Днепр и его левый берег, по которому постоянно проходили поезда. Помнил, как на главной площади Подола стоял на небольшом постаменте трофейный английский танк времен гражданской войны.

Родители дали мне право выбирать любой город, в котором получать высшее образование, и я принял решение — еду в Киев в институт киноинженеров. На всякий случай отец дал мне письмо к своему институтскому другу, с которым они вместе работали на Украине с 1925 года. В 1949-м этот папин друг работал преподавателем в Киевском гидро-мелиоративном институте, и они переписывались.

Вместе со мной ехать учиться в Киев согласился мой приятель по школе рабочей молодежи Николай Иванов, отец которого, командир дивизии, погиб во время ВОВ, защищая город от фашистов.

От Чистополя до Казани добрались пароходом, а дальше возникла проблема — поезда через Москву на Киев из Казани не ходили. Пришлось ехать через Харьков.

Дорога в Харьков была через Пензу и Поворино. Пока она шла через территории, где не ступала нога захватчиков, мы видели только разрушенные вокзалы и воронки от авиабомб, а когда въехали на места, в которых хозяйничали фашисты, заметили, что повсюду в полях валялись еще неубранные подбитые немецкие танки и орудия. В одном месте перед Харьковом увидели сбитый самолет со свастиками. Но самое тягостное — было видеть на взгорках обелиски со звездами, братские могилы наших павших бойцов.

Кладбища захватчиков были заметны издали — большие территории, на которых рядами стояли березовые кресты с бирками. Протяженность этих рядов кое-где составляла сотню метров и ширину не меньше длины. Поражала ровность рядов и их общее количество. Видимо, там шло жестокое сражение за нашу независимость.

При въезде в Харьков нас потрясла разруха города: куда ни глянь, разбитые дома и груды битого кирпича. Дороги — тропы между разрушенными домами, а тротуары — расчистки в джунглях.

Пассажиры нашего состава высадили на станции «Харьков – Сортировочная» и предложили пешком перейти на вокзал для дальнейшего следования в Киев.

Путь протяженностью до двух километров пассажиры нашего поезда шли с вещами около часа. Вокзал «Харьков» встретил нас разбитой платформой и уже восстановленным зданием вокзала.

Все номера вагонов и мест соответствовали нашим билетам, поэтому никакой сумятицы не было. Пассажиры подходили и занимали свои места. Поездка до Киева прошла нормально, и вот мы прибыли на Киевский вокзал.

Киев встретил нас небольшим дождиком и сильным ветром.

Мы с Николаем пересели на трамвай и мимо «Евбаза» отправились на Подол, где жила мамина сестра, тетя Лида, в

поселок Киевской ТЭЦ. Он располагался в южной части Подола на пойме реки Днепр. Ее муж, инженер электрик, работал на ТЭЦ, а сама она трудилась врачом в местном медицинском пункте скорой помощи, дети учились в местной школе.

Тетя Лида на период сдачи вступительных экзаменов в институт разместила нас в небольшом сарайчике, рядом с которым помещался ее поросенок для откорма. Жить в комнате в восемнадцать квадратных метров, где и так проживало двое взрослых и двое детей, было не рационально. Мы с Николаем понимали это и с радостью заняли две койки в сарайчике.

Уже на следующий день отправились в институт киноинженеров, который был тогда в начале Красноармейского проспекта. Но к большому нашему сожалению и удивлению прием документов туда был закончен еще две недели назад. Раздумывать долго не пришлось, оставался только один вариант — ехать в институт «Гидромелиоративной», расположенный на улице Артема у сенного базара и улице Прорезной.

Когда пришли в Киевский гидромелиоративный институт (КГМИ), то узнали, что прием заявлений в него продлен в связи со значительным недобором желающих учиться на инженера-гидротехника.

Когда заходили в здание института, я увидел объявление, сообщавшее о скоростижной кончине папиного товарища, к которому у меня было письмо.

Мы все же подали свои заявления.

Наступили дни приемных экзаменов.

КГМИ был институтом второго порядка. В первый порядок входили государственный университет и политехнические строительные институты, а все остальные считались второго порядка. В них были определенные льготы: стипендия студентам выплачивалась, если нет прова-

лов на экзаменах, а также предоставлялось бесплатное общежитие и льготная оплата за обучение в институте.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ КИЕВ. СТУДЕНЧЕСТВО

КГМИ. Киевский гидромелиоративный институт

Экзамены прошли нормально.

Я сдал основные экзамены на «хорошо», но письменный русский — на «удовлетворительно», и уложился в проходной бал.

По окончании приемных экзаменов нас, будущих студентов, собрали на общее собрание и оповестили: набор закончен, на факультет «ГЭС» (гидроэлектростанций) принято пятьдесят студентов, разделенных на две группы; на факультет «Гидротехнические мелиорации» принято сто студентов, разделенных на четыре группы.

В каждой группе был выбран староста и его заместитель. Мы с Николаем попали в четвертую группу со старостой Леонидом Рябушко. Он фронтовик, имеющий несколько наград, в том числе два ордена «Красной Звезды». Потом мы подробнее узнали о его непростой судьбе и военной фронтовой службе.

Родился Леонид в конце 20-х годов в украинском селе. В год начала войны окончил десять классов. Во время оккупации фашистскими войсками скрывался с родственниками в лесах, а после освобождения добровольцем вступил в Красную Армию и дошел до дня Победы связистом в передовых частях. Осенью 1947-го по состоянию зрения прошел демобилизацию, а в 1949-м снова сдал экзамены в школе рабочей молодежи за десятый класс и поступил с нами в КГМИ.

Всех принятых, уже студентов, оповестили, что иногородним с началом учебного года будет предоставлено общежитие.

У нас оставалось две недели до начала занятий. Мы с Николаем договорились все это время прожить в сарайчике, а потом переехать в общежитие.

Киев в те годы представлял собой такую картину, как будто только вчера здесь проходила передовая фронтовая полоса.

На дороге, которая вела с Подола на Владимирскую гору, видны были остатки укреплений. На Крещатике, главной улице Киева, до ее окончания у Бульвара Шевченко стояло несколько уцелевших зданий, в том числе и здание главпочтамта, а остальные дома и магазины, которым славился Крещатик, превратились в щебенку и битый кирпич. Уже тогда киевляне поговаривали, что взрыв Крещатика и уничтожение значительного числа офицеров захватчика было делом партизан или спецподразделения Красной Армии.

Недалеко от входа на стадион «Динамо» была установлена на могиле героя лейтенанта Шелуденко мемориальная плита и танк, который первый ворвался на Владимирскую гору, был подбит и погиб, освобождая Киев.

Западная часть города пострадала значительно больше, чем примыкающая к Днепру южная часть, особенно был побит Голосеевский лес и корпуса Сельскохозяйственной академии Украины.

Мы съездили и осмотрели район Бабьего яра на Подоле, где были расстреляны сотни, если не тысячи киевлян, в основном евреев.

Незаметно прошло две недели неожиданного отпуска. Надо было готовиться к переезду в общежитие института.

Общежитием оказались частные дома в конце Красноармейского проспекта, которые были арендованы институтом.

Район этот назывался Черный хутор и расположен был рядом с карьерами песка, которые разрабатывались еще с дореволюционного времени. Карьеры были огромны.

Их северные откосы достигали в высоту до пятидесяти метров, а южные были не более двух – трех. В одном из котлованов мы увидели советский танк с разбитыми гусеницами. Местные жители рассказали, что во время освобождения города от захватчиков он ночью сорвался с откоса, экипаж погиб, и танк все еще лежит в карьере. Его пытались вытащить, но пока ничего не получалось, только порвали гусеницы.

Черный хутор состоял из нескольких десятков одноэтажных домов с узкими улочками и громадными садами вишен и яблонь, изредка встречались пирамидальные тополя. Война обошла этот клочок украинской земли, и в нем проживали украинцы, дальние родственники которых когда-то работали на этих песчаных карьерах.

Нас поселили в дома с комнатами по четыре – шесть человек. Хозяева встретили приветливо. Оказалось, институт уже третий год арендует их комнаты для студентов, и поэтому для них не новость принимать студенческое пополнение.

Домики с выносными туалетами были очень чистые и ухоженные, на кухнях стояли плиты и печки, всегда можно было приготовить чай и даже простенький ужин. Около каждой кровати стояла тумбочка и общая вешалка верхней одежды.

Дело оказалось в том, что основные общежития института, расположенные в районе Соломинки, были в стадии восстановительных работ, поэтому селить туда студентов было невозможно.

Сентябрь 1949 года. В институте начались занятия.

Пора была очень напряженная. Вместе с учебой необходимо было на Соломенке восстанавливать жилое здание для преподавателей и студенческое общежитие, разрушенное немцами при отступлении. Ежедневно на эти работы уходило по два – три часа.

По воскресеньям весь состав института выходил на работы по расчистке Крещатика от разрушенных зданий. Студенты и преподаватели выстраивались цепочкой и передавали разобранные кирпичи от разрушенных зданий в указанные места складирования для их дальнейшей обработки и уклада вновь в строящихся сооружениях.

Работы по ремонту студенческого общежития закончили к январю 1950 года. После зимних каникул студентов начали заселять в отремонтированные общежития.

Это была наша победа!

Трехэтажное здание общежития имело собственную кухню и столовую, зрительный зал на триста мест, на каждом этаже — читальные залы, комнаты для выполнения курсовых работ и холлы для отдыха, туалетные комнаты и душевые.

При общежитии имелся стадион с трибунами на пятьдесят мест, волейбольными площадками и зонами для прыжков в высоту и в длину.

На первом и третьем этажах размещались студенты, на втором — студентки.

Студенты нашего курса были из разных регионов Украины: многие из Донбасса и Луганска, Измаила и Одессы, Харькова, но в основном из Киева.

Из России был только я.

Годы учебы в институте

С первых дней занятий в институте в моей группе среди студентов сложилась дружная, можно сказать, семейная атмосфера. Больше половины из нас были приезжие и жили в общежитии, а городские хотя и держались особняком, в амбиции не вдавались.

Преподавательский состав был очень влиятельный: много кандидатов и докторов наук, было даже три академика

Украинской академии наук, а один — академик из академии наук СССР. Были и производственники, так одну из специальных дисциплин читал министр сельского хозяйства Украины.

Руководителем института, деканами и заведующими кафедр были в основном бывшие фронтовики, прошедшие с боями до Берлина. На военной кафедре, которая находилась в каждом техническом высшем заведении, преподавали в большинстве офицеры: майоры, полковники и даже генералы.

Такой преподавательский состав собрался неслучайно. Это были жители Киева, которым не удалось вырваться в эвакуацию, и они остались при оккупантах. Об этом случае говорит в своих воспоминаниях маршал Жуков.

После освобождения Киева эти преподаватели были вынуждены работать в институтах «второй категории», так как в Киевский государственный университет и политехнический, строительный институты их не брали.

Уже на первом комсомольском собрании меня выбрали в комитет комсомола института, где поручили заниматься спортивным сектором.

В учебе и спорте недели полетели незаметно.

Уже через месяц я познакомился с коренным киевлянином, который тоже увлекался спортивной гимнастикой, и это сблизило нас на долгие годы. Вместе мы стали ходить в спортивную секцию по гимнастике киевского общества «Динамо». На третьем курсе оба получили «Первый спортивный разряд» и начали работать по программе мастеров спорта.

Первые три года занятия проходили по три пары в первую смену с восьми утра и заканчивались после часа дня. Все студенты, жившие в общежитии на Соломенке (в то время окраине Киева) после окончания занятий отправлялись в столовую в отдельное здание во дворе института.

После обеда мы шли на остановку трамвая мимо исторического полуразрушенного памятника «Золотые ворота Киева», которому в то время было более тысячи лет.

Жизнь в общежитии была своеобразной. Практически все студены-«общаговцы» жили разноплеменной, но одной семьей. На первых трех курсах в каждой комнате — по шесть студентов, на последних — по четыре. Как правило, это были сложившиеся коллективы, часто с мест проживания родителей.

В основном студентами были дети председателей колхозов или районных руководителей. Много было детей военнослужащих, воинские части которых располагались на Украине.

Я подружился с несколькими парнями: один из Одессы, другой из Мариуполя, остальные из Донецка и Луганска. Жили дружно, в учебе помогали друг другу при написании курсовых работ или в понимании технических формулировок.

В те годы преподавание на русском языке велось только в институтах: политехническом, строительном, гидромелиоративном, а в остальных — на украинском.

Я не сразу понял, почему русский язык был в них узаконен. Ответ оказался самым прозаичным — на украинском языке не было понимания технической терминологии. Такие учебные дисциплины как сопромат, начертательная геометрия, высшая математика, электротехника, химия, физика, расчет несущих конструкций и так далее, можно было понять и выполнить математический расчет, только зная русский язык.

В общежитии если два украинца на украинском языке разбирали лекцию по техническому направлению, то сразу переходили на русский, и вопрос решался положительно.

Жизнь в общежитии была четко регламентирована порядком учебного дня. Утром подъем в шесть часов, завт-

рак в столовой и сборы для поездки в институт, а вечером выполнение «домашних» заданий, курсовых работ, повторение лекций.

Некоторые студенты в «столовку» не ходили, предпочитая завтраки и ужины готовить на «общаговской» кухне самостоятельно из привезенных из дома продуктов.

По субботам в обширном фойе второго этажа устраивали танцы, на которые, кроме студентов своего института, приглашались студентки рядом расположенных общежитий Педагогического института и Государственного университета.

Эти приглашения были связаны с тем, что в Гидромелиоративном институте училось до семидесяти пяти процентов студентов и только двадцать пять процентов студенток.

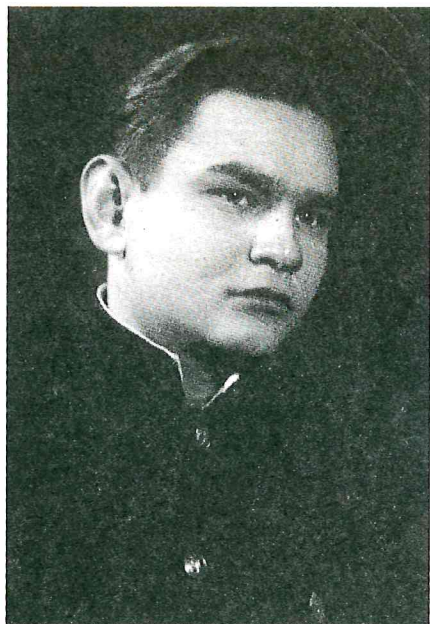
После окончания первого курса я по вызову БУПа работал геодезистом на изыскательской партии, проводил геодезическую съемку перекаатов на Каме для их разработки и увеличения глубины фарватера.

Временами приходилось выполнять геодезическую съемку камских перекаатов в тех местах, где в 1944 году работала землечерпательная машина №2, на которой я служил юнгой. Это были памятные места моей недавней жизни.

После третьего курса работал мастером на производственной практике по строительству технической базы БУПа, которая располагалась на берегу Камы на двести метров выше речного вокзала. В настоящее время она снесена.

Там произошел случай, который я запомнил на всю оставшуюся жизнь.

На строящуюся базу привезли четыре ящика со стеклом для остекления оконных проемов главного корпуса базы. Вес каждого ящика — двести сорок килограммов. Поднимать их нужно было по уложенному трапу с ограждениями на второй этаж в склад, так как постоянная железобетонная лестница еще не была смонтирована.

Студенческие годы

Я распорядился, чтобы четверо рабочих, вместе взявшись за ящик со стеклом, подняли его и перенесли по трапу. Поднимать такой груз по узкому трапу было сложно, и рабочие, выпускники ФЗО, отказались.

Я надел себе на спину «подушку грузчика» — приспособление, с которым в то время работали грузчики, разгружая или загружая баржи. Потребовал погрузить на нее ящик со стеклом и отнес его в склад. С остальными на изумление работников стройки сделал то же самое.

Рабочие после этого случая говорили мне, что я показался им очень упитанным парнем. Они не знали, что уже в то время я выполнял программу мастера спорта по спортивной гимнастике.

Финал этой истории произошел спустя почти тридцать лет.

После торжественного собрания, на котором вручались награды отличившимся работникам строительной отрасли Пермской области, был устроен праздничный ужин. К моему столу подошел незнакомый мужчина и спросил, не помню ли я его. Я не помнил. Тогда он спросил, а помнится ли мне, как я поднимал в склад ящики со стеклом. Это оказался бригадир той бригады фезеошников, которые отказались поднимать мой груз.

Диплом при окончании института я защитил с оценкой «отлично» и был направлен на работу в строительное уп-

равление, расположенное в городе Фергана Узбекской АССР, выполняющее работы по строительству каналов.

За все годы учебы и проживания в общежитии я ни разу не слышал в свой адрес слово «москаль».

Московский Всесоюзный парад спортсменов 1954 года

Однако выехать на работу в срок, указанный в направлении, я не смог, так как был участником Всесоюзного парада спортсменов 1954 года, входил в состав делегации Украины на этом параде и имел письмо с указанием причин опоздания на работу в установленные сроки.

Всего от Украины участвовало тысяча сто спортсменов, в основном это были мастера спорта или перворазрядники по спортивной или художественной гимнастике.

Во время парада на поле стадиона «Динамо» в Москве от Украины выезжало, точнее, вывозилось спортсменами двадцать четыре передвижных спортивных снаряда, специально изготовленных на заводах Киева.

После выполнения выступления эти же спортсмены увозили снаряды с поля стадиона.

Снаряд состоял из металлической рамы с двумя колесиками, на которой крепились складные гимнастические брусья, турник и два комплекта подвесных колец. Каждый снаряд на поле стадиона вывозило отделение закрепленных спортсменов, которые устанавливали свой снаряд на его расчетной точке стадиона.

При выступлении на каждом снаряде работали поочередно: первым этапом на гимнастических брусьях выступал гимнаст, его сменяли две гимнастки, для чего брусья переставлялись как разновысокие.

На втором этапе со снаряда убирались гимнастические брусья, и выдвигался турник, по краям которого устанавли-

вались гимнастические кольца, на которых работали два гимнаста.

Третьим заключительным этапом на турнике программу показывали два гимнаста, выполняя знаменитую по тем временам «бабочку». Первый гимнаст начинал выполнять упражнение «большие обороты», называемые в народе «солнышко», затем к нему рядом на турнике диаметрально подключался второй гимнаст, и они вдвоем выполняли «большие обороты». Когда один был внизу, второй должен был быть вверху.

Так они вместе делали обороты в течение двенадцати тактов музыки сопровождения и успевали выполнить по двенадцать больших оборотов каждый.

Я в составе отделения, которое состояло из пяти спортсменов и двух спортсменок, работал на снаряде, участвуя в выполнении упражнения «бабочка».

Парад происходил на московском стадионе «Динамо». Всего в нем участвовало более ста двадцати тысяч спортсменов от всех республик и спортивных обществ.

Каждому участнику по завершении парада был выдан значок с надписью «Всесоюзный парад спортсменов — 1954 год», который хранится у меня и сейчас.

Подготовка к параду у команды Украины заняла два месяца, выступление — десять минут. Во время подготовки вся команда, тысяча двести спортсменов, жила на казарменном положении в общежитии Киевского политехнического института. Потом мы были вывезены в Москву специальным поездом и размещены в казармах Кремлевского полка на Хорошевском шоссе, который на это время был перемещен в летние лагеря.

Генеральные тренировки всего парада проходили на стадионе «Динамо» более двух недель. Перед выступлением спортсменов на все поле стадиона уложили сплошной ковер толщиной в три сантиметра.

Принимали парад правительство СССР и Союзных республик, а также зарубежные гости.

Парад прошел успешно, все участники получили благодарственные письма.

Когда я по путевке приехал на работу в Фергану, оказалось, что мое рабочее место уже занято специалистом, тоже только окончившим аналогичный институт в Одессе. Поработав пару месяцев на разных должностях, я получил согласие руководства строительного управления на увольнение и отправился по месту жительства родителей в город Молотов.

Во время Всесоюзного парада спортсменов в Москве, 1954 год

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
Отзывы руководителей	5
Посвящение	16
Часть I. СОЮЗ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО	
Глава первая. Пять лет до Юбилея. 300 лет Перми	
Строительство Перми в третьем тысячелетии	19
Город и экология	23
Часть II. СТРОЙКИ УРАЛА	
Глава первая. Мастер. Стройки ГЭС: 1955–1958	
Навигация 1955 года. Камский шлюз	26
Рождение Воткинской ГЭС	28
Глава вторая. Прораб. 1958–1964 Стройки города Пермь	
Даешь «Камкабель»! Дорога Дружбы.....	37
Школа в Голованово. Командировка в Добрянку	45
«Особо секретный объект»	47
Глава третья. Специалист – строитель: 1964–1970	
Трест «Оргтехстрой»	57
Инструктор	59
Глава четвертая. Единый заказчик строек города – УКС	
Управление капитального строительства	
Пермского горисполкома	61
Главный инженер УКСа Пермского горисполкома	66
За здоровье нации	73
Областная клиническая больница.....	74
Городской туберкулезный диспансер	75
Городская психоневрологическая больница	76
Городская больница №7	77
Городская клиническая больница №2	79
Городская дезинфекционная станция	80
Первые стройки Областного онкологического диспансера ..	81
Строительство областной СЭС	82
Детские лечебные учреждения	83
Стоматологическая поликлиника на Городских горках	83
Родильные дома Перми	84
Поликлиники районов	85
Аптеки и фармацевтический завод	86

Строительство объектов аптечного производства	87
Объекты для СЭС	88
На благо грядущих поколений	90
Административные здания города	94
Общежитие на улице Чернышевского	95
Комплекс ГАИ УВД	95
Здание районных отделов УВД	97
Комплекс зданий для «Батальона милиции»	97
Комплекс базы полка патрульной службы	98
Строительство зданий для городского УВД.....	98
Здание областного суда	100
Строительство пожарных депо	100
Феодосиевская церковь.....	101
ПОЯВЛЕНИЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРЫ	
Пермский Драмтеатр	107
ТЮЗ	109
Дворец пионеров	112
Дом спорта «Орленок»	113
Театр оперы и балета	114
ВОЗВЕДЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПЕРМИ	
Монумент «Героям фронта и тыла»	115
Памятник «Уральскому добровольческому танковому корпусу»	120
Бюст «Вождю революции»	121
Памятник «Скорбящая»	121
СТРОИТЕЛЬСТВО АТС	
Здание АТС в Микрорайоне Балатово	123
Здание АТС в Свердловском Районе	123
Здание АТС в микрорайоне Парковый	124
ДОМА ДЛЯ НОВОЙ ЖИЗНИ 50-е и 60-е годы	
Микрорайоны Нагорный и Данилиха	125
Микрорайон Парковый	126
Микрорайон Садовый	127
Застройка улицы Петропавловская от	
улицы Крисанова до улицы Попова	134
Четыре дома на Попова	134
Дома на улице Волгодонская	135

БЛАГОУСТРОЙСТВО И СТРОИТЕЛЬСТВО АВТОМАГИСТРАЛЕЙ	
Первая автогасса Пермский ипподром - аэропорт «Большое Савино»	137
Строительство магистрали непрерывного движения	138
Строительство южной дамбы	139
Автострады Восточного обхода	140
ПРОВЕДЕНИЕ СИСТЕМЫ ВОДООТВЕДЕНИЯ	
Создание Чусовских очистных сооружений.....	147
КАМСКАЯ ДОЛИНА: МЕЧТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ	
Глава 5. Заместитель управляющего трестом	
№ 12: 1978–1979.....	157
Часть III. ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ	
Глава первая. Новое начало	
Главный специалист	
Центра лицензирования ГОССТРОЯ РФ.....	160
Преподаватель ПНИПУ	166
Общественная работа	169
Часть IV. ВОЗВРАЩАЯСЬ К ИСТОКАМ: ВРЕМЯ ВОЙНЫ, УЧЕБЫ И НАЧАЛО СТРОЕК В ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ	
Глава первая. Эпоха ВОВ: 1941–1945	
Ленинград. 22 июня 1941	170
Июль – декабрь 1941	174
Январь – декабрь 1942	181
Молотов. Январь 1943	190
1944. Юнга. Командир капитан Егоров	196
Весна 1945	209
Глава вторая. Школьные годы: 1946–1949	
Чистополь. Школа. Дальний Восток	210
Год пионервожатым	217
Украина. Встреча с Киевом	220
Глава третья. Киев. Студенчество	
КГМИ. Киевский гидромелиоративный институт	223
Годы учебы в институте	226
Московский Всесоюзный парад спортсменов 1954 года ..	231

Литературно-художественное издание

Шестьдесят три года на стройках Перми.

Дело, идущее сквозь время

Автор-составитель – М. С. Плеханов

Дизайн-верстка – А. Ю. Мошев

Корректор – Н. Н. Савенкова

Подписано в печать 13.11.2018 г.

Формат 60х84/8

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.печать 15л.

Заказ № 18-456. Тираж 500 экз.

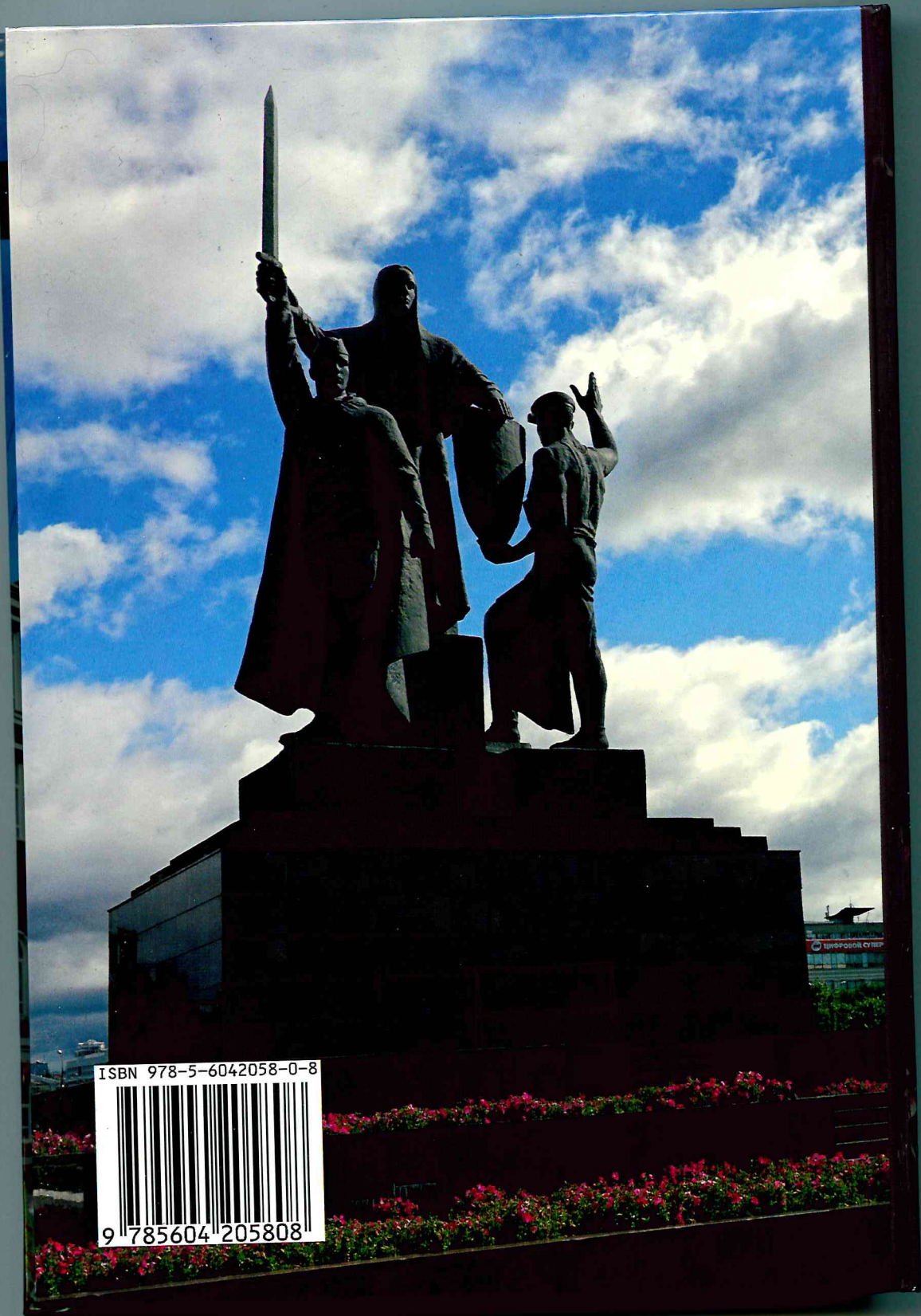
Отпечатано с оригинал-макета

индивидуальным предпринимателем

Е.Г. Теплоуховым. ОГРН 308590321200017

(Типография «Винтер» г. Пермь. Тел. (342) 237-03-63, 246-54-97)

ISBN 978-5-6042058-0-8

9 785604 205808